

ФЛҘГА ПИХДЙЛФВД

ВОЗШЕЗДИМЕ

Кто не желает стать избранником судьбы? Кто не хочет быть удостоенным сверхъестественных даров? Кто не мечтает о неуязвимости, успехе у женщин, феноменальной удачливости в игре? Кто не жаждет прослыть не таким как все, избранным, читать чужие мысли и обрести философский камень? Но иронией судьбы все это достается тому, кто не хочет этого, ибо, в отличие от многих, знает, кому и чем за это придется заплатить.

Ольга Николаевна Михайлова

Возмездие

«Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого».

Пс 57.11

«Пали твердыни Вавилона, ибо это — возмездие Господа; отмщайте ему, как он поступал, так и вы поступайте с ним».

Иеремия, 50, 15

«Non vosmetipsos defendentes, carissimi, sed date locum irae. Scriptum est enim: Mihi vindicta: ego retribuam, dicit Dominus».

Romans 12.19^[1]

Только вчера просил Альбино в молитве на повечерии: «Domine, mentibus nostris infunde...»^[2], и вот, — о, зримая благодать неизреченная, сладость неизглаголанная, упоение высшего созерцания, чудо красы Божьей: раскрыл под окнами кельи его розовые бутоны миндаля. Альбино торопливо сбежал по ступеням в сад и спрятал лицо в цветы, вдыхая благовонный аромат как приветствие ангельское.

— А вот Боэций красу земную почитал мимолётной и полагал, что негоже монаху упиваться великолепием небес звёздных, восторгаться прелестью древес цветущих да прельщаться благолепием красоты женской, ибо сие суетно да и пагубно к тому же, — у овина появился брат Гауденций. Он нёс на плече хомут, явно направляясь на конюшню. В голосе его сквозила лукавая насмешка, и Альбино улыбнулся ему. — Тебе Онофрий передать велел, — приблизившись и воровато оглянувшись, тихо сообщил келарь, легко переходя от назидательного тона к задумчивому, — сегодня он хочет открыть тот бочонок, что нашёл в старой крипте. После вечерни приходи через кладбище в винный подвал под донжоном и не забудь, седьмая ступень там провалена, руки от перил не отрывай.

Альбино кивнул, и келарь исчез в глубине монастырского сада. Молодой монах не обольщался оказанным ему предпочтением. Обладал он особливим, ему самому непонятным свойством: никогда не пьянел. Вино согревало душу, лишая порой устойчивости, но никогда не терял он в опьянении ни ума, ни памяти. Потому-то и поручалось ему замечать следы ночных возлияний келаря, наставника новичиев и элемозинария, и не опасались братья, что сам он попадётся в подпитии отцу настоятелю. Что до дубового бочонка, содержимым которого его пригласили полакомиться, то явлено было сокровище сие перед Благовещением брату Онофрию из Пьянцы, решившему починить в своей келье лавчонку и забредшему в старую крипту за подходящей дощечкой. В одном из ответвлений коридорных им и был обрётён под завалами досок искомый бочонок. По мнению брата, было настою, там хранящемуся, не меньше трёхсот лет, Альбино же полагал, что, скорее всего, его спрятали при прежнем настоятеле и лет содержимому не более тридцати.

Однако, спустившись после повечерия в подвал и застав братьев у открытого бочонка, Альбино подумал, что Онофрий прав: настой воистину разливал вокруг удивительное благоухание, аромат усладительный и дурманящий. Такого букета в Сант`Антимо отродясь не бывало.

— Запах чудный. По мне, там корневища дягиля, листья перечной мяты, верхушки стеблей горькой полыни, Melissa и иссопа, нераспустившиеся почки цветов гвоздики, кора корицы и оболочки плодов муската. — Нос брата Септимия из Монтероны, наставника послушников, вытянулся над кружкой. Ноздри его зримо трепетали.

— Ну, мне и нос совать нечего, только и слышу, что вроде полынью и миндалём пахнет, — отмахнувшись, пробормотал брат-келарь, всегда готовый признать своё невежество во всем, кроме заготовки и сохранности монастырских припасов, — хотя чую, что много там чего намешено.

— А ты что скажешь, Альбино? — поинтересовался брат Онофрий.

— Мне кажется, — склонился тот над кружкой, — что там, кроме перечисленного братом Септимием, ещё цветочные корзинки горной арники и плоды кардамона.

Брат Септимий снова внимательно внюхался и задумчиво кивнул. Онофрий усмехнулся.

— Многое дано мальчишке, толк из него будет, — сказал он Септимию и Гауденцию, нисколько не смущаясь присутствием самого Альбино. — Разумен юный сей, как змий, как кроток и тих, как агнец.

— Да, — кивнул Септимий, — и рукописи разбирает, и языки ведомы ему. И к тому же — благодушен, а благодушие — сие камень философский, что мудрецы ищут да не находят, и превращает он всё, к чему ни прикоснётся, в золото.

Слова братьев смутили Альбино. Те, заметив это, перевели разговор на монастырские дела, посудачили о брате Теофиле из Сортеано, мистике глубококом. Брата постоянно посещали видения ангельские, пребывал он часами в экстазе мистическом — и что же? Не расслышал, что на прошлой неделе в девятом часу аббат, отец Алоизий, велел вырыть новую выгребную яму на заднем дворе, да в оную яму, встав по нужде за час до полуночи, и провалился. Мистика мистикой, а уши-то на что?

Братья рассмеялись.

— Да, не тот монах пошёл, — кивнул наставник новициев, — вон конюх наш, брат Бениамино из Раполано, за сорок лет в монастыре достиг полного бесстрастия, но потерял его на второй минуте скачек в Сиене, куда по поручению аббата за кожами послан был. Так ещё настоятельно сказал, что его-де бес попутал! Коли виной всему глупая самонадеянность, чего же на князя тьмы-то наговаривать?..

— Тем более что князь тьмы делами поважнее занят, — грустно согласился брат Гауденций, — говорят, десяток лет тому из Неаполя новая зараза блудная пришла, кто попадается — заживо сгнивает, пятна сначала гирляндами по телу идут, потом исчезают, а через несколько лет плоть разлагаться начинает, заживо сгнивает человек.

— Да, везде зараза, от Рима до последнего городишки, — безрадостно проронил Септимий, — а что о папе Александре паломники рассказывали, так только руками развести, может ли и быть-то такое? Говорят, ни кинжалом, ни ядом не брезговал. Мыслимое ли дело?

— Налей ещё по кружечке да пойдём, — обратился Гауденций к Онофрию, явно не желая говорить о политике, — а то, не ровен час, схватится меня ризничий или камерарий, вот шуму-то будет.

— А что отравы-то для мышей в амбаре, что я тебе приготовил, действует? — подлив ему вина, лениво, со счастливой хмельной улыбкой на губах, поинтересовался у Гауденция Онофрий.

Гауденций задумчиво пожал плечами, чуть склонив голову.

— Да как сказать? Польза от неё есть, ценная вещь, — кивнул он. — Мыши поесть её кинулись, да так растолстели, что в норки пролезать перестали. Тут кот мой, Пелегринус, их всех и переловил.

Подпившие братья покатались со смеху.

* * *

...Возвращался Альбино к себе около полуночи, тенью проскользнул по ступеням старой садовой лестницы и тут обмер от страха: навстречу ему шла Смерть. Фигура в чёрном плаще с островерхим капюшоном и косой за плечами выступила из мрака так неожиданно, что монах испуганно подался назад, с ужасом разглядывая бледные скелетообразные руки,

белеющие лунном свете. Смерть приближалась, но теперь оказалось, что коса ему померещилась: то была кривая тень посоха на стене.

— Я не нашла тебя в твоей келье, Аньелло.

Испуганная душа Альбино оттаяла. Это был голос матери. Она назвала его мирским именем и сейчас снимала капюшон. Монах приблизился и снова отпрянул: мать стала совсем седой и казалась мертвенно бледной. Она, не говоря ни слова, повисла на его руке и повлекла в dormitorio.

В келье Альбино торопливо раздул едва тлевшие угли камина, подбросил в разгоревшееся пламя вязанку хвороста, зажёл погасшую лампаду и, обернувшись, снова оцепенел. Это были вовсе не шутки обманчивых лунных лучей: мать была явно больной, уязвлённой неисцелимым недугом.

Монна Джулиана поставила посох у стены и в бессилии опустилась на узкое монашеское ложе. Сердце Альбино сжалось. Он весь последний год не получал писем из дома, но принимал это за знак благополучия, полагая, что если бы что-то случилось, его сразу известили бы, и не особо волновался. Мать тем временем, прощурив рукой под плащом, извлекла оттуда пергамент.

— Возьми, — в этом приказе на миг проступила прежняя волевая и властная монна Джулиана Буонаромей. — Это вексель на банк Медичи. Я сумела продать дом и выбраться из города, — она тяжело, с хрипом сглотнула. — Вот когда благословишь старость и морщины, — устало пробормотала она, — старух никто не замечает, мне удалось проскользнуть незаметно. — Она тяжело закашлялась, потом горестно закачалась, вцепившись пальцами в седые пряди, — будь проклят этот ненавистный город!

Альбино тихо присел к столу и недоуменно посмотрел на мать, не с силах понять, почему ей понадобилось продавать дом в Сиене, где их старый род был известен уже три века, да ещё выбираться из города тайком, но мать продолжила и он обмер.

— Мерзавец Фабио Марескотти, присный и родня Петруччи, совсем Бога забыл: творит, что вздумается, сходится с замужними женщинами, ворует девиц, теснит бедных, отнимает имущество у богатых, не щадит ни сирот, ни вдов. Его обвиняют в бесчисленных насилиях и отступничестве от веры. И воистину — не верует этот человек в будущую жизнь, — скорбно покачала она головой. — Он обесчестил твою сестру, Аньелло, семеро его охранников схватили её по дороге из церкви и отвезли к нему, потом он отдал её поглумиться своим прихлебателям, а через день её труп выловили в одной из галерей Фонте Бранда. Маттео и Томазо собрали друзей, пытались пробраться в дом и отомстить, но в их ряды затесался предатель, Филиппо Баркальи. Заговор был раскрыт, их схватили и обезглавили, обвинив в измене. Я успела продать дом, выручил Ринуччо, дал шесть тысяч дукатов. Палаццо стоил все десять, но в моём положении пришлось благодарить за то, что дают, — старуха усмехнулась, и у Альбино от этой жуткой улыбки по телу вновь пробежал озноб.

— Не бойся, Аньелло, — мать подняла на него тяжёлые глаза, — я не прошу о мести. Мы бессильны. Я всегда понимала, что ты не от мира сего.

Альбино потрясённо молчал. Мать отвернулась от него и со вздохом проговорила.

— Уступчивый, кроткий, сердобольный. Боже мой, ты жалел даже пчёл, что умирали, укусив тебя. Мой последний сын... — Мать снова подняла на него глаза. — Тебе, привыкшему к чёткам, не по руке хищный эскадрон. И что толку в пустых стенаниях? Я, сколько могла, противилась твоему уходу из мира, но теперь вижу, что он промыслителен. Мне не пережить и нынешнее Бдение, отпоёшь меня и похоронишь. Этих денег, — монна

Джулиана кивнула на вексель, — тебе хватит, сын мой, чтобы заказать много, очень много обеден и за упокой моей души, и за упокой души твоей обесчещенной сестры Джиневры, и за упокой братьев твоих Маттео и Томазо. Молись прилежно, мой мальчик, молись усердно, мой ягнёночек. Не для того ли ты и стал монахом?

Альбино не мог не почувствовать непроизнесённого упрёка матери, не ощутить её скорби, но тут женщина, поддерживаемая только желанием в последний раз увидеть последнего из оставшихся ей сыновей, опустилась на набитую соломой подушку и поблелдела. Монах хотел было побежать за братом-медикусом Медардо, но старуха покачала головой и пробормотала: «незачем... всё пустое». И слова эти тоже были последними, и последнее, что запомнил Альбино, были руки матери, судорожно впившиеся в его покрывало, смявшие его и тут же разжавшиеся.

Он отошёл от умершей и перекрестился. Снова опустился на стул и несколько минут он сидел, стискивая в руках данный матерью вексель, глядя в огонь и ни о чём не думая. Мысли расплзались, наплывали друг на друга, путаясь и стягиваясь в тугой гордиев узел. Но тут на монастырском подворье ударили в било, сзывая монахов на Бдение, Альбино очнулся, спрятал пергамент и торопливо побежал к аббату Алоизию, рассказал о приезде и смерти матери, испросил разрешения похоронить её на монастырском погосте.

После службы братья Септимий, Онофрий и Гауденций помогли ему с похоронами, тело умершей положили на плат, посыпанный золой, окурили фимиамом, окропили святой водой и схоронили на утренней заре под пение покаянных псалмов. Вернувшись с кладбища, Альбино сел в саду на уступ стены и поднял глаза: цветущий миндаль расплывался в глазах розово-алыми пятнами, точно кровью. «И примерещится же...»

Первое время после похорон Альбино молился, одержимо и истово, прося утишить его душу и упокоить в мире души матери, сестры и братьев, но сам не заметил, как час от часу всё чаще в памяти его стали всплывать образы Джиневры, Маттео и Томазо. Вот двенадцатилетняя сестра надевает ему на голову сплетённый ею венок из васильков и клевера, вот Томазо учит его держать меч и стрелять из арбалета, а Маттео рассказывает о победе контрады Дракона в скачках на неосёдланных лошадях. Ему и тогда не очень-то нравились все эти мальчишеские забавы, руки его, мать права, не любили сжимать эскадрон, его ничуть не интересовали распри властной верхушки, склоки «додичини» с нобилиями, новески с пополанами, что так любили обсуждать братья. Что во всём этом? — спрашивал он себя. Он убегал в храм и там часами подпевал монастырским хорам.

А в Сиене переворот следовал за переворотом, вражда коммерсантов изрядно подкосила город, сиенский текстиль дешевел, банковские дома приходили в упадок, но раздоры не утихали, кровь лилась. Наконец власть захватило семейство Пандольфо Петруччи, и теперь именно его родственник, человек правителя, уничтожил его семью. Но что делать? Если отомстить негодяю не смогли братья, что сможет он?

Отомстить? Альбино потряс головой. О чём он помышляет? «Мстительный получит отмщение от Господа, Который не забудет грехов его. Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои...», бормотал он строки сына Сирахова. Разве не сказано пророком Наумом: «Господь есть Бог ревнитель и мститель, Господь не оставляет без наказания...» Вторит ему и апостол в послании к римлянам: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром...»

Куда же он дерзает устремиться греховной мыслью?

Альбино успокаивался, приходил в себя. Но ненадолго. В него точно вселился дьявол,

он то и дело ловил себя на помыслах безбожных и злоумышленных. Окучивая деревья в саду, замирал перед монастырской стеной, но видел перед собой палаццо Марескотти на виа ди Читта, на фасаде в трифориях — семейный герб: орёл с распростёртыми крылами. Мощная башня с левой стороны здания, два нижних яруса облицованы светлым камнем, третий ярус — красным кирпичом. Как пробраться туда?

Он снова в ужасе опомнился. Что он делает? Однако было поздно: чёрный помысел проник в душу и разъедал её. Поняв это, Альбино попытался рассуждать разумно. В руках Петруччи и его семейства — вся городская власть. Марескотти — приближенный и родственник Петруччи. Он же, Аньелло Буонаромей, — просто никто. У него теперь нет в городе ни родни, ни крова, ему негде там и головы преклонить. Он не принадлежит уже ни к одной контраде, у него нет друзей и покровителей. Он десять лет, со своих шестнадцати, не был в Сиене. Он — он монах, живой мертвец.

Живой мертвец? Но раз так, что терять мертвецу? Мать сказала, чтобы он не мстил за поругание. Альбино достаточно знал тон матери, чтобы различить в нём безнадёжность и презрение. Да, мать не считала его ни дворянином, ни мужчиной, ни даже человеком, но подлинно живым мертвецом, вернее — никем. Никем.

Но что он мог сделать? Месть была подлинно делом абсолютно безнадёжным. Марескотти наверняка никуда не выходит без оружия и вооружённой до зубов охраны, к нему просто не подойдёшь на длину клинка, и ему ли, монаху, в самом-то деле, затевать подобное? Он бессилен. Даже если ему и дастся проникнуть в палаццо, хотя бы пристроиться туда в услужение... Но как пробраться в дом? Нарядиться слугой?

Альбино, воткнув лопату в землю, пробежал задворками храма и поднялся в ризницу. Здесь, в витражах, можно было увидеть себя в полный рост. Монах стянул с головы капюшон и остановился. Спустя минуту скептически поджал губы и покачал головой. Какая челядь? Глупо. Он не очень похож на братьев, скорее — на сестру, и узнать в нём Аньелло Буонаромей сегодня трудно, но прикинуться простолюдином не получится. Выдаст и речь, и осанка, и руки, а между тем маска должна походить на лицо. Но даже и найди он эту маску, как уничтожить негодяя? Поднимется ли у него на это рука? Не остановится ли он сам в последнюю минуту, не желая обагрять руки кровью? Брат Септимий назвал его благодушным, мать — уступчивым. Альбино вздохнул. Да, он не любил распрей, но мстителя не одушевить кротостью, только страстная ненависть, яростная, одержимая и исступлённая, способна воспламенить его.

Но его душа была душой ушедшего от мира.

Однако предсмертный взгляд матери стоял перед его глазами и звал в мир, на деяние невозможное и немислимое. Он должен отмстить, должен, должен, должен.

Через две недели после похорон Альбино решился поговорить с братом Гауденцием. Келарь нравился ему спокойной рассудительностью и всегдашним покоем духа. Совет брата, надеялся он, укрепит его, вразумит и наставит.

Они встретились в саду на вечерней заре, Альбино рассказал обо всём, что мучило его. Гауденций выслушал своего молодого собрата спокойно и безмятежно, порой поднимая на него тёмно-карие глаза и тут же опуская их в землю, а выслушав всё — погрузился в долгое молчание.

— Как мне быть? Я есть не могу, я спать не могу, я молиться не могу. И простить не могу.

Келарь вздохнул.

— Бог велит нам прощать обиды, Альбино, но это преступление. Преступлений Бог прощать не велит. В другие времена ты мог бы воззвать к закону, но сейчас закон в руках убийц. Однако послать тебя мстить, брат мой, это значит просто послать на смерть.

Келарь помрачнел и долго смотрел на серые облака, окутывавшие пеленой последние закатные лучи. На налетевшем невесть откуда ветру затрепетали и стали осыпаться розовым снегом цветущие ветви миндаля. Гауденций стряхнул их с рукава и неожиданно проронил тоном отрешённым и безрадостным:

— Похоть и мерзость, а всё с чего? Чад попойки, толстые губы злословящего развратника, дурные замыслы, греховные поступки — и вот разгорается война между семьями, в ход идут ножи. Тебя оскорбили, ты убиваешь, потом убивают тебя, вскоре ненависть пускает корни, сыновей баюкают в гробах дедов, и целые поколения вырастают из чёрной земли, унавоженной отцовским прахом, как зубы дракона, с мечами в руках. — Гауденций с тоской поднял глаза на Альбино, — но ты, ты, Альбино? Сердце моё потянулось к тебе, едва я увидел тебя. Одна твоя улыбка умиротворяет любой гнев. Опомнись. Принцип «око за око» сделает весь мир слепым. Ты рождён ангелом, а не палачом.

Альбино растрогали душевные слова брата, но он покачал головой.

— Иногда и ангелы берут в руки меч, Гауденций.

— Ну, это только при конце света.

— У каждого свой Апокалипсис.

— Бог — мститель и Он воздаст.

— «Если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть», — с досадой пробормотал Альбино слова книги Исхода, — этого тоже никто не отменял. Это не отмщение, это возмездие.

Гауденций бросил печальный взгляд на собрата, увидел его решимость, помрачнел, несколько минут размышлял, потом через силу со вздохом проговорил:

— Ладно, будь по-твоему. Запомни имя — Анна Фантони. Найдёшь её на улице Сан-Пьетро, у старой церкви святого Августина, примерно в четверти мили к югу от Кампо. Это в Черепашьей контраде. Остановишься у неё.

Альбино растерялся.

— Но я не могу остановиться у женщины.

Гауденций досадливо хмыкнул и со скрытой издёвкой проговорил:

— Для монаха сие похвально, но для мстителя излишняя разборчивость смешна и может выдать. В Сиене человек, шарахающийся от вина, притонов разврата и от женщин, так же странен, как девственница в блудилище. Что до Анны, в миру я — Джильберто Фантони, это моя мать, ей под семьдесят. Назови моё имя, и она приютит тебя. Запомни ещё два имени — Элиджео Арминелли и Камилло Тонди. Я не видел их много лет. Один был писцом в книгохранилище Пандольфо Петруччи, второй тогда же работал секретарём у Пикколomini. Не знаю, что с ними стало, но если встретишь их, приглядишься, может, кто-то из них поможет тебе. Тогда, в юности моей, это были порядочные люди. Постарайся пристроиться в библиотеку или секретарём к какому-нибудь духовному лицу.

Гауденций вздохнул, помолчал, потом решительно проронил:

— И ещё. Франческо Фантони. Мой родной братец. Чёртов шут, посмешище сиенской знати, распутник и пьянчуга, позор рода. Мать жалуется в каждом письме. Но если выхода не будет, вспомни и о нём. Не всё же он пропил, надеюсь... — Альбино заметил, как

потемнел и насупился Гауденций. — Ещё помни, что недоверчивость бывает пороком глупца, а доверчивость — слабостью умного. Равный порок — верить всем и не доверять никому, только первый благороднее, а второй — безопаснее. Не торопись. Смотри, слушай, наблюдай. Я буду молиться о тебе, брат мой.

Глава I. Гаер с улицы Сан-Пьетро

Сиена ещё спала под покровом мутных серых облаков, обещавших дождливый и пасмурный день, когда Альбино, накануне отпущенный аббатом Алоизием по семейным делам в город, уже добрался до предместья. Ничто здесь не изменилось за годы его отсутствия: дома цвета корицы, шоколадные черепичные крыши, квадраты темных окон и кое-где у порогов домов знати тускло чадающие факелы, силящиеся разогнать утренний туман. Улицы были ещё пусты, и шаги Альбино гулко отдавались в узких проулках под сводами арочных перекрытий.

Они с Гауденцием решили, что ему проще называться в Сиене своим привычным монашеским именем, которого там никто не знал, а вот фамилию Альбино выбрал их флорентинского родственника — Джанфранко Кьяндарони, близкую семье Буонаромей, но в Сиене неизвестную. Сейчас он шёл по предместью и бормотал про себя: «Альбинс Кьяндарони, Альбино Кьяндарони», стремясь сделать это имя привычным и родным для себя.

Он знал эти улицы с детства и легко нашёл старую церковь святого Августина. Сиена медленно просыпалась. Горожане выползали на балконы, мелькали в окнах. Спросив у встречного торговца зеленью дом Анны Фантони, Альбино быстро разыскал её жилище: уютный дворик, увитый побегами винограда, успевшего оплести стены и теперь, вившегося, ощупывая перила молодыми нежными усиками, по лестнице входа.

Альбино осторожно постучал, услышал внутри дома уверенные шаги. Дверь распахнулась. Было заметно, что стоявшая на пороге пожилая женщина несколько не обеспокоена и ничуть не боится нежданного гостя, её тёмные глаза, умные и ясные, смотрели в упор и словно вопрошали, что надо пришедшему в этот ранний час в её дом без приглашения?

Альбино поклонился, стараясь улыбнуться женщине как матери.

— Мне неловко вторгаться в ваше жилище в столь ранний час, но я принёс вам письмо от вашего сына Гауденция.

Он произнёс волшебные слова. Лицо женщины, напряжённое и вопрошающее, тотчас смягчилось, радушная улыбка омолодила старческое лицо. Его тут же пригласили в дом, усадили на лучшее место и предложили вина. Пока монна Фантони читала протянутый им пергамент, Альбино незаметно огляделся. Обстановка в доме была не роскошной, но всё говорило о достатке. Женщина явно ни в чём не нуждалась, хоть и не была склонна к бережливости: дорогие книги лежали на полу, добротные вещи — небрежно висели на перекладине и частью были свалены на ложе, в подсвечниках стояло несколько дорогих восковых свечей, и на них тоже вовсе не экономили.

Монна Фантони тем временем прочла письмо.

— Джильберто называет вас другом и просит помочь с жильём. Комната наверху свободна, и я охотно предоставлю её вам, но... — она умолкла.

— Я заплачу за постой, — торопливо отозвался Альбино, полагая, что она намекает именно на это.

— Я ещё не прошу подаяние, — в голосе монны Анны мелькнула усмешка, — и друзья сына для меня гости. Но Джильберто говорит, что вам нужны тишина и покой для учёных занятий. Не мог же он не понимать, что... — женщина замаялась и не договорила.

В эту минуту дверь без стука распахнулась, и на пороге возник мужчина лет тридцати с явными следами похмелья на лице. У него были такие же карие, как у Гауденция и монны Анны, глаза, но не блиставшие ясностью, а, напротив, обведённые дымной тенью и чуть осоловевшие. Стройный и очень тонкий в кости, он, пожалуй, был изящным, хоть недоброжелатель обозвал бы его тощим. На фоне чёрного, стягивающего талию колета выделялись руки с длинными пальцами и худыми запястьями. С правого плеча до левого бедра пролегал ремень, притороченный к кожаному, миланской работы чехлу, в котором за спиной пришедшего угадывался гриф не то гитары, не то лютни, а к поясу крепился маленький, едва на длину ладони, тонкий кинжал из Беллуно в дорогих, тоже миланской тиснёной кожи, ножнах.

— Франчо! — монна Анна явно не обрадовалась гостю, голос её зазвенел гневом. — Опять напился? Снова девки да блудилища? Зачем ты явился? Чего тебе надо? Позорите меня?

Альбино понял, что это и есть брат Гауденция Франческо, коего тот рекомендовал как позор рода Фантони, однако было незаметно, чтобы слова матери хоть на волос смутили непутёвого сынка. Он, как ярмарочный Бригелла, сложил руки и развёл их в комическом жесте.

— Ошибаешься, матушка, я зашёл всего лишь попросить кружку отвара ячменного солода, что хранится в кухонном погребе. Неужто же ты откажешь твоему страждущему сыну, распятому злой жаждой, в столь ничтожной просьбе, в глотке пива? — голос его был мелодичен, но некоторые слова Фантони выговаривал неясно.

Монна Фантони на глазах постарела.

— Как же мне надоели твои вечные попойки! Одно и то же, каждый день одно и то же! Девки да вино разве доведут до добра? погоди вот, подхватишь галльскую заразу, будешь знать!

— Какие девки, матушка? — изумился Франческо.

Он быстрым жестом снял со спины чехол, расстегнул его и отбросил, в руках же у него возникла гитара, он нервными пальцами пробежал по струнам, явив слуху чистейшую мелодию тарантеллы, и вдруг шутовски загорланил, вертясь и пританцовывая:

— Когда умру я, кравчий мой,
Ты к дьяволу пошли обедни,
Туда же — девки вздох последний
С её притворною слезой.
Вода — не больше — слезы милой.
Откройте бочку вы, друзья,
Да спойте хором над могилой, —
Вам подтяну из гроба я!

Альбино удивился. Где бы ни учился петь мессир Фантони, он делал честь своему учителю, голос его, неожиданно мощный в столь худощавом теле, удивлял. Певец легко брал как верхние теноровые ноты, так и нижние баритональные. К тому же, несмотря явные признаки вчерашней попойки, Фантони явно был прирождённым танцором: двигался он странно легко, казался невесомым, как некий бес, молниеносно то исчезал, то появлялся

спустя мгновение уже в другом месте. Монах заворожённо следил за ногами Франческо, поражаясь выделяемым па и изумляясь, и вдруг поймал себя на странном ощущении: предупреждённый Гауденцием о порочности этого человека, он, несмотря на откровенно грешный образ жизни Фантони, Бог весть почему почувствовал к нему тёплую живую симпатию.

Монна же Фантони, едва дослушав рулады сынка, упёрла руки в бока.

— Потаскун бесстыжий, вертопрах, горлодёр, баба, тень изнеженного развратника! Посмотрите-ка на это воплощённое похмелье после оргии, на эти круги под глазами, на руки, которым впору держать только женский веер! Позор моих седин! Срам моего дома! — однако, разразившись этой гневной тирадой, как судья — приговором, монна Анна всё же велела кухарке принести сыну пива, сама же в досаде вышла из комнаты.

Пиво появилось быстро, породив у Альбино подозрение, что служанка, не раз присутствуя при подобных сценах, едва слышав голос мессира Франческо, сразу же направилась в подвал. И едва живительная влага оросила пересохшее горло певца, он обратил свой взор, ставший куда более осмысленным, на гостя матери и несколько мгновений пристально его разглядывал. В глазах его отчего-то промелькнула странная тоска, лицо на миг точно исказилось судорогой, но она тут же сменилась насмешкой.

— К нам в дом пожаловал монах? — осведомился он у Альбино, и голос его зазвучал отчётливей, хоть и глуше. — Такое выражение глаз я уже видал и не раз — у своего братца Джильберто. О, как оно мне знакомо! — скривил нос Франческо. — Эти глаза словно говорят: «Что мне за дело до ваших грязных мерзостей и пустых забот, бунтов черни и вечных убийств в тёмных проулках, я не желаю видеть пучины насилия и зла, что охватила мир, отойдите, греховодники, не пачкайте своими грязными руками мои белые ризы...» — и Франческо мелкими шажками прошёлся по комнате с выражением отрешённости на лице, которое, однако, гораздо больше походило на физиономию чистюли, унюхавшего вонь нужника на заднем дворе.

— Я несколько лет работал секретарём мессира Джанфранко Кьяндарони, архивариуса во Флоренции, я его племянник, — с незлобивой улыбкой ответил Альбино, подивившись про себя прозорливости братца Гауденция, — уединённые занятия среди книг, думаю, и породили то выражение отрешённости от мирского, что показалось вам монашеским. Я всего лишь бедный любитель книг.

— И что же привело вас к нам — с таким-то флорентинским выговором?

Выговор у Альбино подлинно был не сиенским: его воспитывала старая нянька-флорентинка. Он снова улыбнулся.

— Я хотел бы получить в городе место секретаря или помощника библиотекаря.

На несколько мгновений оба замерли друг против друга. Альбино вблизи разглядел, что Франческо Фантони хоть и худ, но широк в плечах и жилист, на виске его чуть выделялись две крохотные оспинки, глаза цвета диких каштанов смотрели насмешливо и внимательно. Лицо этого мужчины даже в похмелье несло печать странного обаяния, меланхоличного и умного, настолько умного, что Альбино невольно подумал, что тот видит его насквозь. Отметил монах и одежду Фантони: очень дорогую рубашку венецианского полотна, темно-вишнёвый генуэзский бархат штанов, тиснёную кожу высоких, явно сделанных на заказ сапог и чёрный короткий плащ с модным двойным воротником. Мессир Фантони был щёголем.

Удивило и то, что Франческо, вначале показавшийся невысоким и хрупким, теперь, стоя

рядом, смотрел на монаха сверху вниз, и роста, стало быть, был порядочного.

Взгляд же Франческо, казалось, хотел проникнуть в душу Альбино, был пристален и настойчив, но вскоре братец Гауденция опустил глаза и неожиданно вежливо проронил, что его имя Франческо Фантони, он вертопрах и фигляр, мужчины Сиены называют его пустомелей и гаером, а что касается женщин, то они слишком благопристойны, чтобы произносить его имя вслух.

— Меня зовут Альбино Кьяндарони, — склонил голову перед Франческо Альбино, — и надеюсь, что я, в отличие от сиенцев, буду придерживаться о вас совсем иного мнения.

— С чего бы это? — удивился Фантони, не сводя с него пристального взгляда. — Надо ценить устойчивую репутацию. Если я стяжал лавры распутника, сводни, пьяницы и шута горохового, зачем же отказываться от заслуженной славы? Изменись я, могут сказать, что я непостоянен и переменчив, как женщина, или, что ещё хуже, заподозрят, что я ношу маску. А разве честные люди носят маски? — Фантони покачал головой. — Грим — дело актёрское, честный же человек лжёт, не гримируясь! — кривляка подмигнул Альбино, и тот отметил, что в глазах Франческо уже совсем не заметно хмеля, а вот непонятная тоска проступила явственней.

Фантони отвернулся, уложил инструмент в чехол, снова повесил гитару за спину, потом неожиданно чмокнул в щеку вернувшуюся в комнату мать, да так, что та не успела уклониться, переступил порог и исчез, не прощаясь.

Монна Анна вздохнула и обернулась к Альбино.

— Если вашему уединению не помешают вечные вопли этого мерзавца, можете вселиться в комнату наверху.

Альбино покачал головой и улыбнулся.

— Мне кажется, вы чрезмерно строги к сыну, монна Анна. Мессир Франческо очень умный человек.

Монна Фантони польщённо усмехнулась, потом досадливо хмыкнула.

— Мозгами-то его, что и говорить, Бог не обидел, да что толку-то? Крутится вокруг этих богатеев, лебезит да угождает, нет, чтобы своё достоинство помнить!

— Но ведь он так молод, что в этом дурного? — вступился за Франческо монах.

Монна Фантони болезненно скривилась, точно от зубной боли.

— Да то, что забавы-то нешуточные у этой знати. Вон сынок мессира Турамини недавно в окрестностях Поджибонси с лошади свалился да шею сломал, только что похоронили. — Монна Анна помрачнела и вздохнула. — А у семейства Миньявелли наследник рода Джулио спустя неделю погиб по неосторожности, с лестницы упал. — Она испуганно перекрестилась. — Так и этого мало. Один из друзей господина Петруччи, мессир Ланди, тоже сына намеренно потерял, — лицо женщины совсем потемнело. — На охоте на уток пропал, словно и не было его вовсе! Три дня искали, всё попусту. А что, если с этим шутником что-нибудь случится?

Из дальнейшего рассказа словоохотливой женщины Альбино узнал немало нового о семействе своего собрата в монашестве. Оказывается, у Гауденция и Франчо была ещё и сестра. Её чрезвычайно удачное замужество и трое внуков, которых она подарила матери, помогли монне Анне смириться с набожностью старшего сына и его желанием уйти от мира и с беспутством младшего. Внуки оказались подлинной страстью монны Фантони: Луиджи и Ренцо были самыми прекрасными детьми на свете, а краше внучки Лучии были только ангелы в раю.

— А Франческо и в детстве был таким же, как сейчас? — сочувственно осведомился Альбино.

Монна Анна покачала головой. Какое там! Сколько она помнила, всегда корпел над книгами и мог расплакаться над раненой пичугой, а как увлекался медициной, как хвалим был учителями! А как легко сочинял стихи! Что до музыки, ещё не умея говорить, он в колыбели уже мурлыкал тарантеллу! Разве юность его не была зарей восходящего светила? А что вышло, Господи?

Женщина горестно потёрла бледный лоб руками.

— Если бы он всегда был распутником, я не отчаивалась бы, но его словно подменили. Вернувшись из Рима, стал сам не свой. Город развратил его, поработил похотям. А разве не мог он осуществить мои заветные мечты? — старуха грустно покачала головой. — Как это больно: словно уснуть в сказочном дворце с песнопениями ангелов, а пробудиться в ветхой лачуге.

— Но почему он так изменился?

Этого монна Анна не знала.

— Я много раз говорила себе, что что-то упустила в нём, но ума не приложу, где и когда. Это всё Рим, он пробыл там год и вернулся другим человеком. Раньше был не менее набожен, чем Джильберто, а теперь от него, кроме распутных песенок да низких шуток, ничего не услышишь. Злые языки, которым так приятно ранить и без того больное материнское сердце, уверяют, что он до того распущен, что способен соблазнить любую! И не для себя! Сводничает ради этих аристократов! Возможно ли? Разве сам он — дурной крови? Зачем он заискивает, унижая себя и свой род, перед этой титулованной чернью? Зачем разряжен, как девица на выданье? А те зовут его Грилло, Сверчком, и в грош не ставят!

* * *

...Альбино устроился у монны Фантони достаточно уютно. Скарб монаха был весьма скромным, распаковав вещи, он присел у окна и предался размышлениям, поймав себя на том, что то и дело возвращается мыслями к Франческо Фантони. Что могло понравиться ему в человеке, отягощённом столь зримыми, бросающимися в глаза пороками? Тонкий ум? Явный талант лицедея? Умение видеть и понимать потаённое? Да, монна Анна была права: на этом искажённом развратом лице лежала печать больших дарований. Но как странен столь внезапный излом в таком духе! И что привело к нему? Что произошло в Риме?

Однако вскоре мысли монаха обратились к Элиджео Арминелли. Если бы удалось пристроиться в библиотеку самого Пандольфо Петруччи, это было бы большим везением, работа там придала бы его пребыванию в городе законный статус. Монна Анна накормила его обедом, и к вечеру, побывав у банкира и взяв десяток дукатов, Альбино направился на главную площадь, рассчитывая найти мессира Арминелли в доме Петруччи.

Однако войти в цитадель властителя оказалось не так-то просто. На входе он, укутанный в длинный плащ, подвергся весьма пристрастному допросу, его ощупали и забрали кинжал, обещая вернуть на выходе, после чего он был практически под конвоем препровождён в книгохранилище. Альбино заметил, что его сопровождали до самых дверей и остались ждать за ними.

Гауденций снабдил его рекомендательными письмами, и Альбино надеялся, что может рассчитывать на тёплый приём библиотекаря. Увы, его ожидания были обмануты: Элиджео Арминелли, бледный седой человек лет пятидесяти с подслеповатыми, как у крота, глазами, выслушал его равнодушно и сухо ответил, что не понимает, почему через столько лет Джильберто Фантони вспомнил о нём, в то время как годами не давал о себе знать.

— Где вы с ним познакомились?

Альбино торопливо ответил, что по поручению флорентинского архивариуса собирал по монастырям некоторые документы. Мессир Элиджео кивнул, едва выслушав. Было заметно, что он ничуть не рад видеть посланца старого друга и не собирается его протезировать. Так и оказалось. «Что до возможности быть принятым на службу, — сообщил книгохранитель гостю, — то имеется только одна вакансия, однако она требует знания еврейского языка. Мессир Кьяндарони не силён в нём?» — В голосе Арминелли сквозила нескрываемая насмешка.

Расстроенный столь нерадушным приёмом, Альбино ответил, что ему доводилось переписывать некоторые грамоты одного из сатрапов Ахеменидской империи, но на арамейском языке, наречия эти похожи, но собственно в еврейском он, увы, несведущ. Он вовремя прикусил себе язык, едва не добавив, что в монастырском хранилище Сант`Антимо было несколько подобных рукописей. Ведь если он был там единожды — едва ли он мог это знать.

Альбино поклонился на прощание и уныло подумал, что у него уже стало на один шанс меньше. Оставалось только надеяться, что мессир Камилло Тонди окажется чувствительнее к воспоминаниям юности, нежели мессир Элиджео.

Однако у самой двери его окликнули. Мессир Арминелли соизволил подойти к нему и протянул ветхий папирус, местами потемневший, но не обугленный, как подумалось Альбино, а скорее покрытый на сгибах чем-то вроде гниlostной плесени. Сохранность текста позволяла прочесть только несколько строк, Альбино перевёл их для мессира Элиджео, пояснил тонкости перевода и снова заторопился к выходу: за окнами уже темнело, а ему нужно было ещё повидать мессира Тонди и не хотелось волновать монну Фантони поздним приходом.

— Да подождите вы, чёрт вас возьми! — теперь в голосе Арминелли промелькнуло раздражение. — Куда вы так торопитесь? Не мог же я знать, что Джильберто пришлёт мне знатока. Вы вполне годитесь. Завтра я сообщу дону Пандольфо, что нашёл человека, сведущего в языках Палестины. Днём вы будете представлены ему и приняты на службу. Жду вас в полдень.

Альбино могло бы польстить, что его взяли не на основании чужой рекомендации, а собственных знаний, однако он вовсе не чувствовал себя польщённым. Мессир Арминелли ему не понравился. И вовсе не тем, что забыл ушедшего из мира друга, и не тем, что не пожелал помочь рекомендуемому им человеку. Элиджео Арминелли показался Альбино очерствевшим человеком с мёртвыми глазами, а таких глаз монах боялся. Впрочем, ничем не выдав своих чувств, он снова склонился перед хранителем в вежливом поклоне и обещал прийти завтра в двенадцать часов.

Мессир Арминелли напоследок стал ещё любезнее: соизволил даже проводить его до выхода, сказав сопровождавшему их охраннику, что мессир Кьяндарони приглашён завтра в дом и будет представлен мессиму Петруччи. На выходе Альбино вернули кинжал, и он окончательно откланялся.

Выйдя на улицу, монах задумался. Что же, ему неожиданно повезло. Теперь у него есть и повод жить в городе, и возможность бывать в палаццо Петруччи. Как часто заходит туда Марескотти? Как он выглядит? Насколько он молод? Сколько человек в его охране? На все эти вопросы в ближайшие несколько дней ему предстояло получить ответы.

На обратном пути, благо, Альбино проходил мимо палаццо Пикколомини, он спросил у привратника, может ли увидеть мессира Камилло Тонди? Альбино хотел теперь передать Тонди письмо Гауденция, по возможности расширить круг знакомых и узнать о положении дел в городе.

Оказалось, что хозяина палаццо, ординария сиенской епархии, его высокопреосвященства Джованни Пикколомини, в городе нет, с ним уехала и вся охрана, и Альбино предложили поискать мессира Тонди самому — в правом крыле, в библиотеке. Если его там нет, пояснили ему сразу, значит, он у себя в комнате на втором этаже, или, может быть, гуляет в саду. По сравнению с приёмом в доме Петруччи, всё здесь казалось иным: у него не забирали оружия и не сопровождали в поисках.

Тем не менее, друга Гауденция Альбино нашёл сразу, тот был в библиотеке, богатейшей и великолепно расписанной. Камилло Тонди оказался невысоким полноватым человеком с жизнерадостной улыбкой на округлом лице. Годы превратили его в монаха, выбрив на его темени округлую лысину-тонзуру, остатки когда-то чёрных волос, поредевших и седеющих, казалось, дымились вокруг головы. Тонди, в отличие от Арминелли, узнав, что Альбино привёз ему известие от друга детства, встретил его с распростёртыми объятьями.

— Боже мой! Мой друг Джильберто! Сант`Антимо, кто бы мог подумать! А ведь я полагал, что он будет если не папой, то кардиналом точно! Впрочем, — помрачнел толстяк, — сегодня монастырь — единственное безопасное место в этом безумном мире.

Альбино кивнул, но ответить не успел: из-за книжных полок вышел раскормленный чёрный кот. Тонди заулыбался, назвав кота Бариле, Бочонком, и Альбино против воли улыбнулся: если кот Гауденция Пилигрим острой мордочкой, лукавыми глазами и худобой поразительно походил на хозяина, то библиотечный кот, длинношёрстый, лохматый и круглый, был копией самого Тонди — толстым, вальяжным, изнеженным.

Гость вежливо спросил библиотекаря, что происходит в городе?

Тонди, лаская кота, вздохнул и отвёл глаза.

— Я мало интересуюсь тем, что творится там, — он махнул рукой за окно, — хоть и поневоле слышу многое. Я всегда мечтал о Риме, и сколько надежд породило во мне восшествие на папский престол моего покровителя дона Франческо! И вот... такое разочарование.

Альбино знал об этом. Франческо Тодескини-Пикколомини, племянник папы Пия II, кардинал Сиены, полгода назад, в 1503 году на конклаве, собравшемся после смерти Александра Борджа, был избран папой. Коронация состоялась 8 октября, но Пий III правил всего двадцать семь дней.

— Но отчего он умер?

— По некоторым сведениям, от язвы на ноге, — пожал плечами Тонди, — а по другим, — он оглянулся по сторонам и, хотя они были в огромной библиотеке одни, наклонился к Альбино и понизил голос, — был отравлен по приказу нашего правителя Пандольфо Петруччи.

Трудно было сказать, верил ли Камилло Тонди в отравление своего патрона, но страх, промелькнувший на его лице, был совсем непоказным, а так как он, судя по выговору, был

коренным сиенцем и знал местные нравы, всё сказанное наталкивало Альбино на мысли тягостные и сумрачные.

— Он способен на это?

— Пандольфо очень влиятелен, — не отвечая на его вопрос, проронил Тонди, — лет двадцать назад он стал предводителем новески, позже — капитаном народа. Потом умер его бездетный брат Джакоппо, один из самых богатых сиенцев, и Петруччи стал единолично распоряжаться семейным капиталом. Женился на Аурелии, дочери Никколо Боргезе, при его поддержке страшно усилился, расставил на все посты своих людей, но тут его усиление испугало многих, включая и его тестя.

Из дальнейшего рассказа Тонди Альбино узнал, что Никколо Боргезе и другие влиятельные граждане Сиены сговорились убить Петруччи, но тот раскрыл заговор, и Боргезе был убит. После расправы с ними последние три года Петруччи прекратил распродавать должности и ныне, хоть является сторонником жёсткой руки, пытается умиротворить сиенцев, улучшая дела города и поддерживая искусства. Он сумел избежать войны с Флоренцией из-за спора о Монтепульчано, влез в доверие Чезаре Борджа, дипломатично обеспечивая ему контроль над Пьомбино, однако тайно составляя заговор против гонфалоньера. Борджа, впрочем, никогда не доверял Петруччи и хотел уничтожить вместе с другими врагами в Сенигалии. Пандольфо, однако, подозревая, что его жизнь в опасности, сбежал из Сиены и скрывался в Лукке, но с помощью союзника, Людовика XII вернулся два месяца спустя, а так как сегодня дела Борджа далеко не блестящи, — ведь у него больше нет поддержки отца, Петруччи вообще может спать спокойно и затевать новые интриги.

Глава II. Палаццо Пандольфо Петруччи. Первые странности

Франческо Фантони не явился ночевать к матери, но это никого в доме не беспокоило. Как выяснил Альбино у принёсшей ему ужин кухарки Лауры Моско, мессир Фантони, несмотря на то, что имел в материнском доме спальню и чулан для учёных занятий в подвале, часто ночевал у своих знатных приятелей. Порой же он останавливался на ночь у звонаря церкви Сан-Доминико Бруно Кьянчано по прозвищу Божья коровка или ещё Бои весть где.

Кухарка умолкла, не закончив перечень ночных притонов мессира Фантони, но от рассерженной монны Анны мессир Кьяндарони почерпнул и другие сведения. Оказалось, что каждую третью ночь потаскун проводил в блудном доме синьора Песко с девками Чильеджиной и Фарфалиной, а по выходным с тремя своими дружками-шаромыжниками Душкой, Мушкой и Чушкой шлялся по ночному городу и непристойные песни под окнами честных людей горланил.

Но, видимо, в эту ночь мессир Фантони был трезвенником, потому что утром опохмелиться в родной дом не пришёл.

Сам Альбино в половине двенадцатого направился в палаццо Петруччи. У него было мутно на душе и тяжело на сердце. Ночью ему снились вязкие, путаные сны, в которых Пандольфо Петруччи отдавал приказ Франческо Фантони отравить несчастного Камилло Тонди, но жертвой отравления становился почему-то толстый кот Бочонок, который от яда на глазах худел, истончался и начинал прыгать на задних лапках по книгам, играть на гитаре и мяукать на разные лады, его пытались поймать семеро людей в одинаковых плащах, но он словно просачивался сквозь них и продолжал свои мартовские рулады. Потом сон сменился. На кривой осине теперь болтался висельник, ветер шелестел в листьях, у древесных корней ползали змеи. Альбино то и дело просыпался, в итоге плохо выспался и дурно себя чувствовал.

Элиджео Арминелли встретил его у входа и проводил в большой зал приёмов — роскошное помещение с позолоченной лепниной и помпезными колоннами. Хозяин города Пандольфо Петруччи, носивший скромное звание капитана народа, восседал на подобии трона, за его спиной темнела роспись, изображавшая какую-то аллегория — не то Помону, не то Персефону.

Альбино представили Пандольфо Петруччи, и тот, услышав от Арминелли, что этот молодой человек прочёл его аморейский пергамент, поднял седеющие брови, повернул к нему голову и сказал нескольких тёплых слов. Монах внимательно взгляделся в облик властителя: лицо с узкими глазами и широким крупным носом пересекали на переносице две резкие продольные морщины. Две другие глубокие морщины, шедшие от крыльев носа вниз, точно отделяли от лица властный жёсткий рот. В былые годы, отметил Альбино, мысленно стерев с лица капитана народа следы времени, оно могло быть даже красивым.

Рядом с Петруччи стоял благообразный человек лет сорока пяти. То был советник Петруччи Антонио да Венафро, профессор Сиенского университета. Элиджео Арминелли тихо сказал монаху, что это человек большого ума, и Альбино склонен был согласиться с мессиром Элиджео: лицо Венафро несло печать здравомыслия и спокойствия. Таких людей обычно отправляли с дипломатическими поручениями.

Сам монах осторожно огляделся, ища глазами Фабио Марескотти. Как он выглядит?

В зале приёмов толпилось около двадцати человек, среди которых особо выделялся вошедший за Альбино высокий дородный мужчина в дорогом бархатном плаще. Чёрный креп, знак траура, скорбно облегал тулью шляпы в его руках. Петруччи поднялся, едва увидел его на входе в зал, негромко приветствовал, назвав Одантонио, потом обнял и высказал слова горячего соболезнования.

— Это невосполнимая утрата, Одантонио, просто невосполнимая, бедный мальчик, такой молодой. Я не спал ночь, когда узнал, просто не мог вначале поверить! Какое горе, какое горе! Но нельзя отчаиваться, нужно продолжить поиски.

Тут Альбино с удивлением разглядел траур ещё на нескольких шляпах, причём как у пожилых, так и у молодых людей. Дамы, а их было совсем немного, сидели у стены также в чёрных траурных платьях. Неожиданно в толпе мелькнул и Франческо Фантони, тоже, к изумлению Альбино, с чёрным крепом на шляпе и чистейшим платком в руках. Где бы он не провёл нынешнюю ночь, сегодня на лице гаера не замечалось следов блудных увеселений и винных возлияний, он держался скромно и учтиво, выглядел подлинным аристократом.

Фантони кивнул несколькими знакомым, однако не остановился, а торопливо подошёл к мессину Одантонио в числе соболезнующих, проговорил несколько подобающих слов, и монах видел, что в глазах Франческо стояли слёзы. Отойдя от неутешного отца, Фантони, заметив Альбино, галантно раскланялся с ним, а на осторожный вопрос монаха, что случилось с сыном мессира Одантонио, тихо ответил, что несчастный Микеле Ланди пропал на охоте неподалёку от Сан-Джиминьяно. Местность там болотистая, есть и трясина, её называют Дымящейся топью, там вечно туман стоит в низине, пояснил Фантони, а за ней место и вовсе непролазное, местные туда ходят за травой, что помогает от змеиных укусов. Вот там-то и нашли арбалет бедняги Микеле, а его самого разыскать так и не смогли.

Альбино показалось, что пропавший молодой человек был подлинно любим в обществе: в траур было облачено, как он заметил, больше половины гостей палатки. Но мессир Фантони покачал головой и поспешил объяснить: да, Микеле был истинно цветущей ветвью превосходного своими добродетелями знатнейшего рода, но дело в том, что нынешняя весна принесла сиенцам ещё и другие скорби. Сын мессира Теренцио Турамини, Антонио, его, Франческо, школьный товарищ, такое горе, недавно упал с лошади, а Джулио Миньявелли, тоже его добрый приятель, на своей вилле оступился на лестнице, упал вниз и, увы, ударился головой. Многие недели траур и по ним, в знак уважения к скорби нашего известного банкира, мессира Теренцио, и мессира Козимо, богатейшего откупщика и большого покровителя искусств. Беда одна не приходит, воистину, *piove sempre sul bagnato*, дождь всегда льётся на того, кто и так уже мокрый.

Тем временем Одантонио Ланди рассказывал Пандольфо Петруччи, что было сделано для розысков его сына. Подняли всех в Сан-Джиминьяно, заставили трижды прочесать местность, на третий раз слуга самого Микеле нашёл на кочке у Виперовой топи его арбалет, рядом был след от ноги, но, сколько не тыкали багром в топь, ничего не нашли. Да, есть надежда, что Микеле мог и выбраться, но ведь минула уже неделя с его исчезновения, — всхлипнул отец. — В Сан-Джиминьяно опросили всех, но никто ничего не видел, только какой-то тупой деревенский дурень вспомнил, что видел человека с арбалетом на болоте, но даже описать его не смог. Мужичьё, — брезгливо поморщился он.

— Как странно такое количество несчастных случаев, — тихо проронил в полном недоумении на ухо Франческо Фантони Альбино, — как я понял, все эти горестные события

произошли одновременно?

— Нет, — утирая платком прозрачную слезу, скатившуюся по щеке, ответил Франческо, — юный Антонио погиб ещё Великим постом, бедный Джулио — на Фоминой неделе, а наш незабвенный Микеле пропал неделю назад. У могильщиков, увы, не бывает простое, и если бы вы знали погибших, мессир Кьяндарони, вы бы поняли всеобщую скорбь. Микеле! — печально воскликнул он. — Зерцало смирения и образ кротости, оплот целомудрия и столп добродетели, ковчег мудрости и хоругвь святости! — Франческо тихо высморкался, снова надрывно всхлипнув.

Альбино осторожно поднял глаза на Фантони. Похвалы, расточаемые им покойному, были явно чрезмерны, ведь надгробные речи обычно полны глубокого, но несколько искажённого смысла, и часто дают точное представление о том, чего недоставало покойнику. Однако глаза Франческо обильно сочились слезами, и Альбино заметил, что некоторые в зале смотрят на него с выражением какого-то уважительного удивления. «Не думал, что этот фигляр способен на столь высокие чувства», словно подтверждая его мысли, пробормотал за спиной Альбино тощий человек в колете с испанским жабо мессир Арминелли.

Но тут появившийся лакей объявил об опоздавших.

— Преосвященный монсеньор титулярный епископ Гаэтано Квирини и начальник городского гарнизона мессир Фабио Марескотти.

Альбино почувствовал, что ноги не держат его и, собрав волю в кулак, сделал несколько шагов к стене, опёрся на перила мраморной балюстрады и, пытаясь сдержать дыхание, осторожно повернулся. В зал входили двое: мужчина в епископском облачении с теми жутковатыми, словно двоящимися глазами, которые Альбино видел на старых храмовых фресках, и высокий человек лет тридцати пяти-сорока с чертами царственными и надменными. Белевшая на его висках ранняя седина только придавала ему величия. Его окружали несколько вооружённых людей в одинаковых тёмно-зелёных плащах. Альбино понял, кто перед ним, и молча разглядывал человека, которого ему предстояло убить, чувствуя, как предательски дрожат руки и холодеют пальцы.

Мессир Марескотти тоже носил знаки траура, колет, дублет, плундры, плащ до колен — всё было чёрным. Он поклонился Петруччи, что-то тихо сказав ему, потом подошёл к Одантонио Ланди, подал ему руку и выразил соболезнование в нескольких коротких словах. Альбино услышал, как Петруччи просит епископа Квирини сказать несколько слов, ведь «дорогой сын мессира Ланди не имеет погребения, но имя его не должно погибнуть в забвении», однако тот елеинным тоном предложил оказать эту честь мессир Марескотти.

— Ведь именно он напутствовал несчастного погибшего, наставлял его, был его крестным и, можно сказать, вторым отцом, — проронил Квирини.

Голос его почему-то странно оцарапал душу Альбино: в нём было что-то неприятное, язвительно-вежливое и точно намекающее на что-то непристойное. Однако никто этого, кажется, не заметил, и в ответ Фабио Марескотти не заставил просить себя дважды, он лишь бросил взгляд на Пандольфо Петруччи и, заметив, что тот согласно кивнул, взошёл на возвышение у стены и начал:

— В доме скорби, вблизи смерти — что превозносить заслуги покойного? Это значило бы множить скорбь оставшихся, — голос мессира Марескотти был звучным баритоном и звонко раскатывался под сводами залы, — нам нужно лишь серьёзное спокойствие, ибо молчанием мы скажем куда больше, чём громкими воплями горя. Посмотрите на плачущих и

скорбящих: их самое ничтожное прегрешение против усопшего воскресает теперь в их памяти, многое тяготит их совесть, скорбь переполняет и надрывает их души. Но почему умирают преждевременной смертью столь юные? Почему он, молодой и полный сил, ушёл именно сейчас? Да, судьбы Божии неисследимы, пути — неисповедимы, но Господь всегда берёт к себе лучших, и это тоже замечено издавна.

Его речь прервали женский всхлип и гулкий рокот одобрительных голосов.

Альбино почувствовал, что задыхается. Этот мерзавец, осквернивший его сестру и погубивший братьев, казалось, глумился над ним. Дыхание Альбино спирало, в глазах темнело, в висках стучала кровь, отсчитывая мгновения его ненависти. В зале что-то происходило, монах слышал слова и шелест шагов, но не понимал, что происходит. Тем временем приём окончился, Петруччи и Венафро ушли, за ними последовал Марескотти, гости разошлись, исчез куда-то и Франческо Фантони, а его самого Элиджео Арминелли, подхватив под руку, повлёк в книгохранилище.

* * *

Здесь, в тиши собраний древних свитков, среди рукописей, книг и пергаментов Альбино постепенно пришёл в себя. Ему выделили светлое место возле окна, где он с удовольствием расположился. Однако поднявшись, чтобы повесить плащ и взять тушечницу, Альбино в ужасе замер.

В стенной нише рядом со столом он заметил скульптуру из белого мрамора, подобие той, что ставили в усыпальницах: женщина в плаще с капюшоном, закрывавшем лицо, держала на ладони левой руки песочные часы, а в правой руке сжимала серп. Песок, медленно убывая сверху, просыпался в отверстие, нагромождался горкой и словно таял. Фигура в нише на миг обожгла душу Альбино воспоминанием о последней встрече с матерью, но позже, успокоившись, он стал даже любоваться Смертью-Жнецом.

По счастью, первый же манускрипт, который предложил ему Арминелли, был уже знаком Альбино по монастырским хранилищам, он перевёл его по памяти и, быстро закончив работу, погрузился в скорбные размышления.

Монах понял главное: ему не по плечу задуманное. Ненависть не усиливала его, но ослабляла, лишала сил, совсем подкашивала. Он не создан ни мстителем, ни палачом, и даже представь ему Бог шанс отомстить — он едва ли сумеет убить Марескотти. Сердце Альбинс заныло тупой болью, зашедшей под лопатку, да там и обосновавшейся. Он слишком слаб, слишком слаб, и это не слабость отчаяния или безнадёжности, случайного малодушия, нет, это слабость духа. Он просто не мог этого сделать.

— Мессир Элиджео! — неожиданно прозвучал у входа чей-то незнакомый испуганный голос, и Альбино, нагнув голову, в зазоре между книжных полок разглядел молодого человека, не замеченного им раньше в зале: тёмные волосы, приятное лицо, белозубая улыбка. — Где вы?

Арминелли появился откуда-то из глубины арочного входа.

— А, Баркальи! Почему вас не было на приёме, Филиппо?

Филиппо Баркальи! Имя это ударило по ушам Альбино, как сто труб Апокалипсиса. Имя предавшего его братьев называла ему мать. Дыхание Альбино снова сбилось, в висках застучали молоты, ногти впились в ладони.

— Мессир Ланди просил меня в последний раз прочесать болота, я поднял двадцать человек, мы были везде, куда могла ступить нога, но ничего не нашли, мессир Элиджео. Я вернулся только на рассвете.

Арминелли важно кивнул.

— Хорошо, что вы не отказали мессире Одантонио, он так несчастен, — Элиджео приложил к сухим глазам платок. — Бедный Микеле, просто не могу прийти в себя.

Баркальи задумчиво потёр указательным пальцем нос, потом странно, точно от боли, поморщился и осторожно наклонясь к мессире Арминелли, негромко спросил:

— Но скажите, мессир Элиджео, вам не... — он замялся ненадолго, но всё же продолжил, — вам не показалось всё это... странным? — голос его дрогнул.

— Что именно? — В вопросе Арминелли звучало недоумение.

Баркальи снова точно поперхнулся, однако выговорил:

— Всё, что произошло со Страстной недели. Антонио Турамини, Джулио Миньявелли, Микеле Ланди — один за другим. Необъяснимо так, загадочно всё.

Мессир Элиджео пожал плечами. Его подслеповатые глаза смотрели в пол.

— Вы об этих несчастьях? Да, немного странно, конечно, но такова жизнь, Филиппо, причудливое смешение странностей, непредсказуемое, как сочетание выбрасываемых костей, — мессир Элиджео развёл руками. Альбино понял, что он не сильно взволнован происходящим и, несмотря на проговариваемые слова сочувствия несчастным погибшим и их отцам, вовсе ничего не чувствует.

Философские пассажи мессира Арминелли ничуть не успокоили Баркальи. Он нервно теребил в руке тонкие перчатки.

— Тут мало случайностей, скорее — непонятно. Тонио Турамини. Он умел обращаться с лошадьми, на палио ездил без седла, и вдруг такое. Да и его Пантегана, это же была самая спокойная и старая кобыла в конюшне, ей шестнадцать лет! И вдруг — понесла. А Джулио Миньявелли? — голос Филиппо зазвенел. — Оступился на лестнице на своей вилле. Но что он делал там в полночь? Он туда и не собирался. А Микеле Ланди? Охотник он был заядлый, признаю, и охоту утиную любил до страсти, но чтобы он один, без слуг, пошёл на это чёртово болото? Да ещё после дождя! Никогда не поверю.

Он не убедил библиотекаря. Мессир Элиджео снова пожал плечами.

— Полно, Филипетто, вы несёте вздор. Случись это в разные годы, что в этом было бы странного? Удивляет только то, что выпало всё одно за другим, не будь этого, кто и о чём подумал бы? И опять же, что тут заподозришь? Преступный умысел? Но это глупость. — Он пренебрежительно пожал плечами. — Вот если бы отравили или прирезали их отцов — Теренцио Турамини, Козимо Миньявелли или Одантонио Ланди — тут и говорить бы нечего было, да, это многим родственничкам на руку. Но кому нужны их сыновья? У Теренцио есть младший сын Винченцо и две дочери, но Ченцо — совсем ещё щенок, пятнадцать всего. Ему, спору нет, старшего брата на тот свет отправить — прямая выгода, да только ума у юнца для такого дела ещё маловато. У Козимо и Одантонио сыновей больше нет, у Козимо, правда, дочь имеется. Но думать, что девка брата со ступенек столкнула — это нелепость, в нём весу-то было, как в справном бычке, охранник ведь, спина что твоя дверь... Что до Микеле, так в болотистые места только забреди: голова кругом идёт и сам кружить начинаешь. Да и пьян он, говорят, был до положения риз.

— Всё так, да только подозрительно.

Мессир Арминелли едва не сплюнул на пол.

— Да что подозрительного-то? — взвился он и вдруг напрягся, понизив голос. — Или ты, что, подозреваешь кого? Не видел ли чего?

Баркальи тяжело сглотнул и медленно покачал головой.

— Нет, я думал, но...нет. Не мелькал никто рядом, да и, Господи, кто бы с ними справился?

Библиотекарь утомлённо вздохнул.

— Разумеется, это дьяволом быть надо, чтобы такое устроить. Парни все были здоровенные, других, впрочем, в охрану и не берут. Да и с чего именно этих молодых наследников убийца бы выбрал?

— Ну... не знаю.

— А не знаешь, так и болтать нечего. Иди, работай.

Альбино склонился над рукописью, незаметно переведя дыхание. Он не хотел, чтобы Арминелли познакомил его с Филиппо Баркальи, однако вовсе не потому, что боялся этой встречи, просто не был уверен, что сумеет сохранить хладнокровие, пожимая руку негодяю, предавшему его братьев.

Но Арминелли и Баркальи ушли в студиоло, кабинет мессира Элиджео, и шаги их затихли.

Из того, что он услышал, Альбино понял, что у Филиппо Баркальи возникли подозрения в отношении произошедших в последнее время несчастных случаев, о которых ему рассказал Фантони. Но тут Альбино был склонен согласиться с Арминелли: что за необходимость убивать молодых богатых аристократов?

Сам же Баркальи показался ему человеком подлинно двоящимся, неверным и нетвёрдым. Что заставило его предать доверившихся ему Томазо и Маттео? Можно простить предателя, если им руководило желание спасти себе жизнь, но разве ему угрожала опасность? Альбино покачал головой. Причины предательства чаще иные: нежелание усложнять себе жизнь, выгода, чёрный цинизм и азарт двойного лазутчика. Или всё же — это была простая трусость? Филиппо Баркальи не показался Альбино смельчаком, голос его дрожал, когда он говорил о погибших. Бедняга, вздохнул Альбино. Как он живёт, как спит ночами? Мучает ли его совесть за содеянное?

Альбино не завидовал этому человеку. Страшные силы разрушения ввинчиваются, подобно смерчу, в душу предавшего, они высверливают дыру в живой душе, образуя водоворот, через который из души иуды утекает жизнь. Измена разрушает достоинство человека, она, как чёрное клеймо, врежется в душу навсегда. Кто-то из предавших пытается оправдать содеянное, кто-то страшится надвигающегося возмездия, кто-то старается всё забыть, не обременяя себя ни чувствами, ни размышлениями. Баркальи, похоже, был из последних. Но почему он столь явно взволнован своими подозрениями, почему так испуган? Ему-то что за дело до этих мертвецов?

Арминелли вернулся один, Альбино торопливо подал ему перевод, рассказал о некоторых иных возможностях толкования кое-каких слов и с облегчением увидел на лице мессира Элиджео улыбку одобрения. Они условились, что завтра Альбино придёт к одиннадцати часам и сделает перевод одной рукописи из недавно приобретённого мессиром Пандольфо собрания.

Альбино откланялся. Он решил зайти поесть на небольшой постоялый двор, который мельком видел, проходя мимо, ибо порядком проголодался, а постоянно обременять свою хозяйку заботой о себе не хотел. Однако у трактира замедлил шаг и в рассеянности присел

на лавчонку у какого-то дома, в узком дворе которого резвились дети, играя в прятки.

Какая-то непроизнесённая мысль, не выговариваемая, спутанная, испуганная, как летучая мышь на чердаке, судорожно металась в его голове и искала выхода. Монах чувствовал, что не постигает чего-то важного, что несколько раз прошло рядом, было перед глазами, хотело быть замеченным и осмысленным, но — улетучилось. Перед глазами Альбино плясал тарантеллу Франческо Фантони, потом отрицательно качал головой мессир Арминелли, делился страхами Камилло Тонди, его приветствовал Пандольфо Петруччи, в зал входил епископ с иконописными глазами, потом произносил напыщенную речь Марескотти, о своих подозрениях говорил испуганный Баркальи. Этот дрожащий голос, душевный трепет и волнение...

Глупец! Альбино вскочил и, распугав купающихся в маленьком фонтане неподалёку сизых голубей, побежал вниз по улице Бернардини мимо университета — к Палаццо Пикколомини. До него было рукой подать, и монах, не успев отдышаться, торопливо постучался в дубовые двери, задыхаясь, спросил Камилло Тонди и, узнав, что он в библиотеке, стремительно ринулся вверх по лестнице.

Его взволнованный вид и сбившееся дыхание удивили толстяка, кормившего рыбой своего кота и не ожидавшего визитёров. На столе валялись таволетте, деревянные обложки документации городского совета.

— Мессир Камилло! — в голосе Альбино звенела мольба, — я друг вашего друга. Доверьтесь мне. Помогите!

Тонди изумлённо замер, подняв на него испуганные глаза.

— Вы сказали, что в курсе всего, что происходит в городе. Около года тому назад люди Марескотти украли девицу, Джиневру Буонаромей. Вы помните об этом?

Мессир Камилло несколько раз сморгнул, потом задумчиво кивнул.

— Да, помню, Марескотти давно ошалел от вседозволенности, все это знают, но что с того? Он почти каждый месяц творит подобные мерзости.

— Вспомните, кто были эти люди Марескотти? Вы знаете их?

Тонди на мгновение задумался, потом вздохнул, положил перед котом кусочек рыбы и кивнул.

— Господи, ну, да, конечно, их все знают. Лично я знаком только с Карло Донати, знаю его отца, ну, и его видел. Он ещё совсем молод. Остальные мне лично неизвестны, но имена их — у всех на слуху.

— Кто это?

Толстяк задумался, его лоб прорезала тонкая поперечная морщина.

— Ну, если вспомнить, — Тонди для верности поскрёб лысую макушку. — Пьетро Грифоли, конечно, он командует этими людьми, а остальные... Паоло Сильвестри, Карло Донати, Никколо Линцано, потом... Антонио Турамини, Джулио Миньявелли и Микеле Ланди.

Пол поплыл в глазах Альбино, но он сумел удержаться на ногах и даже поклонился Камилло Тонди почти до земли. Да, понимание проступило, и проступило верно. Погибшие, все трое, были охранниками Марескотти, виновными в гибели его сестры и братьев. Его заклятыми врагами. Теперь, благодаря архивариусу семейства Пикколомини, в голове Альбино многое прояснилось. Прояснилось и то обстоятельство, что так напугало Баркальи. Предатель волновался неслучайно: он опасался вендетты, понял Альбино, и видел в случайных смертях людей Марескотти чей-то злой умысел.

— А вы слышали, что Турамини, Миньявелли и Ланди недавно погибли?

Мессир Тонди это, разумеется, слышал и даже был в Сан-Джиминьяно, когда пропал Микеле Ланди, но, как и мессир Арминелли, не видел здесь ничего особенного, правда, обосновывал всё иначе.

— Времена настали последние, друг мой, все как будто ошатели. Порок, словно плаш Деяниры, так тесно сросся с этим городом, что сам воздух, которым мы дышим, сеет разврат, — грустно покачал он головой. — Знали бы вы, сколько дочерей, проклятых отцами, бродит по перекрёсткам с бритыми головами, сколько юнцов, испорченных вечными потачками богатых отцов, изгадили свои души самыми низкими пороками и перестали различать добро и зло... Но если люди бессильны утвердить добро в собственных душах — вот тут и вмешивается в земные дела карающая десница Всевышнего.

Глава III. Пустые предположения

Почти без сил добрёл Альбино до дома Анны Фантони, спотыкаясь на ступенях поднялся к себе. Сказанное Тонди не давало ему покоя. В отличие от Франческо, то ли кривлявшегося на поминках, то ли искренне заблуждавшегося, Камилло Тонди чётко выговорил истину. «Сколько юнцов, испорченных вечными потачками богатых отцов, изгадили свои души самыми низкими пороками и перестали различать добро и зло...» Глупо было думать, что это сказано не о погибших. Они были в глазах мессира Тонди мерзавцами, и он не скрыл это от него, Альбино.

Это говорило о доверии и заслуживало благодарности. Важно было и то, что мессир Камилло тоже, как и Арминелли, полагал, что это вовсе не чей-то преступный умысел. Однако архивариус, в отличие от мессира Элиджео, видел в этих смертях не случайность, а кару Божью.

Только тут Альбино вспомнил, что забыл поесть. Однако сожалениям об этом предаться не успел: дверь распахнулась и на пороге появилась кухарка монны Анны Лаура с подносом, на котором красовалась глубокая чашка с равиоли, распространявших вокруг божественный запах мяса, масла и уксуса, трапезу дополняли свежие булочки с повидлом и кувшин молока. Альбино смутился, но отказаться не смог и сам не заметил, как с волчьим аппетитом съел всё до крошки и остановился, только уставившись в пустое дно тарелки. И тут вдруг услышал:

— Наша Лаура готовит равиоли лучше всех в округе.

У балкона стоял Франческо Фантони. Ничего удивительного в этом не было: комната Франческо выходила на ту же сторону, что и комната, где квартировал Альбино, и их объединял общий балкон. Глаза гаера, которые Альбино видел и осоловевшими от пьянок, и увлажнёнными слезами скорби, сейчас лучились. Очевидно, он тоже только что отужинал и находился в том блаженном состоянии незлобивого довольства жизнью, что всегда наполняет душу после отменной трапезы. На лице его блуждала сытая улыбка. Одет он был только в узкие штаны и рубашку, которую не удосужился даже застегнуть. На его груди, чуть не доставая до солнечного сплетения, болтался небольшой крест, живот, несмотря на съеденную трапезу, всё равно казался впалым, рёбра можно было пересчитать.

Альбино стремительно поднялся.

— Я рад видеть вас, мессир Фантони, и как раз хотел спросить... Сегодня днём, в библиотеке, я услышал, как мессир Арминелли беседовал с мессиром Баркальи. Это... — он осёкся, не зная, что сказать о Баркальи, чтобы не выдать себя, — молодой человек...

Франческо лениво кивнул, облегчив ему бремя лжи.

— Мы знакомы с Филиппо.

— Вы... друзья? — осторожно спросил Альбино.

Фантони плюхнулся на стул и, закинув руки за голову, стал раскачиваться на его задних ножках.

— Не думаю, что Филиппо удостоил бы вашего покорного слугу таким наименованием. Что до меня, тут всё зависит от того, жив он или умер. Сочиняй я его эпитафию, наговорил бы кучу добрых слов: «Бережливость, осторожность, предусмотрительность и удивительное внимание к людям — вот чему можно поучиться у покойного», отметил бы я, — Фантони усмехнулся, — ну, а о живом... Он скуп, труслив, льстив, склонен к предательству и

сплетням.

Альбино закусил губу, снова удивившись, как точно Франческо определил Баркальи. Фантони между тем продолжил, дав себе труд состроить на лице недоумевающую мину:

— Но я удивлён, что их беседа могла привлечь ваше внимание, мессир Кьяндарони. Мессир Арминелли, хоть и сидит среди книг, имеет дар постигать только вовсе никому не нужное, что до Филиппо, то не припомню, чтобы из уст его хоть раз изошло слово истины. И о чём же они беседовали?

Альбино вздохнул.

— Мессир Баркальи говорил о погибших в последнее время молодых людях, Антонио Турамини, Джулио Миньявелли и Микеле Ланди.

— О них полгорода говорит, и что с того? — перебил Франческо, шутовски взмахнув руками. — Извечная пища для молвы: кто на ком женился, кто с кем переспал да кто как помер. Но в смерти старика нет ни поэзии, ни интереса, а вот юнец, отправившийся в мир иной в цветении, *in flogibus*, как сказали бы в старину красноречивые ораторы, это, конечно, поинтересней, чем закопанный в землю полуразложившийся при жизни труп или просто старый скелет.

— Я не о том. Мессир Баркальи кажется, что эти смерти... неслучайны.

Франческо пожал плечами и зевнул.

— Это дело подеста и его людей. В городе есть прокурор и судья, правда, старый и глухой, зачем же отбивать у них хлеб?

— Вы сказали, что знали мессира Ланди. Он и вправду бы человеком высокой добродетели? Вы оплакивали его...

Мессир Фантони расхохотался, едва не свалившись со стула. Стало ясно, что его скорбь в палаццо Петруччи была или данью приличиям, или очередным упражнением в лицедействе, откровенным притворством.

— Он был донельзя развращённым юным мерзавцем и маменькиным сынком, считавшим, что деньги и положение папаши дают ему право топтать ближних, — лениво сообщил Франческо, — у него, кстати, и кличка-то была «Топотун», чуть что не по нём — топ ногой! Полагаю, он и по болоту пытался топнуть, — беспутно хихикнул мессир Фантони.

Альбино осторожно вставил:

— Филиппо Баркальи как раз подозревает, что мессир Ланди никогда не пошёл бы на болота без слуг. А вы были там?

Франческо замедлил с ответом, но только потому, что в эту минуту сладко зевнул.

— Да, — наконец кивнул он, почёсывая спину, — в Сан-Джиминьяно было три десятка человек, но собрались все вовсе не для утиной охоты. Был день ангела мессира Урсини, вино лилось рекой, потом устроили скачки вокруг старого замка Призраков, и никто не заметил, как исчез Микеле. Хватились его только утром, обнаружили, что пропал его арбалет. Потом какой-то селянин рассказал, что видел, как молодой человек шёл к болотам. Если предположить, что он был пьян, чему удивляться? Мало ли что взбрёт в хмельную-то голову?

— А вы его не заметили?

Франческо лучезарно улыбнулся.

— Меня унесли сразу после скачек. Я хватил лишку и был пьян до поросячьего визга.

— А смерть господ Турамини и Миньявелли? Там не было ничего подозрительного?

Фантони задумчиво почесал в затылке.

— Антонио нашли на заброшенном поле возле Сан-Джорджо, восточнее Поджибонси, видимо, понесла лошадь, ибо его тело было здорово изувечено, череп треснул, лицо страшно разбито о камни. Правда, — вздохнул Франческо, — все знали о его дурацкой привычке пускать коня прямо по посевам селян, что, разумеется, злило людей. Однако эти местные пейзажи такие забитые и робкие, и думать, что это их рук дело, нелепо. К тому же тело нашли на ничейной земле, там каменистая почва, ничего не всходит, растут лишь, как сказал бы царь-псалмопевец, «волчцы да терние». Лично я предполагаю, — скорчил фигляр насмешливую физиономию, — что Давид имел в виду дикий сафлор с его шипами, фиолетовый мордовник, расторопшу пятнистую с её колючками да огородный артишок. Кстати, именно это там и произрастало.

— А могли его убить? — нетерпеливо прервал Альбино ботанические аллюзии Франческо.

Нижняя губа Франческо брезгливо оттопырилась, физиономия скривилась, явив вид кумушки, узревшей на чистой скатерти таракана.

— Пресвятая Дева, да кому он нужен-то?

— Мессир Арминелли сказал, что погибли наследники больших состояний.

— Вот именно, — согласился Франческо, — наследники, но наследовать-то им предстояло не завтра, ведь Козимо, Теренцио и Одантонио запросто могут протянуть ещё не один десяток лет. А раз так, кому нужны Антонио, Микеле и Джулио?

Ответ на этот вопрос у Альбино был, но огласить его он никогда бы не решился. В его глазах эти люди заслуживали смерти, они были преступниками, погубившими честь и жизнь его сестры. Но ему подлинно нужно было понять, промысел ли Божий, суровый и неумолимый, прервал жизни негодяев, или случившееся с ними — чьё-то злоумышление? Или — всё это пустая случайность, нелепое сцепление событий, когда бездумный кусок черепицы падает на голову ни о чём не помышляющего прохожего? Или случайностей нет, и мы называем случаем ту закономерность, что не в состоянии постичь?

Альбино хотелось, о, как хотелось бы видеть в произошедшем Судьбу, Суд Божий, Giudizio, Destino, безжалостную фатальность, Рок, месть Неба, ведь не случайно так схожи слова приговор и возмездие: *verdetto... vendetta*. Ведь даже рассказ Франческо, описание смерти Антонио Турамини, явно страшной и мучительной, усладил его душу, усладил против воли, но воистину ведь мёд потёк при этом рассказе по жилам его.

— А Джулио Миньявелли? Вы говорили, он упал с лестницы?

— Упал, — подтвердил мессир Фантони, но в голосе его снова проступила только апатичная скука, — на вилле Миньявелли был только старый слуга, Джулио заявился неожиданно, ни о чём его не предупредив, потом отправил старика спать, сказав, что не нуждается в его услугах. А утром был найден с поломанной шеей у парадного входа. Упал же с верхней ступени, потому что там, у балюстрады, загнулся ковёр. Ступени мраморные, их, как после сосчитали, ровно сорок четыре, он по всем и проехался, следы крови были, как рассказывают, везде — сверху донизу. Его и не узнали-то сначала, настолько лицо разбито было.

— Не узнали, — как эхо повторил Альбино, представляя себе описанное.

— Да-да, — поддакнул Франческо, — смерть меняет всё: портреты, судьбы и взгляды. Мы с Паоло Сильвестри, Беппо Баркальи, Пьетро Грифоли и Микеле Ланди на похороны снесли его со второго этажа вниз и вынесли из дому — до катафалка. А ведь покойник,

скажу по чести, при жизни был несносен и невыносим, — гаер опять скривил на лице потешную шутовскую рожу. — Впрочем, — уточнил он, — я нёс не гроб, а венок с трогательной надписью «Незабвенному другу». Гроб мне не доверили, бугаи его сами тащили, — сообщил он, но не похоже было, чтобы это недоверие всерьёз задело его.

— Вы хоронили всех погибших?

— Кроме Ланди, его же так и не нашли, — снова педантично уточнил Франческо, — а так, да, чтобы не отстать от жизни, я хожу на все похороны. К тому же нигде не чувствуешь себя таким живчиком, как на кладбище, — он шутовски помахал ладонями с длинными худыми пальцами точно крыльями бабочки.

Теперь Альбино окончательно понял, что все слёзы Фантони на поминках в зале приёмов у капитана народа были паскудным притворством, на самом же деле Франческо сожалел о покойных не больше мессира Элиджео Арминелли.

— Скажите, мессир Фантони, — взволнованно обронил Альбино, — а вы признаете вендетту?

— Месть? — удивился Франческо и задумчиво покачал головой, — жизнь во имя мести гроша не стоит. Скучно. Тщательно обдумывая возмездие, можно, конечно, изобрести нечто утончённое, но в момент совершения расплаты, думаю, будет скучно. Можно ли простить врага? Бог простит!

Альбино подумал, что подобные взгляды мессира Фантони — горький упрёк ему самому, поддавшемуся дьявольскому искушению, но тут где-то внизу вдруг слышался перебор струн и в несколько глоток зазвучали слова размеренного напева:

— По улицам ночным, по переулкам спящим —
Четыре дурака — мы инструменты тащим.
Едва взойдёт луна, мы серенаду грянем:
Пиликаем, бренчим, басим и барабаним.
Сверчок, скорей очнись от сумрачной дремоты!
Здесь, под твоим окном, мы разложили ноты...

— Пошли вон отсюда, горлопаны окаянные, крикуны чёртовы! — голос монны Анны зазвенел откуда-то с мансарды.

Франческо уже был на ногах.

— О, матушка заметила мой квартет, то-то шуму будет.
— Мы будем здесь стоять хоть до восхода солнца,
Пока ты наконец не выглянешь в оконце!
А коль ночной дозор пройдёт по кварталу,
Мы ноги пустим в ход, чтоб шее не попало!

Франческо Фантони исчез, через минуту возник в плаще, с гитарой за спиной на парашюте балкона, а после сиганул вниз с высоты не меньше десяти футов. Альбино в ужасе ринулся на балкон, но оказалось, что нахал уже присоединил свой звучный голос к уличному квартету, и все они дружно улепётывали. К удивлению Альбино, в числе музыкантов была и

босоногая чумазая девчонка лет четырнадцать, тащившая барабан. Он с любопытством прикинул, Мушка она, Душка или Чушка, но ответ на этот вопрос получить было не у кого.

— Нам музыка милей небесной благодати,
Поёт гобой д'амур у лютни на подхвате...

— Куда, поганец бесовский? Опять к девкам? Вернись, вернись сейчас же!

Но было поздно: голос монны Анны оглашал уже пустой проулок. Соседи, выглянувшие из окон на бесплатное представление, уже исчезли из виду, захлопнув фрамуги.

Рассерженная монна Фантони, понимая, что упустила распутника, ещё несколько минут рвала и метала, но вскоре махнула на беспутного сынка рукой и затворила окно. Воцарилась тишина, смолкли шаги одиноких прохожих, луна, как огромный круг сливочного сыра, нависла над спящим городом. Альбино, порядком обессилевший за этот длинный день, полный удивительных открытий и волнующих предположений, прочёл молитвы, прося Господа дать ему понимание происходящего, потом уронил голову на подушку и уснул.

* * *

Проснулся он по монастырском привычке в третьем часу пополуночи, на Бдении. Вокруг стояла тишина, на востоке ещё не розовело, петухи молчали, в полуоткрытое окно задувал тёплый ночной ветер, обещая погожий денёк. Оставался день до Вознесения. Монах вспомнил, как накануне Вознесения в монастыре совершались трёхдневные моления, в первый день — о сенокосе, во второй — о жатве, в третий — об уборке винограда. По завершении молитв обходили поля, освящали колодцы и источники.

Альбино вздохнул. Ему захотелось туда, к братьям, но он быстро опомнился. Его ждало дело, страшное и чёрное, и где взять сил исполнить его?

Однако сейчас, обдумывая своё пребывание в Сиене, Альбино не ощущал уже бывшего малодушия, хоть по-прежнему считал свою задачу почти невыполнимой. Но теперь — он ощутил это сердцем, с ним снова был Бог. Его наполняло силой и уверенностью. Разве Бог спит? Нет, из тех девяти, коих он числил во врагах — семерых присных Марескотти, его самого и предателя Баркальи — троих уже нет в живых! Арминелли, Тонди и Франческо Фантони — все они уверены, что злого человеческого умысла тут нет. Они, уж наверное, правы, и тогда — это подлинно перст Божий! Что до подозрений Баркальи — это всего лишь его больная совесть рисует на песке кривые рожи сумрачных химер.

В назначенное время Альбино снова был у мессира Арминелли, работал с обычным монашеским усердием, при этом не мог не заметить, что мессир Элиджео стал относиться к нему мягче и душевнее. Он даже приказал принести из трактира обед и для него, чего накануне не сделал. Библиотекарь теперь явно дорожил им, и ещё одним свидетельством его расположения стало приглашение на завтрашнее торжество по случаю праздника Вознесения. Утром, после торжественной мессы в городском соборе Санта-Мария дель Ассунта, предполагалось выехать за город, в Ашано, и там, на вилле мессира Палески, отпраздновать этот светлый день.

Альбино растерялся. Ему не хотелось отвергать приглашение, ведь там он смог бы

рассмотреть своих врагов поближе, узнать их прихоти и привычки, что могло пригодиться, но у него не было своей лошади, а купи он её, в чьей конюшне держать? Не обременять же монну Анну...

«Он в городе недавно, поведал наконец Альбино мессиру Элиджео свои затруднения, друзей у него здесь нет, нет и коня, и он боится быть в тягость...». Мессир Арминелли сразу же разбил все его опасения в пух и прах: на празднике предполагается несколько карет для дам и подводы для людей преклонного возраста и некоторых иных, вроде мессира Тонди, которых выдержит только феррарский тяжеловоз, — тут мессир Арминелли хихикнул. — Верхом будут только молодые люди, для него же, Альбино, местечко в подводе, конечно же, найдётся.

Альбино любезно поблагодарил мессира Элиджео, сказав, что непременно будет на службе в храме и, если окажется, что он никого не стеснит, он с удовольствием поедет в Ашано.

Возвращаясь вечером домой мимо палаццо Пикколомини, свернув к епископскому дворцу, монах вдруг с изумлением увидел, как с его чёрного хода выскочила разряженная в алое платье девица явно лёгкого поведения. Она была сильно пьяна и пошатывалась, завидя же ночной патруль, сделала непристойный жест рукой, когда же солдаты со свистом погнались за ней, с невиданной скоростью дала стрекоча, исчезнув в паутине узких улочек Гусиной контрады.

Монах поёжился и поспешил домой.

Вернувшись к монне Анне, Альбино узнал, что Франческо всё ещё в загуле, однако незадолго до полуночи шельмец заявился под родной кров. Так как он оказался трезвым и пришёл в новом дорогом костюме, обошлось без громкого скандала. Мессир Фантони сообщил матери, что завтра направляется на службу в храм, а потом поедет с друзьями в Ашано. Та поморщилась, но тут Альбино сказал, что тоже приглашён на празднество в Ашано мессиром Элиджео, и монна Фантони удовлетворённо кивнула. Друг её сына Джильберто нравился ей день ото дня всё больше. Что за кротость, вежливость, какой тихий и спокойный нрав! Просто ангел во плоти!

Не то, что её шалопай и лоботряс Франчо!

Глава IV. Праздник Вознесения

Вознесение, как водится, было отмечено всенощным богослужением, благословением бобов и винограда во время мессы, тушением пасхальной свечи, и статуя Христа под ангельские песнопения была поднята до самого потолка храма. Торжественными процессиями горожане завершили празднество, пополаны и бюргеры разбрелись кто — на ярмарку, кто — на палио, а знать у палаццо Петруччи, в числе около сорока человек, направилась в пригород, на виллу мессира Лучано Палески. Здесь было немало разряженных в лучшие платья женщин, молодые мужчины красовались в роскошных костюмах и гарцевали перед дамами на украшенных погремушками и султанами лошадях, на подводах же ехали отцы семейств и женщины с детьми, и на одной из подвод, влекомых быками, Альбино заметил Камилло Тонди. Он, к его удивлению, держал на руках кота Бочонка. Возле него было свободное местечко, которое Альбино и поспешил занять.

Из разговоров и шепотков в дороге он заключил, что приглашение знати во главе с Петруччи на виллу Палески было попыткой последнего угодить капитану народа. В последнее время Глава гарнизона мессир Марескотти заметно усилил своё влияние, и дом Палески боялся, что их и вовсе оттеснят. И потому хозяин, мессир Лучано, не поскупился: на вилле гостей ждали изысканные деликатесы, сорок видов колбас и сыров, ягнёнок, зажаренный с потрохами, зелёная лазанья, сладкие лепёшки, казательелло, пастьера и коломба, планировались конные состязания, на вечер были приглашены венецианские актёры, сооружена сцена, и — об этом говорили с живым восторгом — готовился фейерверк.

Альбино заметил Франческо Фантони, тот гарцевал на мощном миланском жеребце, мелькал то среди дам у подвод, то среди молодых людей, и где бы он ни появлялся, звенел смех или раздавались крики возмущения. За спиной у него опять была гитара, упакованная в удивительной работы кожаный чехол: фигурные швы выворачивались наружу, там, где гриф переходил в корпус, проступало тиснение с изображением дракона.

Понаблюдав за ним несколько минут, Альбино отметил, что Франческо лукавил, когда говорил, что девицы считают его имя непристойным. На самом деле молодые синьорины на него очень даже поглядывали, и даже дочь мессира Палески, красotka Лаура, смеясь, кинула в него цветком, правда, обозвав шалопутом. Среди мужчин же почитателей Франческо подлинно не было. Из пояснений Тонди Альбино понял, что иные ненавидели его за оказываемое ему женщинами предпочтение, другие считали вертопрахом, фитюлькой и неженкой, третьи — трусливым ничтожеством, заискивающим у богатеев.

Последнее точно проступало. По приезде в Ашано Франческо крутился среди самых именитых граждан, явно заискивал перед Петруччи, Палески и Марескотти, а особо — перед советником Петруччи Антонио да Венафро, стремясь развеселить его. Сам Венафро бледный благообразный человек с бесовски умными глазами, хоть и смеялся над анекдотами Фантони, всё же откровенно заметил Франческо, что с его дарованиями он мог бы продвинуться и преуспеть на более почётном поприще, чем пение шутовских куплетов.

— Что? — изумился Фантони, и брови его взлетели на середину лба. — С дарованиями и вдруг продвинуться? Вы смеётесь, мессир Венафро? Людей с дарованиями принято попросту вешать, чтобы они своей одарённостью не подчёркивали ничтожество остальных.

— Вы считаете меня бездарем, раз я ещё не повешен? — с тонкой улыбкой осведомился мессир Венафро.

— Отнюдь нет, мессир Антонио, просто у вас хватает ума скрывать свой ум, но подобным свойством наделены не все одарённые, — с мягкой льстивостью проронил в ответ Франческо.

— Вам-то что мешает делом заняться, Фантони? Как вы с вашим умом допускаете, чтобы у вас была столь дурная репутация?

— Всеми виной моя несчастливая звезда, озарившая мрачным светом час моего рождения, мессир Венафро, мне просто не везёт, — кокетливо пояснил Франческо. Он лёгкой рукой расстегнул крепления на чехле гитары и, вынув инструмент, ударил по струнам и запел.

— Когда молчу, твердят — «тупица»,
Заговорю — я «пустозвон»,
А коль случится отличиться
Объявят тут же наглецом.
Коль независим, я «нахален»,
Почтителен — я «лизоблюд»
Заспоришь, назовут мужланом,
Уступишь — трусом назовут...

Мессир Венафро покачал головой, но было заметно, что кривляющийся гаер ему, в общем-то, по душе. Марескотти тоже поглядывал на Франческо вполне дружелюбно. Однако этого нельзя было сказать о людях его охраны. Паоло Сильвестри, рослый молодой человек с чуть раскосыми глазами, и Карло Донати, невысокий, тяжёлого сложения юноша с короткой бычьей шеей и круглым лицом, в выражении которого тоже проступало что-то бычье, упрямое и твердолобое, даже не скрывали своей ненависти к Фантони.

— Эй, клоун, а ты участвуешь в венецианском представлении? В какой маске? Смеральдины? — глумился Донати. — Тебе бы только танцевать на канате, паяц! Или, может, решишься скрестить со мной шпагу? — злорадно потешался он.

— Какое там, он и не носит рапиру из опасения увидеть сзади её тень! — поддакнул Сильвестри. — Гитарист!

Фантони не успел ответить, как вдруг из-за стены виллы показался всадник на чёрной арабской лошади, державшийся в седле так, точно в нём родился. Он подъехал к гостям и легко соскочил вниз. Эта лёгкость удивила Альбино: лет новому гостю было далеко за тридцать, и невольно останавливали взгляд тяжёлые геракловы плечи и мощь кулаков. Лицо же лихого наездника, когда он снял и прикрепил к седлу шляпу, и вовсе поразило Альбино. Он ожидал, что оно будет под стать сложению, точно вырубленным топором, но лик приезжего нёс печать тонкого ума, хоть в застывших глазах с грузными веками мелькало что-то безжалостно-палаческое и бесчувственное. Альбино успел подумать, что не хотел бы встретиться с таким человеком в тёмной подворотне, и тут хозяин праздника распахнул ему объятия.

— Дорогой Энцо, как я рад, что вы успели на торжество, вас не было в храме, и я подумал, вы не вернётесь сегодня.

Рядом вырос и Венафро.

— Мессир Монтинеро, рад вас видеть...

Следом за Венафро к Монтинеро подошёл рослый человек с густой светлой шевелюрой и обветренным терракотовым лицом, чем-то похожий на льва.

Тихо спросив Фантони, кто эти люди, Альбино узнал, что приезжий — человек подеста, городской прокурор Лоренцо Монтинеро, что до другого, с львиной гривой, то это и есть подеста, Пасквале Корсиньяно. Приехавший прокурор, оказывается, был хорошо знаком с самим Фантони: он, пожав руки гостям, фамильярно назвал его Сверчком и начал подначивать выиграть седло Пульчи на предстоящих скачках, всячески вышучивал и с издёвкой интересовался, не растолстел ли он за время поста и не раздавит ли Миравильозо?

Меж тем в воротах появился новый кортеж. Пожаловал многоуважаемый и достопочтенный монсеньор титулярный епископ Гаэтано Квирини. В прошлый раз, на приёме Петруччи, Альбино почти не разглядел Квирини, внимание его было приковано к Фабио Марескотти, зато теперь ему ничего не мешало взглянуться в клирика.

Епископ худобой походил на аскета, но его лицо с удлинённым, ровным, как ланцет, носом казалось холеным, а приторно-медовая улыбка странно сочеталась с бесстрастными, странно двоящимися глазами, которым прямые, как бритва, брови придавали суровое выражение. Он казался улыбающейся мумией.

Однако манера общения монсеньора Квирини подлинно изумила Альбино.

— О, Бог мой, Монтинеро! — бросил епископ, проезжая мимо прокурора, стоявшего рядом с Фантони. — А я-то думал, ты умер!

— С чего ты это взял, твоё преосвященство? — усмехнулся мессир Лоренцо, спокойно оглядывая епископа.

— Я вчера днём встретил нашего подеста, — зевнул тот, — так он столько хорошего о тебе наговорил.

Монтинеро смерил его преосвященство насмешливым взглядом и пожал плечами, видимо, ничуть не обидевшись его словам. После, когда прокурор заговорил о пропажах честных женщин и дурных забавах знати, Квирини вдумчиво заявил, что в том, что творится в Сиене, никакой вины власти нет. Это целиком и полностью её заслуга. Потом поинтересовался, на какую лошадь, по мнению Монтинеро, лучше поставить, а заметив Тонди с Бочонком, довольно бестактно сообщил архивариусу, что его собственный кот Подлиза, прожив два десятка лет, недавно, увы, отдал Богу душу и, судя по его нраву на этом свете...

— ...Теперь он в аду, Камилло, я уверен. Да, гадит в тапки дьяволу.

Альбино так и не смог понять, трунит епископ или глуп. Каждая его фраза звучала двусмысленно. Монах тихо спросил о клирике у Франческо Фантони, но тот, пожав плечами, ответил, что его преосвященство всегда отпускает ему его грехи, стало быть, с его стороны будет галантностью ответить ему тем же. Арминелли, спрошенный о епископе, заметил, что тот — свой человек у Петруччи, значит, всех устраивает, а вот Камилло Тонди на тот же вопрос рассеянно проронил, что дуракам обычно свойственно умничать, а вот дурачиться — это забавы людей с головой.

Однако самому Альбино так не показалось. Квирини сел играть в карты с мессиром Венафро, и узнав, что тот недавно побывал на побережье, завистливо вздохнул:

— Как удачлива твоя задница, Тонио! А мне этот бастард, римский визитатор, свалится на голову как кусок говна, теперь месяц никуда не выберусь из-за этого ублюдка. Так ещё и истерику мне закатил, почему, мол, фрески сыпятся в храме? А у меня лишних денег нет, одни потаскухи обходятся чёрт знает во сколько, а недавно я ещё и проигрался в пух и прах.

Тратиться на иконы, когда и на блядей денег не хватает? Ну, не идиота ли прислали, а?

Альбино побледнел и торопливо отошёл: епископ внушал ему такое отвращение, что даже похожий на палача прокурор Монтинеро показался приличным человеком.

Как может человек Церкви произносить такие кощунства?

* * *

Между тем, весь день был заполнен увеселениями: везде кружились гимнасты и жонглёры, актёры разыгрывали пантомимы, столы на весенней поляне под тутовником ломались от яств и напитков. Несколько раз Альбино замечал Франческо, который то играл в кости с Монтинеро, то, к большому удивлению монаха, о чём-то секретничал с мессиром Марескотти. Видя Фантони рядом с этим человеком, Альбино мрачнел и на душе его мутнело.

Потом почти все сошлись на пустоши позади виллы Палески, где были устроены конные состязания. Альбино слышал какие-то препирательства и крики в зелёном шатре, позже оттуда вышли несколько одинаково одетых мужчин и пошли к лошадям.

Но всё очень быстро закончилось. Один всадник вырвался вперёд после первого же круга и после никому уже не дал себя обогнать, его чёрный жеребец, огромный и страшный, как конь Апокалипсиса, нёсся как ветер, и алая лента победителя спустя несколько мгновений затрепетала на его могучей шее.

Теперь Альбино узнал всадника. С коня спрыгнул Франческо Фантони. Он с улыбкой принимал поздравления и удивительной красоты седло с изогнутой лукой и позолоченными стременами. Прокурор же, как понял Альбино, поставил на победу Сверчка и сейчас подмигнул епископу Квирини, который тоже с довольной улыбкой опустил в карман несколько золотых монет.

После конных состязаний на поляне устроили танцы. Альбино выпил лишь два стакана вина за здоровье главы синьории Петруччи и совсем не чувствовал хмеля. Он старался не спускать глаз с Марескотти, Пьетро Грифоли, Паоло Сильвестри, Карло Донати и Никколо Линцано, но Марескотти вскоре тоже исчез вместе с хозяином дома Лучано Палески, надо полагать, для них внутри виллы было сервировано особое застолье.

Но остальные были перед ним: Сильвестри и Донати пили и мерзко судачили о женщинах, Никколо Линцано, краснощёкий молодчик с томными, словно нарисованными глазами, говорил только о лошадях и зло куражился над выигрышем Фантони, уверяя, что тот сжулил, обойдя его на два корпуса, хоть и не уточнял, как именно, а Пьетро Грифоли, широкоплечий, смуглый и темноволосый, с мутным нечитаемым взглядом, что-то шёпотом вещал слуге, почтительно склонившемуся перед ним. Все эти люди казались Альбино до странности одинаковыми, сходство усугублялось одинаковой одеждой и крупным сложением всех четверых.

— Этот мерзавец явно нарушил правила. Он и весит-то всего ничего, его жеребец, почитай, порожним шёл, — не мог успокоиться Линцано, скрипя зубами.

— Ну, сто восемнадцать фунтов в нём, положим, есть, и ему же добавили веса на седле, — бросил Грифоли, думая, казалось, о своём. — А вот седло от Пульчи жаль, недурное, и надо же, досталось этому певуну, — сам он внимательно следил за стайкой девушек. — За дерзость наглому фигляру дать по зубам, конечно, не помешает...

Альбино проследил за взглядом Грифоли, и заметил, что он не спускает глаз с двух красоток — синьорины Лауры Палески, дочери хозяина, и ещё одной Лауры, из дома Четона, племянницы и наследницы известного в городе откупщика и родни самого Петруччи. Обе девицы ревновали друг к другу, но, как вскоре понял Альбино, причиной было не соперничество в красоте, а любовное состязание, ибо обе были явно влюблены в одного мужчину, и Альбино не составило труда понять, в какого именно. Обе строили глазки Франческо Фантони и вертелись вокруг него, но тот не отдавая предпочтения ни одной девице, оживлённо болтал с обеими.

В начавшихся танцах юноши приглашали девиц, и Альбино заметил, что Франческо, солировавший в гальярде и, без сомнения, бывший не только лучшим наездником, но и королём танцующих, кружился в танце с двумя Лаурами и прекрасно справлялся.

Карло Донати и Паоло Сильвестри стояли в тени дуба и перешёптывались, к ним подошли Пьетро Грифоли и Никколо Линцано, но тут, однако, к немалому смущению Альбино, какая-то девушка увлекла в круг танцующих его самого. Гальярду Альбино когда-то учила танцевать сестра, он, глядя на отплясывающих, вспомнил движения, но был, конечно, не очень ловок. Однако на смену его смущению пришёл испуг, едва он вблизи заметил лица перешёптывающихся охранников Марескотти. Все они смотрели на Фантони — исподлобья, угрожающе. Альбино обернулся на Франческо, ему показалось, что тот замечает, сколь сильно злит соперников, но не сильно взволнован этим.

— На гору Святого Николая с радостью
Оправляются люди отовсюду:
Кто с гитарой, кто с мандолиной —
Все идут встречать рассвет.
Какая красота на горе Святого Николая,
И когда восходит солнце, захватывает дыхание!

— распевали танцующие, хлопая в ладоши, и голос Франческо Фантони звенел громче всех.

Тут на поляне появились ещё три девушки, отмеченные явным сходством: стройные, большеглазые и очень миловидные. Но если двух из них сразу пригласили танцевать, то третью, самую, на взгляд Альбино, красивую, молодые люди избегали, как зачумлённую, резко отворачивались и торопливо уходили, почти отбегая. Между тем она походила на ангела с храмовых фресок: густые тёмные волосы зримо утяжеляли изящную головку, огромные глаза синели, как горные озера, она была столь прекрасна, что монах с трудом отвёл глаза, забормотав покаянную молитву.

Тем временем Франческо вскоре наскучило танцевать, он сел рядом с Альбино и принялся уписывать кусок лазаньи.

— А почему никто не пригласил танцевать эту красивую девушку? — тихо спросил у него монах, указывая глазами на сидящую у дальнего конца стола девицу. — Это же три сестры, да?

Тот усмехнулся и кивнул.

— Да, это Феличиана, Розамунда и Катарина Корсиньяно, — язвительно пояснил он, — дочки нашего подеста, как он сам говорит, его позор.

— Почему? — изумился Альбино.

— У него пять дочерей и только недавно жена родила ему сына, на что он уже перестал и надеяться. Двух старших он выдал замуж, остальные на выданье, что до младшей — тут лучше не рисковать, — гаер насмешливо прищурился, но что он имел в виду, Альбино не понял.

Однако эта загадка вскоре разрешилась. К девице, оставшейся неприглашённой, медленно приблизился мессир Монтинеро и, опустившись рядом на скамью, с улыбкой заметил, что она прелестно выглядит и если ей хочется потанцевать, — он к её услугам. Красавица резко обернулась к нему, смерив прокурора злым взглядом, и объявила, что танцевать не хочет.

— Правильно, — одобрил её мессир Лоренцо, — что прыгать-то без толку? Гораздо умнее употребить время для рассудительной беседы. Итак, как я уже говорил вам, дорогая синьорина, я достроил дом на купленном участке в контраде Орла и теперь намерен жениться. Поглядев вокруг, я остановил свой выбор на вас. С вашим отцом мы понимаем друг друга, приданое ваше меня устраивает, остаётся заручиться согласием невесты. Вы согласны?

Катарина Корсиньяно отрицательно покачала головой, глядя на танцующих и не достаивая сватающегося к ней прокурора даже взглядом.

— Я уже говорила вам: нет, и никогда не соглашусь.

— «Никогда» — тяжёлое и мрачное слово, синьорина, — спокойно отозвался Монтинеро. — За мной вы будете жить, как за каменной стеной. Я не беден, не увечен, не крив и не хром. Я здоров и для мужчины достаточно благообразен. Нет ничего, что могло бы помешать мне стать хорошим мужем и отцом нескольких ребятишек, коих вы мне народите. Со своей стороны замечу, что не вижу для вас абсолютно никаких причин отказывать мне. Это нелепо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На щеках красавицы вспыхнул румянец, крылья тонкого носика раздулись, однако это не только не испортило её красоту, а, скорее, придало ей ещё большую прелесть. Девица, тяжело дыша, бросила злобный взгляд на своего поклонника.

— Мне жаль, мессир Монтинеро, но такие причины вижу я.

— И в чём же они? — хладнокровно поинтересовался прокурор, заложив руки за голову и тоже разглядывая плясунов, резвившихся на поляне.

— В вашем дурном нраве! Надеюсь, вы не будете оспаривать того, что именно вы сделали всё, чтобы отвадить от меня всех моих кавалеров? Даже мой кузен теперь здороваётся со мной с опаской! Все они шарахаются от меня, как от прокажённой. Скажете, что это не ваших рук дело?

Монтинеро покачал головой, удивлённо оглядывая свои крупные руки.

— Моих рук? Нет, уверяю вас, очаровательная синьорина. Я действительно сказал в некоем обществе, что намерен жениться на младшей дочери мессира Корсиньяно, Катарине, которая пленила моё сердце ангельской красотой и лёгким нравом. Там были некоторые из тех господ, кого раньше именовали «вашиими кавалерами», и, уверяю вас, ни один из них ни словом мне не возразил, — он брезгливо сморщил нос. — Но я ничего не делал для того, чтобы, как вы изволили выразиться, «отвадить их». Не отваживал, нет, — Монтинеро покачиванием головы подтвердил сказанное. — Не думал даже.

— И если кто-то из них будет ухаживать за мной, вы ничего не сделаете?

— Напротив! Даже помогу им. Коли вы и впрямь нуждаетесь в галантностях этих жалких вертопрахов и комплиментах ничтожных ветрогонов, почему нет? Кого вы хотите видеть у своих ног? Вон ваш бывший поклонник, мессир Пини, танцует с вашей сестрицей. Хотите, он до вечера будет крутиться около вас и говорить вам те затасканные любезности, которые сейчас говорит ей?

— Да вы издеваетесь надо мной! — девица подлинно кипела, глаза её гневно сверкали, прядь волос выбилась из причёски и упала на грудь, но в итоге она только похорошела ещё больше, — они просто боятся вас, вот и всё! А если бы не боялись...

— То были бы смельчаками, — закончил мысль прокурор, правда, совсем не ту, что имела в виду девица. — Но зачем держать возле себя трусов, синьорина? Трус угрожает, когда уверен в безопасности, я же такой уверенности не даю, это понятно. Но источник страха этих людей — в их сердце, а не в руках устрашающего.

— И вы считаете, что поступаете благородно? Скажите честно, вы считаете себя порядочным человеком? — девица оперлась руками в стол и наклонилась к лицу своего поклонника.

Тот ничуть не смутился.

— Я не трусливый человек, синьорина, это да. Что до благородства и чести, или того, что этим называется... — он на минуту задумался. — Знаете, как ни странно, самое скверное во всех этих честных людях — именно трусость. Они бранятся, возмущаясь несправедливостью, потом умолкают, садятся ужинать с крахмальной салфеткой на груди, вечером ложатся спать на мягкие подушки и обо всём забывают. Для истинного благородства обязательно именно бесстрашие. Разве можно без мужества искать истину или заботливо хранить любовь?

Девица на миг замерла, не сразу найдя ответ, её же собеседник лениво продолжил:

— Честь же подлинная, — он задумался, — это сложно. Трусость часто спрашивает: опасно ли это? Ум оценивает — разумно ли это? Тщеславие вопрошает: принесёт ли это славу? Но честь задаётся только одним вопросом: истинно ли это? И приходит время, когда нужно сделать то, что не будет ни безопасным, ни разумным, и не принесёт славы, но это нужно сделать, потому что это истинно. Человек чести так и делает. В этом смысле я — честен.

— Я поняла, — кивнула Катарина, — вы не сочли нужным покорять меня, стараться понравиться и заставить меня полюбить вас, вам проще было разогнать всех моих женихов, а теперь ещё готовы назвать это честным. Стало быть, я обречена стать вашей женой или умереть старой девой, ибо никого другого вы ко мне не подпустите?

Лоренцо Монтинеро лучезарно улыбнулся.

— Ваша понятливость делает вам честь, милейшая синьорина. Буду искренен: ваша красота пленила моё сердце, но мало ли в свете красавиц? Нет, вы покорили меня именно разумностью, пониманием тех вещей, которые обычно девицы ваших лет понимают только тогда, когда уже поздно бывает что-то постигать.

Альбино не показалось странным, что мессир Монтинеро выбрал себе в невесты синьорину Корсиньяно, ибо девица была прекрасна даже в гневе, но методы его ухаживаний монах не мог не считать странными. Закончилось же общение прокурора с дочерью подеста и того страннее.

— Вы надоели мне с вашей грубой лестью, — отрезала девица, — я хочу танцевать, а так как вам не нравятся танцы, я заставлю вас плясать до упаду.

В ответ Монтинеро пообещал ей упасть, но только на неё сверху — на брачном ложе сразу после венчания, и повёл рассерженную девицу к танцующим.

Глава V. Тихий ужас

Тут внимание Альбино отвлек новый гость, появившийся в воротах. Его вид приковал к себе взгляды всех собравшихся, свободных от танцев и любовных интрижек. Это был полноватый толстогубый человек лет пятидесяти, восседавший на муле. Ноги его в щегольских сапогах плотно облегали бока животного, но едва он слез вниз, обнаружилась причина такого прилегания: между колен приехавшего могло свободно, не задев их, пролететь пушечное ядро. Но кривизна ног не шла ни в какое сравнение с округлостью брюшка, выпиравшего из-под дублета, как живот матроны на сносях. Лоб мужчины, высокий и лысеющий, почему-то украшал лавровый венок, делая его похожим на сатира Силена. Сходство с вечным спутником Вакха усугублялось маленькими поросычьими глазками и носом, похожим на свиной пяточок. Щеки приезжего были алы до пунцовости, носик-пяточок тоже был красен.

— О, Боже... — из уст сидящего рядом с Альбино Франческо Фантони вырвался стон. — Это же Сильвио, где моя чаша с цикутой? Тихий ужас...

Увенчанный лавром сразу направился туда, где трапезовал Пандольфо Петруччи с приближенными, а из осторожных расспросов Фантони Альбино выяснил, что прибывший — необычайно плодовитый творец, одописец мессира Петруччи, создатель возвышенных од и славословий синьор Сильвио Леони, из-за любви к обильным возлияниям и страданий от их последствий прозванный Блевони. Фантони зло обронил, что этим же эпитетом можно обозначить и все поэтические творения Сильвио, но самое ужасное не это...

— Боюсь, нам придётся насладиться слушанием его виршей, я угадал это по его физиономии. Вчера он здорово перебрал в кабачке Джанмарко, ночью у него явно был понос... тьфу, порыв вдохновения, — горестно пробормотал Франческо, — ох, чует сердце, быть беде. В прошлый раз он захватил нас всех в парадной зале мессира Ручелай и начал читать свою новую поэму, так у меня разболелись зубы, и виски сдавило, как обручем. Не удрать ли, пока не поздно, а?

Но было поздно. На поляне появились Пандольфо Петруччи, Антонио да Венафро епископ Квирини, подеста, хозяин праздника мессир Лучано Палески и Фабио Марескотти. Слуги владельца виллы скликали гостей в круг, музыкантам, веселящим танцоров, приказано было замолчать. Альбино успел заметить прокурора Монтинеро, на физиономии которого при виде синьора Сильвио проступило нечто от педагога, твёрдо решившего отходить тупого ученика мокрыми розгами по голой заднице. Мессир же Венафро неожиданно извлёк из кармана веер, хоть на поляне дул свежий ветерок и было совсем не жарко. Подеста, напротив, потребовал у слуги, принёсшего ему стул, доставить сюда его тёплый плащ, а монсеньор епископ Квирини, послав Леони взгляд христианского мученика, бросаемого по приказу императора Диоклетиана в пасть льва, тем не менее, скромно сел на предложенное ему место у возвышения, с которого поэт должен был читать стихи. Он покорно и печально склонил голову, словно служа иллюстрацией старинного духовного напева: «Вот плоть святая для креста, какие муки ждут Христа...»

Как понял Альбино, уйти с чтения — значило дурно зарекомендовать себя в глазах капитана народа, и потому все приближенные Петруччи сочли, что, чем раньше чтение начнётся, тем быстрее закончится. Они сгрудились у возвышения, где актёрам предстояло позже разыграть спектакль, а монсеньор епископ, устав ждать, начал громко бить в ладоши.

Поэт, теперь вполне разумно задрапировавший кривизну ног длинным плащом, вышел перед публикой и начал чтение.

— Я милость воспою и суд,
И возглашу хвалу Пандольфо;
Законов суть и ратный труд
Познал он тонко, и не только, —
От своенравных уклоняясь,
Не слушая совет коварных,
От порицаний устранившись,
Наветов, наущений тайных,
За стол с собой он не пускает
Надменных, злых, неблагодарных;
своей трапезой угощает
Правдивых, честных, благодетельных,
И где с ним вместе ни сойдутся
Льстецы, мздоимцы, дураки
Они Пандольфо изженутся
Одним движением руки!

Альбино стало неловко. Даже стыдно. Он давно заметил, что стыд за другого порой болезненнее собственного. Но, похоже, что стыд испытывал только он один. Пандольфо Петруччи слушал дифирамбы себе со спокойной улыбкой. Венафро наклонил голову к поэту, словно боясь упустить хоть слово, и прикрыл перекошенную половину лица веером. Фабио Марескотти тупо смотрел на поэта и, казалось, думал о чём-то другом, мессир Палески льстиво улыбался и кивал, точно подтверждая истинность сказанного, прокурор Монтинеро, стоявший рядом с Катариной Корсиньяно, тоже улыбался и нежно поглаживал руку девицы, которую та неосмотрительно ему протянула, подеста, сидевший слева от Петруччи, смотрел на поэта с явно несвойственной этому лицу томной задумчивостью, а монсеньор епископ Квирини в конце чтения, восторженно зааплодировав, вскричал: «Браво!»

Подлинная мука и явное страдание, маска древней трагедии и безнадёжная скорбь были написаны только на лице Франческо Фантони, причём бедняга, похоже, не очень-то и притворялся. Он покраснел, по шее его пошли розовые пятна, брови сошлись на переносице. Он, казалось, был в жару. Леони же безжалостно начал новый стих.

— Льёт, всегда благочестивый,
Токи мудрости из уст,
Муж Пандольфо наш любимый
Изрекает правый суд:
Сердцем чист благой правитель,
Твёрды истины стопы.
От неправды избавитель,
Покровитель красоты!
Ищет, ищет беззаконный,

Чтоб невинность погубить,
Нет, он мнит, ей обороны,
Но Пандольфо защитит!
Ведай: честность и невинность
Увенчаются венцом;
Злость, нечестье горделиво
Кончатся своим концом!

Несчастливого Фантони, похоже, всерьёз трясло и колотило, он наконец-то догадался незаметно под длинными волосами зажать ладонями уши, но зычный голос одописца всё равно проникал в них. Зато монсеньор епископ Квирини был в полном восторге. Он вскочил, громко хлопая в ладоши и крича «Гений!», на его крики поэт поклонился с видом неподдельной скромности, Пандольфо Петруччи тоже соизволил пару раз ударить в ладоши, после чего весь синклит дружно зааплодировал. Франческо Фантони был бледен, как мертвец, и едва дышал.

Поэт же, вынув третий лист, продолжил чтение.

— Пандольфо наш несёт
Оливы ветвь в долины,
Бедных спасает от бед
и от злой судьбины.
Истина во всех сердцах,
И правда воцарится,
В его блаженных днях
Счастье поселится.
Лавр увьёт его чело,
Славою украсит вечной,
Чтоб имя Пандольфо цвело
Хвалою чистосердечной.

Тут монсеньор епископ, всё ещё стоявший на ногах, подошёл к Пандольфо и заявил, что предлагает провозгласить мессира Сильвио Леони королём поэтов. Петруччи благосклонно кивнул, поэт, не желая упускать столь благоприятный момент, спустился к капитану народа, на ходу ловя восхваления и комплименты. Петруччи лаконично похвалил поэта, слова «прекрасно» и «великолепно» уронил и странно улыбающийся Венафро, подеста просто пожал поэту руку, да так, что тот скривился, и, рыдая от восторга, ему на грудь упал, благословляя его, епископ Гаэтано Квирини.

* * *

Однако после того как толпа восторженных ценителей поэзии поредела, а осыпанный восхвалениями пиит ушёл с Пандольфо Петруччи на виллу, Альбино довелось понять, что

монсеньор епископ Квирини не только склонен к кошунствам и непотребной брани, но и оказался ещё и отъявленным лицемером. Это выяснилось в ту минуту, когда на поляне у пиршественного стола уединились его преосвященство и прокурор Лоренцо Монтинеро. Альбино сидел за полой шатра и слышал весь разговор.

— А почему ты не предложил читать эти стихи в церквях с амвона вместо проповедей, Гаэтанелло? — иронично поинтересовался прокурор, деловито разливая вино по стаканам.

Гаэтано Квирини зевнул и сладко потянулся.

— Полно тебе, Лоренцо. Поэзия — девка гулящая, доступная, её любой задарма оттрахать да обрюхатить может. Но если человеку с головой она порой рождает нормального младенца, то насильнику завсегда подарит выблядка с волчьей пастью или двумя головами. Это всё зола и пепел. Но что значит «кончатся своим концом», — вот что я хотел бы понять, — задумчиво произнёс его преосвященство, глядя на закат сквозь рубиновое вино в стакане, — мне почему-то померещился в этот дурости некий сакральный смысл. Древние говорили, что боги иногда возвещают свою волю устами самых непотребных блудниц и тупоголовых иеродулов. «Горделиво кончатся своим концом» — снова задумчиво повторил он, — он имел в виду sazzo, мужской конец, что ли?

Монтинеро прихлебнул из стакана и усмехнулся.

— Ты всё усложняешь, Нелло. В прошлый раз у него что-то в стихах закатывалось закатом или хвалилось похвалою. Я не запомнил... А, славилось славой! Твоё здоровье! — прокурор опрокинул в себя стакан, — а теперь — «кончается концом». Всё логично. Всё начинается началом и заканчивается концом. Вот что он имел в виду.

Гаэтано Квирини надменно покачал головой.

— Ты мыслишь поверхностно и легкомысленно, и не тебе, Энцо, читать волю богов. А я над этим в ночи помозгую.

— Не сломай мозги, Гаэтано, Бога ради, — язвительно обронил вслед Квирини Монтинеро, но епископ уже растаял у дверей виллы.

* * *

Небо тем временем потемнело, гости всерьёз опасались, что дождь испортит финал праздника, но тучи разошлись, и ночь засияла звёздами. Альбино снова обратил внимание на людей Марескотти, но они просто распивали вино и перешёптывались. Франческо Фантони куда-то незаметно исчез. Слуги хозяина расставляли скамьи для театрального представления, в затемнённых сумерками уголках сада слышались вздохи влюблённых. Никколо Линцано ушёл к конюшням, туда же пошёл и Пьетро Грифоли. К Альбино подошёл мессир Арминелли и затеял долгий разговор о некоторых тонкостях перевода с арамейского, прокурор Лоренцо Монтинеро прислушивался к их разговору, ещё раз доверху наполнив стакан красным вином, но ничего не говорил.

Альбино, сосредоточась, объяснял, что лучшей возможностью понять один арамейский текст стал для него его аналог на греческом, они заговорили о найденных недавно маранских рукописях в Испании, горячо обсуждали их, но тут появившийся у скамеек советник Петруччи Антонио да Венафро сказал Монтинеро, что Фантони только что на его глазах опорожнил у приезжих актёров бутылку вина, да так и свалился под театральные леса.

— Дурно меры не знать. Толковый малец был бы, если б не вино, — с сожалением

сказал он Монтинеро.

— Если бы не хмелел, лишь понюхав пробку, — насмешливо уточнил Монтинеро. Сам мессир Лоренцо пил уже третью бутылку, но на его бледных щеках не проступало даже румянца.

Альбино испугался. В его глазах подобное поведение Фантони граничило с преступной беспечностью. Неужели он не заметил взгляды, которыми озирали его охранники Марескотти? Они только и ждали случая сделать ему какую-нибудь пакость, по лицам видно было. А он беззаботно порхает, словно бабочка! Пьёт и, бесчувственный, валяется, где попало! Как можно так рисковать?

Альбино извинился перед Арминелли и, сделав вид, что направился по нужде, торопливо свернул к шатру венецианцев. Фантони подлинно спал на соломе под сценой, слегка всхрапывая. У ног его лежала гитара всё в том же дорогом чехле. Альбино покачал головой. Боже, какое легкомыслие... Он осторожно повесил гитару себе за спину, подивившись тяжести инструмента, потом попытался поднять Франческо, но безуспешно, и тогда он, подхватив Фантони под мышки, поволок его из шатра.

Неожиданно он упёрся в стену и стремительно обернулся.

— Иисус Мария, куда вы его тащите? — над Альбино возвышался Лоренцо Монтинеро. Это именно в него уперся спиной Альбино.

— Тут дует, он может простудиться, — растерянно ответил монах, сказав первое, что пришло в голову.

— Есть те, для кого таскать мессира Фантони — обязанность, — окинув пьянчугу пренебрежительным взглядом, насмешливо пояснил прокурор.

Он развернулся и крикнул слугу Фантони, и тот, отрок лет четырнадцати с большими оттопыренными ушами, обречённо кивнув, подхватил господина и отволок в палатку торговца сладостями, стоявшую возле протоптанной конскими копытами колеи для скачек. К этому времени она уже опустела. Слуга уложил пьяного господина на сено, накрыл конской попоной, а Альбино отнёс туда же его гитару. Теперь он видел Франческо и надеялся, что это оградит его от завистливой злобы людей Марескотти.

Самые упрямые танцоры ещё резвились и требовали от музыкантов продолжать играть, однако уже начинался спектакль, зрители рассаживались. Скрипачи и гитаристы перешли к шатру. Краем глаза Альбино заметил, как Катарина Корсиньяно сидит двумя рядами ближе, но рядом с ней с одной стороны сидела сестра, место же с другой — пустовало. Занавес раскрылся, и на сцене появилась красивая девица в платье Коломбины.

Альбино видел спектакли заезжих актёров только в детстве, сейчас смотрел заворожённо, волнуясь каждой перипетии сюжета, болея душой за влюблённых, которым мешал злой опекун Панталоне и помогал хитроумный слуга Бригелла. Увы, узнать, соединились ли в брачном союзе красавица Изабелла и прекрасный Лелио, Альбино было не суждено: у занавеса появился взволнованный Камилло Тонди, взгляд которого уперся в Арминелли и Альбино.

— Умоляю, господа! Помогите! — дыхание толстяка спирало, он задыхался.

Альбино опомнился и удивился волнению мессира Тонди.

— Но что случилось? — шёпотом спросил он, чтобы не мешать представлению.

Оказалось, случилась беда. Мессир Тонди потерял Бочонка. Он был здесь, вот только что, сидел рядом и вдруг пропал! На лице архивариуса был написан ужас. Альбино торопливо поднялся и огляделся, но кота нигде не было видно. Впрочем, разглядеть чёрного

кота под чёрным небом на чёрной траве было, что и говорить, делом нелёгким.

— Никуда он не денется, ваш котяра, он на моих глазах сожрал дюжину монтальчинских колбасок и заел их хвостом жареного карпа! — брезгливо бросил Тонди Элиджео Арминелли, явно не собираясь помогать коллеге в поисках. — Как не лопнул, обжора! Сейчас где-нибудь отсыпается.

— Он всегда спит у меня на коленях, — с жаром возразил Тонди, — он не мог пропасть! Его наверняка украли, — пробормотал архивариус в отчаянии, не отвечая на ехидный вопрос Арминелли, кому нужен раскормленный до безобразия чёрный котик?

Альбино же, памятуя, что мессир Тонди снизошёл к его просьбе и помог разобраться в непонятных для него вещах, чувствовал себя обязанным помочь и предложил мессире Камилло пойти поискать кота вокруг виллы.

На глаза толстяка навернулись слезы благодарности.

— Да, да, умоляю вас, мессир Кьяндарони, — Камилло вцепился в запястье монаха. — Я не очень хорошо вижу ночью, но потерять Бариле... это... это было бы ужасно, просто ужасно, — они медленно двинулись в обход виллы. — Он совсем ручной, я выходил его. Он не мог убежать от меня, — толстяк остановился, схватившись за сердце, но, отдышавшись, отправился дальше.

Они обошли виллу с юга, около получаса бродили по беседкам и окрестностям, звали кота, распугивая влюблённых по кустам, потом Альбино вышел на маленькую пустошь, озарённую полной луной и окаймлённую дубами, кроны которых казались в ночи совсем чёрными, но на освещённом месте что-то выделялось, Альбино заслонился от лунного света, рассмотрел впотьмах колодец и тут, к счастью, заметил пропажу.

— Вон он! Сидит возле колодезного ворота!

— О, мой Бог, он же упадёт в колодец, утонет! — взвизгнул Тонди и ринулся вперёд.

— Успокойтесь, мессир Камилло, с чего бы ему туда падать? — резонно возразил Альбино, догоняя его. — Кошки ведь боятся воды, но он, видимо, просто захотел пить, ведь рыбы наелся. Сейчас мы осторожно подойдём, сразу хватайте его, а потом достанем воды и дадим ему напиться.

Толстяк-архивариус снова отдышался и на цыпочках двинулся к колодцу, нежно повторяя: «Кис-кис, маленький мой, крошка моя...» Его толстая крошка, надо сказать, вовсе не собиралась падать в колодец. Бочонок громко мякнул, признав хозяина, и спокойно дал себя забрать. Альбино же, подумав, что ведро внизу, ибо его нигде больше не было, взялся за ворот, но тот не прокручивался, застряв.

— Ничего не понимаю, — растерянно обронил Альбино, — я не могу достать ведро.

Тонди, счастливый обретением любимого кота, спросил, не крутит ли он ворот в другую сторону, но это было возражение человека, явно никогда не имевшего дела ни с чем, кроме книг. Альбино, весьма терпимый к людским заблуждениям, мягко ответил, что ворот можно крутить в любую сторону, но беда в том, что он вообще не крутится. Он снова налёг на ручку, напрягся, и тут ему показалось, что цепь скрипнула, но тут же снова расправилась, и на дне колодца раздался еле слышный плеск. Тонди изумился, попросил Альбино подержать кота и сам взялся за ручку. Несмотря на сидячую жизнь среди книжных полок, мессир Камилло, видимо, сохранил немалую силу в широких плечах, и ему, в отличие от Альбино, удалось, кряхтя, несколько раз провернуть ворот.

Тяжёлая цепь, вначале сухая, потом — со стекающими с неё прозрачными каплями, намоталась на ворот и подняла из колодезной глубины тело утопленника, зажатое между

двойной цепью и доской, к которой по краям крепились два крюка. На одном из них, мерно раскачиваясь под животом покойника, было прицеплено ведро, полное чёрной воды с танцующим в нём отражением белой луны.

Глава VI. Чужие разногласия

Мессир Тонди, как оказалось, принадлежал к тем людям, которые склонны много беспокоиться по пустякам, но в ситуациях сложных самообладания не теряют. Он приказал Альбино крепко держать кота, сам же, потянув за цепь, снял с крюка ведро, поставив его на уступ колодезного круга, и притянул к себе труп. Цепь снова закрипела, разматываясь с ворота, покойник был спущен на траву и перевернут лицом вверх.

В лучах луны они молча озирали мертвеца. Оба сразу узнали его. Это был начальник охраны Фабио Марескотти.

— Пьетро Грифоли, — вздохнув, сказал Тонди и тут же устремился к колодцу, снял с круга ведро и поставил его рядом с трупом, торопливо забрал с рук Альбино Бочонка и опустил кота у ведра. Кот точно хотел пить: став на задние лапки, он сочно закал воду. Тонди подождал, пока кот напьётся, и тогда сказал, что надо предупредить хозяина виллы и найти подеста, Пасквале Корсиньяно, он был тут, среди гостей.

— Вы полагаете... его убили? — Альбино услышал свой голос будто со стороны. В его глазах сначала потемнело, потом проступил странный свет. Он поднял голову и увидел, как небо за домом озарилось ликующим фейерверком, взрывами веселья и торжества. Сам он, пошатываясь, стоял над трупом врага, и подлинно не знал, что должен чувствовать, — восторг, изумление, счастье? Но на деле он ощущал только недоумение, колебания духа и сомнения в реальности происходящего.

Тонди внимательно оглядел цепь. За четыре фута до конца она удваивалась, в образовавшееся отверстие было вложена доска, сделавшая из цепи подобие качелей, внизу к концам доски крепились два крюка. Это было обычное крестьянское приспособление, применяемое, когда нужно быстро начерпать воды — по два ведра зараз.

— Не знаю, — странно спокойно и даже задумчиво ответил Тонди, — если покойник был пьян и не вязал лыка, он вполне мог, схватившись за цепь, не удержаться, упасть в колодец и застрять на перекладине.

— У мессира Полески будет из-за этого неприятности? Петруччи разгневется?

Тонди удивлённо выпятил нижнюю губу.

— Это ещё почему? Это, — Тонди указал пальцем на труп, — неприятности семейства Грифоли, что до мессира Пандольфо, то уверяю вас, он никогда не бывает озабочен чужими напастьями. У него своих-то немало, — тихо пробурчал он. — Что, малыш, хочешь баиньки? — залепетал он, хватая кота, который начал царапать его сапог, требуя, чтобы хозяин взял его на руки.

Альбино недоуменно посмотрел на архивариуса. Тот подлинно удивил его. Голос его звучал сейчас иначе, чем прежде, на октаву ниже, из него исчезли те пугливые нотки, с какими он рассказывал о возможном отравлении своего патрона, он казался сильным и спокойным, в преувеличенной же заботе о своем коте, на поверку, кстати, как неосознанно заметил Альбино, оказавшимся не очень-то и жирным, просто густошёрстным, проступала какая-то маска, словно мессир Тонди нарочито хотел казаться куда более смешным толстым недотёпой, чем был на самом деле. Покойник роста был шестифутового и весил немало, и то, что мессир Камилло столь легко поднял вес почти в двести фунтов — тоже настораживало.

Тем не менее, ничем не выдав своих подозрений, Альбино торопливо засеменял след

за Тонди, который, прижимая к себе кота, понёсся, не разбирая дороги, к месту фейерверка. В темноте он подлинно видел плохо, временами спотыкался, впрочем, Альбино не особо волновался за него, зная, что у подслеповатых, пьяных и влюблённых — свой ангел-хранитель.

На поляне они нашли всех вместе — хозяина виллы, Пандольфо Петруччи и Антонис Венафро, Фабио Марескотти, Паоло Сильвестри, Карло Донати, Никколо Линцано епископа Квирини, нескольких неизвестных Альбино людей и Элиджео Арминелли, явно клевавшего носом. В нескольких шагах от них стоял прокурор Лоренцо Монтинеро, в своем тёмном плаще похожий на призрака.

— Господа, — в голосе Тонди вновь проступили визгливые нотки. Он, с взъерошенным котом на руках и растрёпанной шевелюрой вокруг лысины, снова показался Альбино уморительно-потешным толстяком-Панталоне, — там... там... Мы с мессиром Кьяндарони искали кота... В колодце труп! Мессир Грифоли, он упал вниз!

На несколько мгновений в воздухе повисло молчание, все обернулись к Петруччи, но тот лишь поднял глаза на Марескотти. Марескотти же замер со сжатыми в кулаки руками, как громом поражённый. Венафро, наклонив голову набок, в недоумении разглядывал вестника несчастья, явно не поверив принесённому им известию. Карло Донати, Паоло Сильвестри и Никколо Линцано, как заметил Альбино, странно сплотились, став плечом к плечу, Лоренцо же Монтинеро, напротив, отступил на шаг назад и обернулся в сторону конюшен. На лице его было написано сожаление, но было неясно, скорбел ли он о погибшем или просто жалел, что вовремя не уехал.

— Бедняга, — растерянно сказал Венафро чуть дрогнувшим голосом.

— Воды смерти горьки... — задумчиво отозвался епископ Квирини. — Если называть беднягами всех, кому суждено умереть, кого пропустишь из живущих?

Альбино бросил на него недоуменный взгляд и понял, что его преосвященство просто пьян как сапожник.

Петруччи пришёл в себя быстрее всех прочих и велел Монтинеро разыскать среди гостей подеста.

— Он был у бочки с мальвазией, — наябедничал пьяный епископ, — внюхивался в аромат.

— Найдите его, — приказал Петруччи.

На это ушло несколько минут. Поднялась суета, Корсиньяно быстро разыскали, и целая толпа людей с факелами во главе с подеста двинулась к колодцу. Утопленник был осмотрен медиком Палески, не заметившем на теле Пьетро Грифоли следов насильственной смерти: он не был пронзён кинжалом или удушен, правда, шея была переломана, но это вполне могло произойти при падении тела в колодец.

Петруччи, едва услышав этот вердикт, приказал послать за отцом погибшего — Аничетто Грифоли, сам же, велев Венафро идти за ним следом, направился в дом. Марескотти, поглядев им вслед, обратился к стоявшему на поляне Пасквале Корсиньяно. Тот безмятежно озирает тело, слегка покачиваясь с носков на пятки.

— Вы полагаете, что вас напрасно вызвали? — в голосе Марескотти проступила с трудом сдерживаемая ярость, которую он, однако, силился подавить.

Подеста пожал плечами. К удивлению Альбино, он ничуть не заискивал в Марескотти, держался со спокойным достоинством и подчёркнутой независимостью.

— Не знаю, утром, едва рассветёт, мы осмотрим колодец и допросим служителей в

доме. Может, что и прояснится.

— Двое свидетелей перед вами, зачем же ждать утра? — в горле Марескотти что-то клокотало.

Тонди, всё ещё прижимая к себе кота, чуть подался вперёд, угодливо поклонился Корсиньяно и выразил полную готовность рассказать господину подеста обо всем, что они знают. Однако на его слова ни Марескотти, ни Корсиньяно не обратили ни малейшего внимания, продолжая сверлить друг друга свирепыми и крайне недоброжелательными взглядами.

— Вы полагаете, что мессир Грифоли убит? — этот вкрадчивый вопрос Корсиньяно вызвал подёргивание нижней челюсти Марескотти, — с чего? У него были враги? Кто мог желать ему зла? Допрос свидетелей я никогда не начинаю с нашедших тело, но с тех, кому служил покойник. Такая у меня манера.

Марескотти развернулся, да так, что пола его плаща, описав полукруг, завернулась у колен, и, крикнув своей свите, устремился в дом. Подеста, в свете факелов ещё раз оглядев утопленника, неспешно двинулся следом.

— Почему мессир Корсиньяно столь дерзко говорил с мессиром Марескотти? — тихо поинтересовался Альбино у Тонди.

— Нашла коса на камень, — безмятежно пояснил архивариус, поглаживая кота между острых ушей, — Марескотти — кузен жены Петруччи, Аурелии Боргезе, а мессир Корсиньяно — кузен самого Пандольфо.

— Но ведь мессир Корсиньяно был обязан допросить нас, — сказал Альбино, глядя вслед удаляющемуся подеста, — почему же он этого не сделал?

— Потому что мертвец — человек Марескотти, — снисходительно растолковал Тонди. — Обнаружь мессир Пасквале здесь мёртвым своего человека, он вцепился бы нам в глотки и продержал бы всю ночь в каталажке. Нас допрашивали бы с пристрастием порознь и вместе, сверяли бы каждое наше слово друг с другом, угрожали бы пыткой и запугивали. А так как мы случайно напоролись в ночи на тело какого-то прислужника Марескотти, то нас вполне можно расспросить о таком пустяке утром за завтраком. — Толстяк посторонился, ибо пришли слуги с носилками, на которые погрузили тело утопшего и понесли к дому. — Однако уже и вправду поздно. Бочонок уснул, пойдёмте в отведённые нам комнаты, — толстяк зевнул. — Надо и впрямь выспаться, денёк завтра будет хлопотный.

Архивариус с котом исчез в темноте.

Альбино последовал было за Камилло, но тут, обернувшись, заметил тёмную фигуру мессира Монтинеро, стоявшего у колодца и осторожно вращавшего ворот, чуть поскрипывавший, точнее, пищавший, как летучая мышь под сводами старой часовни. Прокурор, склонив голову набок, внимательно слушал этот звук. Неожиданно из темноты возникла вторая фигура, ставшая с другой стороны ворота. Альбино увидел накиннутый на голову капюшон плаща и то, что человек ростом равен прокурору. Раздался мягкий голос, задушевный и сардонический одновременно.

— Я знаю, что произошло, Лоренцино. Мой дурень-келейник, наслушавшись от местных скудоумных девок нелепых сплетен, сказал, что в этом колодце три года назад утопилась прачка. Из-за несчастной любви.

— И что с того? — голос прокурора был холоден и безмятежен.

— Она превратилась в русалку... или тритона. Что, если эта дева, выходя при свете полной луны из колодца, поёт на вечерней заре свои приворотные песни, помрачая юношей?

Потом схватывает их в объятия и вместе с ними кидается на дно, где дарит их свою любовью, — теперь в голосе говорившего проступило опьянение, язык его чуть заплетался, — говорят, тритоны обольстительны, их очи блестят, как небесные звезды. Но надо привязать себя к дереву на берегу, иначе пение ундины настолько очарует, что уже не захочешь вернуться. Вот он и не вернулся... Говорят, только тот, кто достанет цветок папоротника, может свободно слушать пленительное пение русалок, они будут гнать в его сети рыбу и орошать его поля при засухе.

— Ты пьян, Нелло, — вздохнул прокурор, продолжая вращать ворот.

— Ну и что с того? Господь наш Иисус пил сброженный сок виноградных лоз и нам велел. Зато я поэтичен, Энцо, а ты чёрств, как сухарь.

— Ветер прекрасно заменяет поэзию, звезды — фрески маляров, а дождь — музыку, жеманные же стихи нервируют горше скрипа несмазанных колёс. Что до твоей версии, Гаэтанелло, то спроси нашего учёного магистра-медикуса, когда он проспится и протрезвеет, и ты узнаешь от него печальный и прозаический факт.

— Какой же?

— Папоротник никогда не цветёт.

— Неужели всё так ужасно, и мир совсем лишён романтики? Как страшно жить... — поморщился епископ. — Впрочем, чёрт с ним, с папоротником. Сойдёт и кактус. Уж кактусы-то точно цветут, Энцо, я знаю. Сам видел.

— Не поминай нечистого, Гаэтано, тебе сан не позволяет. Иди спать.

Альбино понял, что разговаривал Монтинеро с монсеньёром епископом Квирини, и снова подивился странным суждениям его преосвященства. Впрочем, если клирик подлинно был пьян, то чего и спрашивать? Но если высшая знать города глумится над беззащитными женщинами, а Глава города смотрит на это сквозь пальцы и даже покрывает негодяев, если прокуроры и подеста равнодушны к убийствам и закону, а епископы пьют, как сапожники, играют в карты и чертыхаются, то подлинно времена пришли последние...

К колодцу подошли люди подеста, намеревавшиеся охранять его до утра. Епископ посмотрел на них и ушёл. Прокурор тоже отошёл в тень и остановился. Перед ним стояла Катарина Корсиньяно.

— Этого человека убили?

Монтинеро задумчиво поинтересовался:

— А, что, он тоже был вашим поклонником? Но люди Марескотти чаще воруют понравившихся девиц, чем утомляют себя ухаживаниями. С чего же вам беспокоиться о нём?

— Знаете, Лоренцо, — в тоне Катарины проступила досада, — я вас иногда ненавижу.

— Знаю, — кивнул Монтинеро, — это от девичьей глупости. Пройдёт. — Прокурор прижал девицу к дереву, переходя на куда более интимный тон. — На Петра и Павла я женюсь на тебе, поняла?

Девушка злобно хмыкнула, но потом, сочтя глупым обсуждать сватовство Монтинеро, спросила снова:

— Так этот человек убит?

— Мёртв, — уточнил прокурор, потом поглядел на девицу внимательней, — ты, часом, не видела ли кого у колодца?

— Нет, но момент выбран удачный, там фейерверк, тут темень кромешная.

Голос Лоренцо Монтинеро стал нежнее и мягче, он обнял девицу.

— О, дочь законника! А знакома ли ты с «Corpus iuris civilis»? — деловито уточнил он,

имея в виду свод римского гражданского права.

Он ненароком подлинно обидел Катарину, резко оттолкнувшую его и заявившую, что не потерпит таких издевательств. По четырём томам Институций она училась читать, Дигесты листает в минуты отдыха, Кодекс Юстиниана знает наизусть, а «Новеллы» перечитывает для удовольствия. Как он смеет задавать такие идиотские вопросы?!

Монтинеро искренне извинился и пообещал:

— Я непременно буду советоваться с тобой по всем уголовным делам... в то время, когда буду не занят исполнением супружеского долга. Ты прелесть, Катарина.

Девушка разъярённой кошкой что-то прошипела в ответ, но этого Альбино уже не расслышал. Они ушли.

* * *

Уснуть Альбино в эту ночь не удалось, несколько часов пролежав без сна, он на Бдении вышел в ночной сад. Голова его остыла, мысли текли вяло. Ему подумалось, что Марескотти на самом деле вовсе не так легкомысленно подходит к смертям своих людей, как могло бы показаться. Или его гнев был всё же порождён только старой распрей и препирательствами с подеста? Тот подлинно вёл себя вызывающе, но отчасти его поведение объяснялось разумно: что найдёшь среди ночи в темноте колодца? А что делал у колодца Монтинеро? Подозревает ли он кого?

Потом мысли Альбино снова обратились к Камилло Тонди. Он, вначале показавшийся ему человеком приятным и дружелюбным, но, в общем-то, недалёким, в эту ночь проступил совсем иной гранью. Не привёл ли он его специально к колодцу? Тонди прекрасно знал повадки своего кота и мог оставить его у колодца специально, зная, что тот не убежит. Но зачем? Чтобы обнаружить труп? Что ему в Пьетро Грифоли?

Альбино закусил губу, вспоминая события вчерашнего вечера.

Тонди ничуть не был удивлён или расстроен неожиданной находкой, не обнаружив ни ужаса, ни беспокойства. И после, наблюдая склоку Марескотти с подеста, он ни на минуту не потерял самообладания, хоть снова привычно играл трусоватого простачка. Может, это его манера и он всегда пытается на людях выглядеть глупей, чем есть на самом деле? Но всё поведение Тонди, и деланное, и проступившее этой ночью, свидетельствовало о том, что мессир Камилло подлинно безразличен к смерти Грифоли, — от каких бы причин она не последовала. Удивила и сила архивариуса, слабаком он куда как не был. Но если так, зачем приводить его, Альбино, к трупу? Какая ему разница, когда его обнаружили бы?

Значит, он ни при чём...

Может ли вообще всё произошедшее быть просто случайностью? Да, почему нет? Грифоли мог подойти к колодцу, наклониться за ведром и случайно упасть вниз. Пьяным он особенно не был, по крайней мере, Альбино не заметил, чтобы он, подобно Фантони, много пил, но что с того? Мера у всех разная, кому трёх бутылок мало, чтобы голову потерять, а кому и стакана довольно.

Сам он выпил несколько стаканов, но, как обычно, хмеля не почувствовал, помнил всё очень отчётливо.

Кстати, Фантони... Где он? Альбино поспешно вышел на поляну с другой сторонывиллы, нашёл палатку торговца сладостями. Франческо Фантони лежал на сене, укрытый

лошадиной попоной, и музыкально похрапывал. Винные пары кружились вокруг него, точно туман над болотом. Рядом, свернувшись калачиком, спал ушастый слуга.

Альбино сел на скамью неподалёку от них и снова задумался. Он поймал себя на том, что неосознанно перебирает тех, кто был на празднике, и ищет среди них убийцу. Именно убийцу, ибо, несмотря на слова Тонди, он не верил в такие случайности. Что, если некто, беспощадный и умный, маскировал убийства под несчастные случаи? Ничто не доказывало этого, кроме его внутренней уверенности и... Бог весть откуда взявшегося желания, чтобы всё было именно так. Он был солидарен с убийцей, понял Альбино, хоть и страшился содеянного им, ибо безжалостная длань, опускавшаяся на свои жертвы, как топор палача, пугала. Но он не хотел бы остановить его.

Между тем, где-то за домом, видимо, у курятника, раздалось вдруг залиvistое петушиное пение. Чи-ки-ри-чи! Звук этот наполнил утомлённого монаха радостью. Он с улыбкой вспомнил, как в монастыре брат Септимий рассказывал, что злые духи приходят всегда под покровом мрака, а уходят с первым утренним криком петуха.

Петух не только порадовал Альбино, но и разбудил проспавшегося к утру шельмеца Франческо Фантони. Сразу по пробуждении он некоторое время бормотал имя Лауры, однако, как понял Альбино, это были вовсе не воспоминания о кокетках, любезничавших с ним днём, а вопль пропойцы к кухарке, мольбы о кружке хмельного пива. И, как ни странно, нахал его получил. Проснувшийся от пеней хозяина ушастый служка, видимо, прекрасно знакомый с обычаями господина, притащил ему пиво с кухни мессира Палески. Чуть придя в себя, сладко потягиваясь и напомнив Альбино проснувшегося кота, Франческо, узнав от лопухого Марио о несчастном случае с Пьетро Грифоли, неожиданно удивлённо пробормотал: «Он, что, поймал на похоронах венок?»

Эти язвительные слова, как ни странно, не только рассмешили Альбино, но и изменили направление его мыслей. Теперь ему показалась странной его давешняя уверенность в том, что Грифоли стал жертвой убийства, ведь она ничем не подкреплялась. Альбино спросил потягивающегося Франческо, что, подеста Пасквале Корсиньяно — человек сведущий в своём деле?

В ответ получил уверенный кивок.

— Да, мессир Корсиньяно своё дело знает.

Утро подтвердило слова Фантони. За накрытыми для утренней трапезы столами появились вчерашние гости, многие из которых только сейчас узнали о случившемся. Пришли Арминелли и Тонди, последний — выпавшийся и удивительно напоминавший толстого кота на солнышке. Он был с неизменным Бариле, они принялись завтракать, причём Альбино не мог не заметить, то мессир Камилло неизменно оставлял коту лучшие кусочки. Франческо Фантони ел, к удивлению монаха, за троих, запивая ветчину и сладкие пироги пивом, одновременно с нескрываемым любопытством расспрашивая Тонди о случившемся. Мессир Камилло бодро отвечал, но внезапно умолк.

К столу подходил подеста. Его заметил и Франческо, любезно предложивший Корсиньяно блюдо с ашанскими булочками, расточавшими вокруг такой аромат, что кружилась голова. Мессир Пасквале не отказался, но сразу кивнул Тонди.

— Мои люди уже осмотрели колодец. Как вы там вчера оказались? — приступил он к допросу с улыбкой на лице. Это была не благодущная улыбка потворства неведомому преступнику, но наслаждение вкусом сдобной булочки со взбитыми сливками.

Рассказ Тонди был точен и полон драматизма. Он поведал подеста о том, как три года

назад обрёл на руинах старой часовни в Аббадии больного паршой и голодного котёнка, на которого накинута два охотничьих пса мессира Чилено. Он отбил малыша у собак, выходил и совершенно приручил. С тех пор они не разлучаются. Пропажа кота в Ашано была для него, Тонди, громом среди ясного неба, он одинокий человек, к коту привык...

— А почему вы обратились к этому молодому человеку?

Он вообще-то не обращался, поспешил объяснить Тонди. Он просил о помощи мессира Арминелли, но тот не любит кошек, мессир же Кьяндарони, недавно принятый на службу в библиотеку мессира Петруччи, вызвался ему помочь, сообщил Тонди подеста, и он, Камилло, этому обрадовался, подумав, что его молодые глаза разглядят в темноте чёрного кота. Подеста перевёл глаза на Альбино, которому показалось, что он поймал каменящий взгляд Медузы Горгоны, по телу его пробежал озноб, стеснилось дыхание. Однако мессир Корсиньяно быстро оглядев его, смилостивился и отвернулся, философично проронив: «М-м-мда...»

— Вы подтверждаете слова мессира Тонди? — прожевав третью булочку, спросил он и, когда Альбино поспешно кивнул, вздохнул и снова перенёс внимание на архивариуса Пикколомини. — Теперь подумайте, как следует, Тонди. В какое время вы подошли к колодцу?

Мессир Камилло беспомощно оглянулся, почесал лысину, задумался. Потом безнадежно развёл руками. Он не знал.

Альбино поднял глаза на подеста и осторожно сказал:

— Можно уточнить это у актёров. Спектакль начался на вечерней заре, после восьми. Мессир Тонди подошёл к нам, когда кончилось четвёртое действие. Мне казалось, что каждое действие шло четверть часа. Искали мы кота около получаса. Если я не ошибаюсь, мы были у колодца в половине десятого или чуть позже.

Тут подеста заметил Монтинеро, тихо подошедшего несколько минут назад и ставшего за его спиной.

— А, Лоренцо, ты осмотрел колодец? Он мог упасть туда?

— Мог, — короткое тяжёлое слово прокурора упало как камень в воду.

— Следы рядом есть?

Прокурор покачал головой.

— Земля там каменистая, да и ногами челяди утрамбована, но одни следы я высмотрел. Вот этот, — указующий перст Монтинеро упёрся в кошачью морду, — отбежал от столов, пробежал до песчаной насыпи, потом прыгнул за воробьём, следов воробьиных на песке не счесть, и песок вдрызг рассыпан, но крови и перьев нет, стало быть, ничего кот не поймал. Потом он бродил у старого дуба, а после побежал к колодцу. Нюх у котов слабый, не собачий, но воду они чувят. Что до шагов Грифоли, на песке их нет, он, видимо, шёл к колодцу по дорожке, она плитами выложена.

— Он был пьян? — этот вопрос подеста снова адресовал прокурору, причём, судя по тону, был уверен, что тот знает ответ.

— Пил он немного, но трезвым не был. Голова у него была некрепкая, его легко развозило.

Тут на поляне появился монсеньор епископ Квирини. Вот кого развозило... Он шатался и тёр виски, при каждом шаге постанывая. Подойдя к ним, его преосвященство поднял голову и с укором обратился к прокурору Монтинеро.

— Ты мне друг или только собутыльник?

Монтинеро сразу вытащил из-под плаща флягу и протянул ему, не словом, а делом доказывая свою дружбу епископу. Глаза Квирини блеснули, он в три глотка высадил фляжку и в первый раз с утра улыбнулся. Подеста же, окинув монсеньёра епископа ироничным взглядом, повернулся к Фантони, потягивавшему пиво и глядящему в облака.

— Фантони!

Франческо вздрогнул и испуганно уставился на мессира Пасквале.

— Мой человек выяснил, что вы вчера вечером около шести разговаривали с Грифоли под дубом у беседки с колоннами. О чём?

Сверчок два раза сморгнул, точно школьник, которого просили рассказать невыученный урок или вспомнить события столетней давности, но потом в его осоловевших глазах промелькнула тень понимания.

— А, Пьетро... Он сказал, что убьёт меня, если я ещё раз подойду к синьорине Четоне.

— Вот как... И что вы ему ответили? — голос подеста был, однако, не въедливым, а скорее насмешливым, он явно не считал сублильного танцора способным тягаться с Грифоли.

— Сказал, что не подойду, — кивнул Фантони. — Плетью обуха не перешибёшь, что против рожна-то прати?

— А не мог ли ты потом разозлиться и...

Франческо лучезарно улыбнулся.

— И бросить его бычьей тушей в колодец? — шельмец заливисто захохотал в голос, потом резко умолк и с жёсткой серьёзностью, выглядящей, впрочем, горше любого шутовства, ответил, — не мог. Тяжеловат бугай был. Не хватало ещё грыжу нажать из-за дурака-то.

— Почему дурака? — поинтересовался прокурор.

— Потому что простых вещей не понимал. Девица, она как удача, догоняй её — убежит, но не зови, не жди и даже не замечай вовсе — она обидится и придёт. Да ещё и на шею повиснет, — расхохотался гаер.

— Фантони пьяный с восьми вечера валялся, я видел его, Венафро сказал, он высадил бутылку. Его вот этот господин, — он указал на Альбино, — с его слугой отволокли в шатёр, где пастилой торговали, — уточнил Монтинеро. — А Грифоли был на скачках, потом танцевал с девицами, и мимо храпящего Фантони пару раз проходил, а пропал вскоре после восьми.

— Мессир... мы нашли... — к столу подошёл человек, укутанный в серый войлочный плащ. Он протолкнул впереди себя девицу, явно перепуганную, но весьма миловидную, одетую в платье горничной и чистый передник. — Её видели около колодца вчера на вечерней заре.

Девушка, несмотря на испуг, а может, именно из-за него, ударила по руке человека в сером и отпрыгнула, завизжав:

— Не видела я ничего, не было там его, не было, врёт она, просто ворот чёрт держал, вот я и испугалась...

Подеста умел обращаться с челядью.

— Уймись. — В его голосе, спокойном и сумрачном, таилась такая угроза, что девица умолкла, сжалась и даже голова её, казалось, ушла в плечи. — Отвечай только на мои вопросы, поняла? — Горничная смотрела на него как кролик на удава и только кивнула. — Когда ты была у колодца?

Девица набрала полные лёгкие воздуха, выдохнула, Альбино ждал истерики, но

горничная заговорила тихо и рассудительно, глядя в землю:

— Синьор Ринальдо сказал, что на колокольне церковной уже половину девятого пробило и надо наполнить тазы для вечернего умывания в комнатах приезжих господ. Я и пошла, но ворот чёрт держал, я испугалась и убежала.

— А кто тебя видел у колодца?

— Не у колодца... Синьора Руфина, домоправительница, она спросила меня, что это я по двору без дела с пустым ведром шляюсь? На знатных господ поглядеть? Так моё ли это, мол, дело? А я за водой вышла, синьор Ринальдо велел...

Подеста поднял глаза на горничную, пронзил её взглядом и махнул рукой человеку в сером. На лице его возникло то же самое выражение, с каким он озирает Альбино.

— У колодца никого не было?

Девушка покачала головой. Подеста поскрёб дурно выбритую щеку.

— Стало быть, на вечерней заре он пропал с поляны, а в половине десятого его нашли в колодце, а ещё за час до того ворот колодца уже не двигался, — он пренебрежительно махнул на девушку и её отпустили. — Интересно.

Появился ещё один человек в сером плаще и тоже прошептал что-то на ухо подеста. Глаза Корсиньяно плотоядно блеснули.

— Что? Это точно? Однако! И он мне ещё выговаривать будет, — губы подеста зло перекошились и нервно дёрнулись. — Ты слышал, Энцо?

— Что именно, мессир? — Монтинеро не мог слышать сказанное на ухо Корсиньяно, но указывать на это не стал, просто вежливо склонив голову к подеста.

— В восемь с четвертью у колодца видели Паоло Сильвестри, Карло Донати и Никколо Линцано. Они стояли у ворота и разговаривали. Слов свидетели не слышали, но то, что видели именно их, готовы поклясться на Четырёх Евангелиях.

Епископ удивлённо уставился на подеста, а Лоренцо Монтинеро встретился глазами с Корсиньяно и сощурился.

— Свидетели надёжные?

— Вполне. Это... — глаза подеста заискрились, — Джироламо, местный конюх, и... мессир Джованни Ручелаи. Они проходили, как свидетельствуют оба, спустя четверть часа после того, как били вечернюю зорю, садом, обсуждали итоги скачек и судейство и тут у колодца увидели мессира Линцано, которого видели на скачках, с друзьями — Паоло и Карло. Они все им прекрасно известны.

— Очень интересно... — Монтинеро обхватил ладонью подбородок, но было заметно, что губы его расплылись в улыбку. — Что же, остаётся только спросить, что они там делали.

— Именно это я и собираюсь сделать, — кивнул подеста. Глаза его сияли, лицо зримо помолодело. — Эта девка не врёт, — он кивнул в сторону виллы, и Альбино понял, что Корсиньяно говорит об отпущенной горничной. — В восемь он ушёл с поляны, половину девятого ворот на колодце уже не двигался, стало быть, он был внизу. А в четверть девятого у колодца видят его дружков, людей Фабио Марескотти, — добавил он с какой-то сладострастной радостью, — вот и пусть они расскажут, что они там делали.

В глазах Корсиньяно сверкнула молния.

Глава VII. Вердикт подеста

«Людей Фабио Марескотти» было велено найти, не медля ни минуты, и приводить по одному.

— Они за ночь сто раз сговориться успели бы, — тихо пробормотал Монтинеро. Прокурор явно не ждал от допроса присных Марескотти ни признания, ни прояснения обстоятельств дела, однако, видя, сколь увлечён расследованием Корсиньяно, присел на лавку у стола и замер в ожидании. Епископ, к удивлению Альбино, уже выглядевший как кот на весеннем солнышке, подобрал сутану и уселся рядом на скамью, всем своим видом являя чистую заинтересованность в торжестве истины. Судя по тому, что ни прокурор, ни подеста не препятствовали ему, монах сделал вывод, что монсеньор Квирини подлинно считался здесь своим человеком.

Альбино же был взволнован другим обстоятельством. Мысль о том, что дружки самого Пьетро могли разделаться с ним, что-то не поделив, в голову ему до сих пор не приходила.

Дальнейшее же было и вовсе удивительным. Карло Донати, спрошенный первым, не мог сказать, о чём они говорили у колодца, но саму встречу не отрицал. Паоло Сильвестри поведал, что речь шла о прошедших скачках и тоже не возражал против того, что там был. Никколо Линцано, которому сказали, что его дружки уже обо всем рассказали, сообщил подеста, что они встретились у колодца, чтобы решить, какую каверзу устроить мерзавцу Фантони, при этом известил Корсиньяно, что они несколько минут ждали Грифоли, который тоже должен был подойти да не пришёл. А между тем именно он договаривался, чтобы они встретились у колодца, когда стемнеет.

На вопрос Монтинеро, трогали ли они ворот, пытались ли набрать воды, все трое дружно покачали головами. На что им вода-то? Подеста поинтересовался, когда они ушли? Все ответили, что не пробыли там и четверти часа, пошли искать Грифоли.

Пасквале Корсиньяно задумался. «Людей Фабио Марескотти» он считал их тупицами. При этом именно Пьетро Грифоли был начальником отряда охраны и считался подчинёнными самым умным. Подеста был иного мнения, но оглашать его не собирался. Было и ещё одно обстоятельство, проступившее до того в допросе Фантони. Фигляр обозвал покойника бугаем. Если отбросить содержащееся в этом наименовании оскорбление, по сути кривляка был прав. Кулаки Грифоли смахивали на отбойные молоты, лицо — на наковальню. Трое дружков могли бы, разумеется, справиться с начальником, стукнуть булыжником по макушке да сунуть в колодец. Но зачем? А чтобы кто-то один справился с ним? Просто смешно.

Итак, перед задумчивым взором подеста возникли две версии произошедшего и, заметив идущих к нему Петруччи, Венафро, Марескотти и Палески, Корсиньяно, демонстративно игнорируя мессира Фабио, обратился к кузену, главе синьории.

— Мои люди, опросив всех работников на вилле и гостей мессира Палески, выяснили, что покойный пропал с поляны после восьми. Труп его обнаружен в половине десятого. Мы дознались, что мессир Грифоли решил собрать господ Сильвестри, Донати и Линцано у колодца, чтобы придумать способ мести мессире Фантони, с которым он имел вражду из-за девицы Лауры Четоны. Вышепоименованные господа Сильвестри, Донати и Линцано, по их словам, подошли к колодцу после восьми, но Грифоли они не видели и через четверть часа ушли, так его и не дождавшись. Слова их косвенно подтверждает горничная мессира

Палески, как там её?

— Роза Чикьято, — торопливо подсказал человек в сером плаще.

— ...Роза Чикьято, которая пришла к колодцу после половины девятого, но обнаружила, что ворот колодца заклинен. Выходит, труп был уже внизу. Это же самое обнаружили спустя час мессир архивариус Камилло Тонди и...

— ... Альбино Кьяндарони, сотрудник мессира Арминелли, — снова услужливо подсказал человек в сером.

— ...Альбино Кьяндарони, сотрудник мессира Арминелли. Они извлекли труп из колодца. Следовательно, нам нужно сделать вывод, что либо мессир Грифоли упал в колодец сразу после того, как пришёл туда и ждал своих друзей, либо его друзья, вступив в преступный сговор, умышленно расправились с покойным. Ибо очевидно, что в одиночку со столь сильным человеком, каким был мессир Грифоли, никто бы не справился. Предлагаю, применив ко всем троим пытку, выяснить это.

Трудно было не заметить впечатления, какое размеренная речь подеста оказывала на мессира Фабио Марескотти. На его вспотевшем лбу выступили красные пятна, по мере продолжения рассказа сползшие на щеки и воспламенившие его глаза ненавистью и злостью.

— Вздор! Его могли ударить сзади по голове, оглушить и сунуть в петлю на цепи! И сделать это мог любой, тот же Фантони! Он мог подслушать, что они договорились встретиться у колодца, и подстеречь Грифоли.

— Тут неувязка по времени, — раздался тихий бас прокурора. — Дело в том, что мессир Фантони ещё до начала спектакля был обнаружен спящим на сене под шатром актёров. Мессир Кьяндарони, опасаясь, что тот простудится, поволок его оттуда. Я вызвал слугу мессира Франческо и его доставили на поляну, в шатёр, где продавали сладости. Мессир же Грифоли тогда ещё был на поляне, ушёл же он оттуда четверть часа спустя.

— Да и если такого громилу, как Грифоли, мог оглушить Сверчок, вы подбираете себе дурную охрану... — не мог не подпустить шпильку ненавистному Марескотти подеста. Глаза его лучились. — Что до возможности того, что кто-то, кроме господ Сильвестри, Донати и Линцано могли убить его, сиречь, если имело место именно убийство, а не несчастный случай, то над злоумышленником явно распостёр крыла ангел небесный. Мы имеем всего два промежутка времени — с вечерней зори до прихода охранников, потом от ухода охраны до того момента, когда у колодца появилась горничная. Но думать, что убийца, зная, что все четверо охранников договорились собраться у колодца, решил убить Грифоли сразу после восьми, в то время как в любую секунду, и он знал об этом, могли появиться Донати, Сильвестри и Линцано... — не смешите меня, Марескотти! Не менее глупо предположение, что Грифоли подошёл сразу после ухода его подчинённых, а кто-то подкрался сзади, оглушил его, сбросил в колодец и исчез, и всё это произошло до прихода горничной, его бы неминуемо увидела бы. — Подеста повернулся ко всем остальным. — Таким образом, повторяю, это либо несчастный случай, либо виновники преступления — господа Линцано, Сильвестри и Донати. Третьего не дано.

Антонио да Венафро, внимательно выслушав аргументы подеста, сказал Петруччи, что с мессиром Корсиньяно трудно не согласиться. Подеста поклонился, но тут Пандольфо Петруччи негромко проронил, словно обращаясь преимущественно к избранным советникам:

— Есть одно обстоятельство, Пасквале, и я не думаю, что ты не знаешь об этом. Не так

давно в дом Фабио пытались пробраться негодяи с явным умыслом на его убийство. До того возле его дома на него набросился ещё один человек с ножом. Покушение не удалось, но мерзавцу удалось уйти от рук охраны. Потом с крыши на его кортеж сбросили черепицу, и он только чудом не пострадал. В ночи в него также сбросили горшок с нечистотами. Гибель Антонио Турамини, Джулио Миньявелли, Микеле Ланди, а теперь и Пьетро Грифоли, что и говорить, тоже настораживает. Разве не очевидно, что вокруг нашего друга Фабио плетётся паутина заговора?

Подеста кивнул с видом серьёзным и суровым, и только змеившаяся на губах потаённая и мутная улыбка заставляла предположить, что Пасквале Корсиньяно вовсе не исполнен беспокойства о безопасности мессира Фабио.

— Беда в том, дорогой Пандольфо, что очевидность обманчива и нет ничего более призрачного, чем несомненность, — вкрадчиво произнёс он. — В подестате известно о попытках свести счёты с мессиром Марескотти, но это, как мы могли неоднократно убедиться, были всего лишь слабосильные попытки отомстить ему то за честь украденной дочери, то осквернённой сестры. Горшок же с дерьмом был мстью за попытку изнасилования знатной патрицианки монны Джулии Цезарини, коя, впрочем, оказалась неробкого десятка и, судя по сплетням, опрокинула на голову мессира Фабио вазу с цветами, сама же выбралась по винограду вниз и подняла, как вы помните, шум даже в вашей гостиной.

Петруччи опустил голову вниз и усмехнулся. Этот случай он помнил. Мессир же Пасквале бестрепетно продолжал:

— Не меньше шума наделал и скандал мессира Фабио с похищением девицы Джиневры Буонаромей, за которую пытались отомстить братья. Правда, мессир Фабио, добиваясь вашего вердикта об аресте мстителей, выдал их за заговорщиков, но что теперь говорить об этом? — глаза подеста сверкали, меча молнии. Возможность свести счёты с ненавистным Марескотти наполняла его ликованием. — Не стоит забывать и о краже внучки нотариуса Клаудио Вентури, заслуженного человека. У Донаты Вентури пять родных братьев, а кузенов и вовсе без счёта. Я, как представитель власти, дорогой Пандольфо, должен ли принять к рассмотрению жалобу почётного гражданина Сиены мессира Вентури или — мне нужно не спать ночей, оберегая мессира Фабио Марескотти от возможной мести братьев Вентури? А Лучия Челлези? А Бьянка Мути? А Мария-Тереза Руничи?

Петруччи закусил губу и молчал, подеста же продолжал красноречиво витийствовать:

— Я молчу уже о нанесённой обиде мессире Маурицио Мартини, когда мессир Марескотти дерзко волочился на вечере у Лучано Гурджери за женой Мартини и, как сплетничают в свете, наградил его рогами. Конечно, мессир Мартини немолод и хром, и едва ли отомстит, но денег у банкира немало, и что ему стоит нанять бандита-браво? Опять же, должен ли я, подеста города, покрывать прелюбодея и волокиту, беречь его от сваливающихся ему на голову кирпичей, черепицы и горшков с дерьмом? Должен ли я тратить силы моих людей на охрану человека, попирающего законы Божьи и человеческие? Нет, Пандольфо, у меня есть дела поважнее.

Триумф подеста был полным. Речь его лилась гневными инвективами Цицерона против Катилины, Марескотти пожирал его взглядом, полным животной ненависти, но этот взгляд, казалось, только наполнял Пасквале Корсиньяно ещё большим ликованием. Он оглядывал противника с торжеством, которое ещё более усугубилось, когда заговорил Пандольфо Петруччи. Тот несколько секунд кусал губы, потом бросил взгляд на своего советника

Антонио да Венафро и, прочтя на его лице благодушное безразличие к происходящему, проронил:

— Жаль, Фабио, что ваш человек погиб столь нелепо. Однако нам уже пора в город.

Мессир Палески молитвенно сложил руки и спросил, неужто они покинут его кров, не позавтракав? Петруччи не любил уезжать из гостей голодным и кивнул. Счастливый хозяин проводил их в зал, где была сервирована изысканная трапеза. Подеста же обменялся довольным взглядом с прокурором. В глазах Корсиньяно всё ещё тлело, подобно уголькам в печи, трепетное ликование. Слова Пандольфо были оплеухой Марескотти и подарком ему, Корсиньяно. Глава синьории приказал считать произошедшее нелепым несчастным случаем. Конечно, было бы ещё лучше, если Петруччи велел бы пытать людей Марескотти, но на это подеста особо не рассчитывал. Марескотти финансировал гарнизон синьории и был нужен Петруччи. Однако нынешний день позволил ему, Пасквале, облить врага помоями и славно оттоптать ему ноги, основательно поглумившись. К тому же число присных мерзавца уменьшилось ещё на одного человека. За все это стоило выпить, и подеста велел Монтинеро наполнить бокал и ему.

— Да, *bona fides semper praesumitur, nisi malam fidem adesse probetur*, сиречь, если не доказан злой умысел, всегда предполагается добросовестность, — продемонстрировал хорошее знание латыни протрезвевший епископ Квирини и тоже подставил стакан Монтинеро.

Альбино слушал перепалку власть предержащих, как в тумане. Речь подеста изумила его и погрузила с прострацию. Он помнил слова матери о том, что мерзавец Марескотти творит бесчинства едва ли не каждый день. То же самое говорил и Камилло Тонди, но ему самому почему-то казалось, что пытаться убить людей Марескотти и самого Фабио могут только те, кто был близок к его семье. Оказалось же, что круг подозреваемых, если верить словам подеста, был куда шире членов одного семейства.

Можно ли было верить словам Пасквале Корсиньяно? Да, разумеется, ведь даже Марескотти ничего не возразил ему. Да и Петруччи, как понял Альбино, был в курсе шалостей своего подопечного.

Между тем гости мессира Полески прощались с его супругой, благодарили за прекрасный праздник, грузились на подводы. С конюшни привели лошадей для мессира Марескотти и господ Линцано, Сильвестри и Донати, и они, мрачные и насупленные, ведя на поводу ещё и лошадь Пьетро Грифоли, столпились у входа, ожидая выхода хозяина.

Монтинеро и Корсиньяно с епископом ушли в дом, Арминелли уехал с членами дома Петруччи, сказав напоследок Альбино, что завтра ждёт его к полудню. Мессир Камилло Тонди поджидал свою подводу, пообещав забрать с собой и Альбино, сам же тем временем расчёсывал мелким гребешком шкурку Бочонка, шёпотом пеняя ему, что тот вчера по кустам набрался репья и перепачкал лапки.

Наглый Сверчок, Франческо Фантони, плотно позавтракавший и опохмелившийся, установив на столе дорогое седло от лучшего мастера Сиены Федерико Пульчи, выигранное на скачках, опёрся об него головой, отвернулся от охраны Марескотти, вынул гитару и, перебирая струны, запел. Голос его звенел над черепичной крышей виллы, над весенними кронами деревьев, над всей округой точно клёкот журавлиной стаи...

Насекомых гудит рой,
и расцвёл под окном миндаль, —

или вправду — время пришло
и опять на земле — май?

Словно Книгу бубня Числ,
насекомых гудит рой.
Как хочу я постичь смысл,
этих звуков понять строй...

А приречного ила слой
скоро будет водой смыт.
Насекомых гудит рой,
камертоном дрожит пыль.

Я в коричневых камышах
золотой освещён луной, —
гимном ночи в моих ушах
насекомых гудит рой!

Все уезжающие замедлили движение и слушали. В песне Франческо не было ничего глумливого и злорадного, но пение его явно бесило господ Сильвестри, Линцано и Донати. Они метали на певца взгляды далеко не благостные, но Франческо, не обратив на них никакого внимания, допел, кликнул слугу с конём и, легко вскочив на своего миланского жеребца, поскакал по дороге в Сену, успев, правда, выезжая за ворота, поклониться и преподнести синьорине Лауре Четоне невесть откуда взявшийся букетик васильков. Ушастый служка ехал за господином на муле и вёз выигранное им роскошное седло, потом, явно по приказу господина, сделал ещё один круг по двору, отчего мессир Линцано снова скрипнул зубами и пробормотал что-то неразборчивое.

Альбино проводил взглядом Франческо. Их подвода задерживалась, у конюшни, как сказали челядинцы Палески, столкнулись два портшеза, потом во дворе появились несколько всадников, во главе которых был седой человек с лицом кирпичного цвета, загорелым на солнце и обветренным. С ним вместе был мужчина, показавшийся Альбино знакомым, но он не вспомнил его, пока мессир Тонди не сказал, что это откупщик, мессир Козимо Миньявелли, сын которого, Джулио, был другом Пьетро Грифоли. Седого же господина Тонди назвал Аничетто Грифоли, ничего больше к этому не добавив.

Альбино молча смотрел на отцов, потерявших сыновей. Горе их проступало в насупленных бровях и сжатых губах, в рассеянном взгляде и излишне резких движениях, когда то один, то другой подтягивали подпруги или сжимали хлысты. Альбино, успевший в это утро, растянувшееся для него с бдения до третьего монастырского часа, испытать столь противоречивые чувства, сейчас не мог не ощутить боли этого старого человека, извещённого о смерти сына, на которого в семье возлагались самые большие надежды, как на наследника, опору, защитника. «Тебя оскорбили, ты убиваешь, ты убил, потом убивают тебя, вскоре ненависть пускает корни, сыновей баюкают в гробах дедов, и целые поколения вырастают из чёрной земли, унавоженной отцовским прахом, как зубы дракона, с мечами в руках...» — вспомнились ему вдруг слова Гауденция.

Мысли Альбино путались, он не понимал происходящего, утратил его смысл и связь. Что происходит, Господи? Ты ли кладёшь предел людскому безумию, Ты ли останавливаешь дурные замыслы, Ты ли караешь злоумышленных? Или всё это — просто нелепое сцепление пустых случайностей, дьяволова карусель, роковое сцепление фатальных обстоятельств? — вопрошал он Небо.

Ему довелось стать свидетелем мрачного эскорта смерти. Тело утопленника, завёрнутого в белый холщовый плат, вынесли во двор из подвала и осторожно уложили на подводу. Альбино видел, как покачнулся Аничетто, словно дуб, колеблемый ураганом, видел, как поддержал его под руку старец Козимо, и в этом неуклюжем стариковском жесте Альбино вдруг померещилась какая-то последняя, запредельная пагуба. Подвода медленно тронулась, и тело Пьетро Грифоли, слегка покачиваясь на мерном ходу тяжёлых меринов, исчезло за воротами.

Наконец подали и их подводу. Тонди сел первым, сжимая в объятьях спавшего после утренней трапезы кота Бариле, рядом с ними устроился человек с короткими, точно валяный войлок, волосами и живыми пронизательными глазками. Тонди назвал его Джованни Ручелай, и Альбино вспомнил, что это тот самый свидетель, что вместе с конюхом видел у колодца людей Марескотти.

Сам Альбино устал. Время близилось к полудню, он не спал ночь и чувствовал себя разбитым. Мысли в голове были вязкими, как кисель, он то и дело ловил себя на бессмыслице происходящего, и благословлял Небо, что к Арминелли ему нужно только завтра.

Глава VIII. Пустая молва

В тяжёлом полуночном сумраке визгливо крутился колодезный ворот и, тяжело разгоняя густой воздух тихими крыльями, вспархивали совы. Где-то трижды и явно не к добру прокричал ворон, тело покойника в белом саване мерно покачивалось на пароконной подводе, кто-то перебирал струны гитары и под сводами храма с хоров нёсся сладостный напев, страстный голос плыл над органом, молил и заклинал....

— Солнце зашло вдруг,
сразу померк день,
гор потемнел круг,
в доли сошла тень.

Но нет, это вовсе не монастырь. И это не хорал. Альбино разомкнул слепленные сном веки, и несколько минут оглядывал комнату, тусклый предзакатный свет за окном, слушал говор под окнами служанок, вышедших за водой к колодцу. Потом поднялся и вышел на балкон.

Внизу у конюшенного двора драл глотку Сверчок, одновременно пригоняя выигранное седло под своего жеребца, заполняя щели слоем войлока, спущенным острым ножом в местах плотного прилегания. Шельмец уже сшил слои войлока, и сейчас, убедившись в отсутствии складок и неровностей, ловко пригонял подпруги, подперся и подхвостья.

— Как же тропу найти —
сразу утратил след.
Но светит мне на пути,
Господи, твой свет...

— Решил разбудить вас, мессир Кьяндарони, — усмехнулся он, заметив Альбино на балконе, — спать на закат нездорово. Но вас, как я посмотрю, совсем сморило. С чего бы?

Альбино и вправду чувствовал себя совсем разбитым. Вернувшись из Ашано, он еле добрёл до постели и уснул, едва опустив голову на подушку: сказались и бессонная ночь, и пережитое беспокойство. Но сейчас, глядя на идиллический пейзаж у конюшни, на Франческо, любующегося великолепным выигранным седлом, на розовый закат цвета цветущего весеннего миндаля, на сохнувшее белье и курлыкающих на подоконниках голубей, на всю безмятежную жизнь городского предместья, Альбино почувствовал, что подлинно успокоился. Более того, ему захотелось поговорить с Франческо, уточнить то, что осталось непонятым. Он вышел в коридор и по внутренней лестнице спустился во двор.

Фантони угощал жеребца сахаром.

— Мессир Франческо, вы тоже думаете, — спросил Альбино, опершись на ворота конюшенного двора, — что случившееся в Ашано — несчастный случай?

Фантони, поглаживая по гриве коня, усмехнулся.

— Вы не хуже моего слышали, что сказал мессир Петруччи. «Нелепая гибель». Кто я, чтобы оспаривать мнение главы синьории, нашего возлюбленного капитана народа, опору

сиенцев, их любовь и надежду?

Альбино видел, что Франческо несерьёзен, и всё произошедшее его скорее забавляет, чем пугает. Он и сам хотел бы смотреть на случившееся в Ашано так же легко. Да не мог.

— Но сами вы считаете так же, как и он?

Видимо, лицо Альбино, бледное и утомлённое, вызвало жалость Сверчка. Он не стал острить и, вздохнув, обстоятельно ответил:

— Случившееся в Ашано, мессир Кьяндарони, поразительно напоминает имевшее место в Сан-Джиминьяно. Суголока скачек, ярмарочная толчея, танцы до упаду, бестолковые шатания публики, артисты, шуты и жонглёры, трепотня гостей и трескотня фейерверка. Где тут что заметить? Но я не думаю, чтобы кто-то имел умысел убить Грифоли.

— Но мне показалось, что начальник охраны мессира Марескотти и его люди не очень расположены к вам.

— Вам ничуть не показалось, — кивнул Франческо. — Никколо Линцано — мой соперник на скачках, покойник Грифоли хотел понравиться синьорине Четоне, хоть это была и глупость с его стороны, нечего рубить сук не по себе. Паоло Сильвестри и Карло Донати — просто недалёкие ребята, которым не нравится, что кому-то оказывается предпочтение перед ними. Но, во-первых, всё это не повод для убийства, а, во-вторых, не меня же нашли мёртвым. Смерть Пьетро Грифоли никому не нужна.

— Однако подеста ведь сказал, что многие хотели бы отомстить мессиму Марескотти и его людям.

— Безусловно, но что из этого? Его милость мессир Корсиньяно дал ведь вам ясно понять, что мессир Марескотти — не Авель кроткий, и он, подеста, явно не собирается быть сторожем своему братцу во Христе, стало быть, мессир Фабио должен сам о себе позаботиться. Вот и пусть заботится. Нам-то с вами что до этого, помилуйте? — Франческо развёл руками. — Если кто-то сводит счёты с людьми Марескотти — я первый скажу, что он делает это превосходно, комар носа не подточит, но едва ли... Подобные вещи выше человеческих возможностей. При этом, — Франческо на мгновение опустил голову, потом поднял её и прищурился, — Марио рассказал, что вы пытались вытащить меня из шатра венецианцев. Зачем? Боялись, что простужусь? Ведь я, каким бы ни был пьяным, всегда предпочитаю отсыпаться на соломе. Чего же испугались?

Альбино растерялся, но решил, что лгать глупо.

— Вы же не могли не видеть, как на вас смотрели люди Марескотти! Они затевали что-то мерзкое, да и у колодца, как сказал Линцано, они собрались именно затем, чтобы устроить вам каверзу. А вы преспокойно выпиваете бутылку и беспечно отсыпаетесь на виду у всех!

Франческо покачал головой и, усмехнувшись, иронично пробормотал:

— О, милосердный самаритянин. Не скудеет земля добротой. Это вы, стало быть, обо мне беспокоились, — он снова улыбнулся. — Ну что же, спасибо.

— Но скажите, Франческо... — Альбино замялся, но всё же договорил, — вы... вы так талантливы, так удачливы, вас любят женщины и вам завидуют мужчины. Зачем... зачем же вы тогда так много пьёте?

Фантони ошеломлённо уставился на него и несколько мгновений моргал. Потом, словно придя в себя, задумчиво растолковал:

— Что за жизнь без вина? Это отрада сердцу и утешение душе, тоска ищет в вине облегчения, малодушие — храбрости, нерешительность — уверенности, печаль — радости,

глоток горячего вина — лучший плащ, от неразбавленного вина проходят грусть и морщины на лбу, намерения становятся искренними, ибо вино уничтожает всякую фальшь. Пригубить бокал вина — ощутить на губах каплю из реки времени.

Альбино вздохнул, выслушав этот шутовской панегирик Фантони. Было заметно, что тот смеётся, и нелепо было вразумлять его.

— Вы же сопьётесь, — обронил он печально.

Гаер же, на ходу перефразируя Горация, откликнулся:

— Ты гадать перестань, Левконоя, нам знать наперёд не дано,
Какой ждёт нас конец и брось исчисления таблиц Вавилонских.
Будь мудра, вина цеди, долгой надежды нить кратким сроком урежь,
Пользуйся днём, меньше всего веря грядущему...

Этим Альбино и пришлось удовольствоваться.

* * *

Между тем время не стояло на месте, песок из порошка чёрного мрамора, прокипячённого в вине и высушенного на солнце, мерно, тонкой струйкой, стекал с небес на землю, из верхней колбы в нижнюю, истекал временем, и Жнец-Смерть, унылый скелет с кривым оскалом, лениво удерживал колбы часов на левой ладони, замерев с серпом в правой. Так минула первая неделя в городе, которая принесла Альбино только новые размышления, новые наблюдения и новые встречи.

О гибели Пьетро Грифоли в городе говорили и притом немало. Камилло Тонди жаловался, что теперь они с Бочонком не могут спокойно полакомиться на постоялом дворе у Ману Миньчано лазаньей и оленьим мясом, потому что при их появлении вокруг сразу собирается толпа. Горожане просят во всех подробностях рассказать об обнаружении трупа в колодце. По счастью, архивариус был одарён Господом талантом красноречия и некоторым артистизмом, и потому рассказ его день ото дня становился всё обстоятельней и жутче: в него добавлялось набрякшее чёрное небо, зловеще каркающий ворон на сухой голой ветке старого дуба и душераздирающее мяуканье кота Бариле в момент обретения тела погибшего. Трактирщица, жена Ману Миньчано, уверяла всех, что теперь с опаской подходит к колодцу у них во дворе, а уж ночью выйти во двор и вовсе ни за что не решится.

Мнение же горожан по поводу гибели молодого мессира Грифоли было весьма причудливо. Живое воображение толпы не желало мириться с банальными причинами этой смерти и нарисовало картину страшную и величественную. Пополаны, в общем-то, с одинаковой неприязнью относившиеся ко всем власть предержащим, ненавидели Марескотти больше других прихлебателей Петруччи и приписали гибель четырёх его людей гневу Божьему и шутовству дьявольскому. Молва уверяла, что за день до того, как погиб Антонио Турамини, под его окнами всю ночь выла бродячая собака, но не как волк на луну, а с опущенной головой — что всегда предвещало смерть в хозяйском доме. А за день до смерти Джулио Миньявелли в палаццо его отца залетела летучая мышь, а в его спальне на вилле — треснуло и расколосось венецианское зеркало. Когда же пропал на болотах Микеле

Ланди, утром того же дня его отец встретил торговку Кончиту, несущую пустые ведра. Пьетро же Грифоли, о том поведал пьяный Паоло Сильвестри, ещё за неделю до Вознесения, смеясь, рассказал им, что видел на улочке Могильщиков себя самого, и даже удивился. Двойник мелькнул у лавки гончара Труффо и пропал.

Во время же похорон мессира Грифоли, на третий день по Вознесении, глазастые кумушки не преминули заметить, то на могилах Турамини и Миньявелли успели вырасти, заглушив все остальные травы и цветы, только крапива, волчец да чертополох. И это наблюдение тоже злорадно передавалось в городе из уст в уста, из ушей в уши.

Было и ещё одно странное свидетельство, оброненное неким звонарём, синьором Бруно Кьянчано по прозвищу Божья коровка. Тот уверял, что за день до пропажи на болотах мессира Ланди пропал ещё кое-кто. А именно, видел он монсеньора епископа Квирини, который завёл в свой дом проститутку, что весь вечер ошивалась на панели в красном платье. Да вот что странно — потаскушка же из дома клирика не выходила ни наутро, ни днём. Пропала, одним словом.

Незадачливого шпиона подняли на смех, заявив, что распутница могла уйти в те минуты, что он отлучался в нужник, но звонарь отбрил всех насмешников веским аргументом. Он специально посетил старую сводню Нинуччу, которая наперечёт знает всех потаскух города. Так она уверяет, что никакой шлюхи перед епископским домом отродясь не было и быть не могло. Распутницы города смертельно боятся дурных примет, в церковных кварталах они не появляются даже ошибкой — это для них всегда к беде: или дурную болезнь прихватишь, или пьяный клиент физиономию разобьёт. Откуда же тут блудница взялась, а, главное, куда после делась?

Многие слушавшие Кьянчано, что скрывать, не поверили ему, приписав его рассказ лишнему стаканчику горячительного, после чего в уличной песенке, что распевали зеленщики, появились новые куплеты:

У нас один звонарь-чудак
забавно пошутил намедни:
Исправно отзвонил к обедне,
А сам отправился в кабак.
А после видел в винной дрёме
Виденье призрачной блудницы,
Она в кровавой плащанице
растаяла в поповском доме...

Но это наглые шутники, что с них взять? Люди же серьёзные задумались. Дурные слухи о епископе Квирини, что и говорить, настораживали, говорили, что в подвале своего дома он занимается ворожбой. Что, если эта шлюха нужна была ему не только по прямому назначению, чем в эти времена никого было не удивить, а для его жутковатых игр с Сатаной? Не принёс ли он её в жертву нечистому? Правда, были в Сиене и добрые люди, которые утверждали, что епископ — человек чистый и праведный, а все слухи о нём — пустые наговоры, но в это тоже никто не верил.

Элиджео же Арминелли тем временем по секрету поведал своим сотрудникам, в числе которых был и Альбино, что склока подеста и мессира Фабио имела продолжение на

следующий день. Мессир Корсиньяно якобы случайно дошёл до сведения капитана народа, что погибший Грифоли, как выяснилось, не только пытался обхаживать синьорину Лауру Четону, но, по некоторым достойным доверия сведениям, делал это далеко не с честными намерениями, а лишь стараясь для мессира Марескотти и действуя по его приказу. Лаура была любимой внучатой племянницей мессира Пандольфо, и он не склонен был поощрять такие шалости, в итоге мессир Марескотти не получил приглашения провести Духов день в палаццо Томазо Убертини, который решил собрать там всю знать на свадьбу сына.

Однако мессир Марескотти тоже не дремал. На следующий день он приехал к Отцу города и пробыл с ним за закрытыми дверями около получаса. Мессир Венафро, слышавший их разговор, рассказал своей сестрицк Джулии, что мессир Фабио клял своего врага на чём свет стоит и дал слово чести, что никаких поползновений с его стороны на девицу Четону не было вовсе. Кроме того, мессир Марескотти обещал взять на себя расходы по ремонту баптистерия и строительству нового храма святой Агнессы, преподнёс мессиру Петруччи в подарок несколько редчайших и баснословно дорогих книг и пожертвовал некую, оставшуюся не оглашённой, сумму в городской бюджет, читай — в карман мессира Петруччи.

Сестра мессира Венафро была не из болтливых и рассказала об этом всего только своей лучшей подруге, жене местного судьи, а та всего-то и поведала об этом, что кузену Паоло, собутыльнику самого мессира Арминелли. Таким образом, к вечеру всему городу было уже известно, что мессир Марескотти приедет в палаццо Убертини в свите Пандольфо Петруччи. Более того, к Петруччи был снова вызван мессир Корсиньяно, которому было приказано обеспечить полную безопасность мессира Марескотти в палаццо Убертини, и подеста, скрипя зубами, кивнул, горестно пожаловавшись по возвращении в подестат прокурору, что его ещё вдобавок заставили обняться с ненавистным мерзавцем.

Вот такие были дела.

Тут, однако, Альбино неожиданно вызвали к самому Пандольфо Петруччи. Воображение нарисовало монаху новый допрос о гибели Грифоли, но — ничего подобного. Оказалось, что ему предстояло сделать тщательный перевод одного еврейского манускрипта, Арминелли же было велено следить, чтобы ценнейшая рукопись не выносилась дальше его кабинета.

С нервным трепетом Альбино раскрыл её и начал с трудом разбирать. Вскоре понял, что речь идёт о «соке скал», смолоподобном веществе тёмно-коричневого или чёрного цвета. «Сок скал» легко растворялся в воде, однако не растворялся вином, подлинность «этого сока», которое автор трактата звал «мумийа», легко проверялась. После смазывания области перелома смесью «сока скал» с розовым маслом, перелом заживал примерно через неделю. Аристотель лечил им больных только после пробы на его качество: разрезанные части печени свежезарезанного барана смазывались им и соединялись. Если «мумийа» было чистое и качественное, то куски печени тут же слипались, прочёл Альбино.

Появившийся Петруччи проверил его работу и спросил, содержит ли манускрипт способ лечения экземы? Альбино действительно обнаружил, что «сок скал» заживляет воспаления кожи. Утром и вечером, натошак, три недели подряд, пояснил он Петруччи, нужно принимать по одной унции, растворяя его в соке облепихи или смородины. Одновременно с этим поражённые участки кожи следует парить в слабом растворе «мумийа». Рекомендовались и компрессы сроком до четверти часа из смеси трёх унций подогретого растительного масла и трети унции сока скал. Пандольфо выслушал со вниманием и кивнул,

после сего приказал ему тщательно записать это все на тосканском наречии. Когда он ушёл, Альбино тихо поинтересовался у Арминелли, что, мессир Петруччи страдает от экземы? Да, так и оказалось. Но где он в Тоскане возьмёт «сок скал»? Мессир Элиджео шёпотом поведал ему, что это замечательное средство уже привезли ему из Палестины, недоставало только правильного рецепта приготовления и знания дозировки.

Внимательно приглядываясь к Пандольфо Петруччи, Альбино заметил, что это был, бесспорно, человек сильной воли, с большим самомнением, в оценках полагавшийся больше на себя, нежели на чужие мнения. Если он и слушал советы Венафро — только потому, что ценил объективность его взгляда. Но даже с Венафро он беседовал сухо и холодно, и Альбино вскоре понял, что такова вообще его манера говорить с людьми.

Пандольфо был противоречив: он боялся скоплений народа и общественных сборищ, но одновременно был горд, любил восторги толпы, нуждался в обожании и поклонении. Ему нравились шествия и торжества. Самую глубокую рану ему наносили те, кто не замечал его, и за пренебрежение он был готов мстить больше, нежели за прямую обиду. В сущности выскочка, он очень ценил лесть и преклонение — но не по сути, за саму лесть, ибо ничуть не верил расточаемым льстецами хвалам, но как доказательству достигнутого статуса.

Трудясь в книгохранилище, Альбино почти не делал перерывов в работе, но не потому, что не уставал или не хотел отдохнуть. На него свалилась мерзкая напасть: Филиппо Баркальи неожиданно проникся к нему доверием и изрядно досаждал пустыми разговорами. Этого мало. После произошедшего в Ашано Филиппо то и дело возвращался к гибели Пьетро Грифоли, осторожно выпытывая у монаха подробности случившегося. Альбино отделялся короткими ответами, давая понять, что ему, в принципе, вовсе нет дела до Пьетро Грифоли.

Баркальи умолкал, возвращался на своё место у окна, но вскоре снова подходил, выспрашивал, мог ли быть в гибели Грифоли чей-то злой умысел, пытался выяснить, почему Камилло Тонди пошёл искать кота к колодцу и не заметил ли он, Альбино, во всем этом чего-то странного? Навязчивость мессира Баркальи в глазах монаха стоила его трусости и подлости.

Свободные часы Альбино коротал в кафедральном соборе или сидел на виа ди Читта, глядя на стены ненавистного палаццо Марескотти. Он был в городе уже вторую неделю, но даже не приблизился к цели. «Глупец, из тебя мститель, как кинжал из навоза, зло повторял он себе, что ты можешь? Ведь тебе даже приблизиться к нему ещё ни разу не удалось...» Воображение рисовало ему бесчисленные возможности мести, но все они были пустой мечтой. Правда, душа его не была поражена унынием. Смерти присных Марескотти, как он окончательно понял, случайные и нелепые, всё же складываясь в какой-то неотчётливый и смутный рисунок, в них проступал замысел, точнее, узор судьбы.

Видимо, «сок скал» оказал на мессира Петруччи самое благоприятное действие. Альбино сделал такой вывод потому, что мессир Арминелли вскоре сообщил ему, что он — в числе приглашённых в палаццо Убертини. Это было не решением мессира Элизео, а личным распоряжением самого главы синьории, велевшего библиотекарю взять с собой того «толкового мальчика, что перевёл еврейский манускрипт».

Глава IX. Брак в палаццо Убертини

«Честью жениться — не грех, да бремя забот непомерных
взвалишь на плечи себе ты по глупости вздорной».

Это глубокомысленное суждение, принадлежащее какому-то античному поэту, проронил через два часа после начала пиршества в палаццо Убертини Франческо Фантони. Приглашённых гостей издали встречал чад раскалённых сковород и запах скворчащего жира. Откормленные в стойлах тучные быки и упитанные овечки в приправах из гвоздики, перца, имбиря и корицы, десятки гусей, уток, индеек, рябчиков, тетеревов, зайцев, косуль и оленей украшали праздничные столы попеременно с винами, анисом, аквавитой, вермутом и тминной водкой, аликанте, мёдом и светло-прозрачным момма. Горами громоздились финики, фиги, миндаль, персики и свежие лимоны. Вымытое до блеска стекло драгоценных бокалов и кубков искрилось в свете толстых восковых свадебных свечей, подкрашенных кошенилью.

Мелькали кольца, браслеты, индийский жемчуг, чистого золота запястья с кораллами и сердоликом, платья модных портных из парчи, бархата, плюша, атласа, узорчатой ткани миланской, с пряжками из серебра, с французским кружевом и шитьём, с галунами, шёлком, тафтой, бомбазином, тесьмой и другой дребеденью, с пloidкой, с подбойкой, с тугими крючками и ловкой шнуровкой.

Франческо сегодня вновь был с гитарой, он выглядел весёлым и даже излишне возбуждённым и охотно развлекал гостей затейливыми мелодиями и небезопасными шутками. Альбино сидел возле него и только тихо охнул, постаравшись понижее опустить голову, когда в центр стола усадили молодых: невесте, крупной и даже грузной некрасивой девице, было под сорок, жениху же, белокурому красавцу с томными глазами, он не дал бы и двадцати. Нахал Франческо, перебирая струны, тихо замурлыкал:

С чего так удивлён народ?
Как жабу полюбил красавец?
Старуху за себя берёт
Юнец, стыда не опасаясь...
Но что терзаться тут вопросом,
Когда вся правда — перед носом?
Исток любовного недуга —
В наш век — кошель, набитый туго.

По счастью, в шуме застолья его никто не услышал. Везде царил сутолока, сновали слуги с подносами, особо обслуживая стол в центре зала, где Томазо, глава дома Убертини, с теплотой и любовью приветствовал главу синьории и прибывших с ним почётных гостей, отметив в своей приветственной речи преданность дома Убертини капитану народа Сиены мессире Пандольфо и проводимой им мудрой политике. Немалая честь речи была посвящена похвалам искусству, расцветшему под покровительством Пандольфо Петруччи. Под конец пространной речи глава дома Убертини прочёл звучный стих, казалось, снова сочинённый

Спасибо нашим меценатам,
Они сумели осознать,
Что мало просто быть богатым,
Великодушным должно стать,
Развить искусство и науку,
Сиену нашу возродить,
Взять это дело на поруку,
Чтобы достойным предков быть.

— Неужели это правда? — шёпотом спросил Альбино морщившегося от скверных виршей Франческо Фантони. Ему самому капитан народа отнюдь не показался утончённым ценителем прекрасного.

— Почему нет? — пожал плечами Сверчок, — в наше время благотворительностью занимаются, в основном, для приобретения хорошей репутации или людских похвал. Меценатство и патриотизм — главные качества сиенца, когда ему нужно прослыть патриотом и меценатом. Ну, добрый человек, понятное дело, не занимается благотворительностью: доходы не позволяют. В публичной же благотворительности толстосумов так много болезненной мизантропии, что благотворителю поневоле... хочется все простить, — паяц снова нагло кривлялся.

Петруччи был на празднике с сыном Боргезе, молодым человеком со следами порочности на лице и абсолютно пустым взглядом. В строгом епископском облачении справа от капитана народа уселся монсеньор епископ Гаэтано Квирини, с другой стороны расположился Антонио да Венафро. Епископ, сегодня не проронивший ни одного кощунства, восседал с видом судьи, и его страшные глаза казались странно прозрачными, точно он мыслями был за сто миль отсюда. С женой, красивой особой с властным лицом, приехал и Фабио Марескотти, он сидел за боковым столом. За стол капитана народа он все же допущен не был — гнев Петруччи ещё чувствовался. Рядом с Марескотти выселись Паоло Сильвестри, Никколо Линцано, Карло Донати и двое новых охранников.

И тут-то вышел небольшой скандал. Едва они расселись, как из бокового входа появились подеста и прокурор, возглавлявшие отряд из пяти бравых молодчиков, одетых в алые плащи и синие шляпы с чёрно-белыми кокардами, гербом Сиены. Они окружили мессира Марескотти, став позади его охраны. В ответ на удивлённый взгляд капитана народа, Корсиньяно, разведя руками, заявил, что только так он может обеспечить охрану мессира Фабио.

Марескотти взбесился, лицо его налилось краснотой, но он, видимо, решил не затевать перебранок за праздничным столом, боясь, что новые препирательства с мерзавцем Пасквале, да ещё в присутствии супруги, пользы ему не принесут.

Между тем веселье разворачивалось, все пили за здоровье молодых, даже кот Бочонок лизнул несколько раз из кубка мамы, Франческо же спел потешную песенку о толстяке, раскормившем своего кота до того, что мог кататься на нём верхом, а теперь обучающим хвостатого мяукать на тосканском наречии. Тонди понял, что речь о нём, но только расхохотался. Девицы снова крутились вокруг лучшего певца и танцора, он же, оставив

насмешки над архивариусом, теперь заливался соловьём.

Если смех услышишь милый
Иль поймаешь взгляд влюблённый, —
И, желаньем окрылённый,
Чувствуешь, как бьётся в жилах
Ток амброзии блаженной.
Не стремись к иной отраде,
Утешайся стройным станом,
Щёк цветением румяным
И в сетях кудрявых прядей
Дай душе остаться пленной!

Альбино неожиданно, глядя на главный стол зала, заметил странный, потерянный взгляд Антонио да Венафро, упиравшийся в стену. Так же сумрачен был взгляд главы синьории, капитана народа, правда, он то и дело останавливался на сыне. Невесть как Альбино почувствовал, что Венафро, всеильный фаворит Петруччи, куда более неприкаян и одинок, нежели Тонди, а Пандольфо, умело лавировавший в политике, посадивший своих сторонников во все властные стулья, превративший временную балю в синьорию и жестоко подавлявший противников, коих, как судачили в городе, было казнено больше шестидесяти, творит что-то пустое, суетное, ненужное.

В самом дальнем углу за столом сидел Филиппо Баркальи, бледный, с кругами бессонницы вокруг глаз. Только за последние две недели он потерял, наверное, фунтов десять. После гибели Грифоли он перестал днём выходить в трактир на обед, посылал за ним человека, но почти ничего не ел, утром его провожал на службу старший брат. Сейчас глаза Филиппо, ни на минуту не останавливаясь, испуганно метались по залу, как у загнанной крысы, он сел спиной к стене и нервно сжимал рукоять кинжала.

Меж тем злые языки за столом тихо обсуждали личные дела капитана народа, уверяли, что после заговора своего тестя, Никколо Боргезе, Петруччи охладел и к жене и редко появляется в её спальне, а тут добавился новый дурной скандал с дочерью. Пандольфо отдал её за Люцио Беланти, но затем забрал. Оскорблённый зять решил убить его. Зная, что Пандольфо почти ежедневно навещал захворавшего родственника и по пути проходил мимо его дома, Люцио держал своих пособников в доме, они с оружием в руках находились у входа, а один сидел у окна, чтобы дать знак, когда Пандольфо приблизится. Но когда наблюдатель заметил Пандольфо и дал об этом знать, того остановил какой-то приятель, а люди из его свиты прошли вперёд, где услышали бряцание оружия и открыли засаду. В итоге, Пандольфо уцелел, а Люцио и его сообщники должны были спасаться из Сиены бегством.

Альбино, услышав это, вздохнул. Жизнь главы синьории спокойной, что и говорить, не назовёшь, подумал он.

Родственники Убертини полушёпотом судачили о выгоде этого брака, приданное невесты, синьорины Патриции Томази, было огромным и позволяло привести дом, порядком обветшавший, в порядок, надстроить этаж, обновить лошадей и утварь. Все это попускало не замечать, что новобрачной пошёл тридцать восьмой год, и она до того изумила местного

священника падре Адриано, что он подумал, что кто-то из друзей жениха решил пошутить над ним и нарядился невестой. Новобрачный, позвякивая в карманах золотыми дукатами, порой всё же с некоторым трепетом вглядывался в свою наречённую, но полагал, что ночью, погасив свечи, сумеет справиться с супружеским долгом.

Прокурор Лоренцо Монтинеро не слушал сплетен, но был вплотную занят матримониальными планами: сидел рядом с сёстрами Корсиньяно и мурлыкал на ухо Катарине, что его дом, в который она в день Петра и Павла войдёт хозяйкой, гораздо уютнее этого. Его палаццо, по словам прокурора, делилось на парадную, рассчитанную на визиты, открытую для постороннего взора часть, и более интимную — для семьи и слуг. Пышный вестибюль соединялся с внутренним двориком, украшенным скульптурами и фронтонами. Надо посадить там несколько пальм. На втором этаже — залы для друзей и гостей. Этажом выше — их супружеская спальня, гардеробные, лоджии для хозяйственных нужд и отдыха, кладовые. Пол первого этажа покрыт керамическими плитами, а пол второго и третьего настелен досками и устлан коврами и соломенными циновками. Стены внизу расписаны, вверху — обиты бархатом, шёлком, атласом.

— Во дворе есть фонтан, дорогая, веранда куда шире, чем здесь, комнаты отделаны лучше, а уж наше брачное ложе с балдахином венецианского бархата просто прекрасно. Когда ты будешь просыпаться, солнце будет золотить полку камина: окна выходят на восток, — настойчиво и страстно шептал прокурор в ухо Катарине.

Девушка что-то пробормотала себе под нос, но очень тихо. Похоже, что она уже склонна была покориться своей участи.

Веселье меж тем развернулось. Гости пили и плясали. Было заметно, что Арминелли слегка наливался, Тонди тоже под мухой, но в сравнении с другими оба они были — сама пристойность. Какой-то пустомеля, упившись, всюду совался, дурил, зубоскалил на потеху гостям, кто-то поволок танцевать девуцу да рухнул на пол. Кто-то, помрачнев и осовеv, сидел, низко повесив дурью голову. Один из гостей пьяной настырностью надоел всем слугам, другой орал, требуя ветчины, третьему приспичило прыгать до потолка, четвёртый, разомлев от любви, мурлыкал вполголоса песни, пятый горланил, упившись в дым, и не было на него угомона.

Потом Альбино отвлекла новая стычка людей подеста и людей Марескотти. Карло Донати поднялся из-за стола и пошёл к двери. За ним тут же двинулся человек Корсиньяно, и Донати заметил это.

— Вы, что, за нами и в нужник ходить будете? — зло прошипел он.

Его слышали Марескотти и Петруччи, оба они обернулись к подеста. Капитан народа поморщился:

— Полно, Пасквале, это уже на цирк похоже. Перестань.

В голосе Петруччи сквозило раздражение, и Корсиньяно махнул рукой охраннику.

— Оставь его, Луиджи.

Тот с каменным лицом вернулся на своё место, Донати же исчез за дверью.

Монсеньор Квирини, как уже говорилось, был трезв и мрачен. Сегодня он вообще не пил, но сидел, задумчиво подперев рукой голову. Его глаза снова напугали Альбино: в них проступило что-то жестокое и тёмное. Кроме короткого приветствия хозяину дома и благословения молодых, данному, правда, с ядовитой улыбкой на устах, он больше не сказал ни слова. Нет ли у него склоки с визитатором, о котором он говорил в Ашано? И точно ли в подвале своего дома он не приносит жертв сатане? Подумав об этом, Альбино поёжился.

Как ни странно, Франческо Фантони весь день тоже оставался трезвым. Он сновал по залу, как мяч, отскакивавший от всех стен, мелькал в танцах с лучшими девицами, плясал до упаду партнёрыш, потом снова распевал канцоны, альбы и серенады. Пока слуги меняли блюда, он вывел за собой всю толпу на внутренний двор, танцы продолжились и там, но начавший накрапывать дождь заставил танцоров вернуться в зал. Однако, не протанцевав в зале и одного танца, солист снова потащил всех во двор — «освежиться». Альбино заметил, что Катарина Корсиньяно снова танцевала с Лоренцо Монтинеро и даже как-то улыбнулась на какую-то его шутку.

Тут Альбино приметил, что случилось что-то непонятное.

Вначале в зале у двери появился человек в ливрее дома Убертини и тихо позвал хозяина, мессира Томазо. Тот в этот момент как раз любезничал с мессиром Пандольфо и недовольно поднял голову. Однако выражение лица своего ливрейного слуги мессир Убертини, видимо, знал, и потому, извинившись перед капитаном народа, поднялся, подошёл к звавшему его и прошипел:

— Что случилось, Анджело?

Анджело, понимая, что господин гневается, поторопился сообщить, что ничего страшного не произошло, только вот мессир Ланди очень рассержен, другие господа тоже. Мессир Лоренцо Монтинеро, прокурор, приказал ему, Анджело, немедленно привести хозяина, вот он и пришёл, — говоря это, вышколенный слуга подвёл господина к веранде внутреннего двора и показал туда рукой.

Заметив это, Альбино тоже встал и вышел на веранду, опоясывающую внутренний двор на высоте второго этажа, выглянул во двор, но ничего диковинного там не обнаружил. Возле служб за конюшней стояли несколько человек и оживлённо переговаривались. Однако услышав имя прокурора, мессир Томазо предпочёл на месте выяснить, в чём дело, и поспешно спустился вниз.

На дворе, довольно обширном, слуги торопливо загоняли в стойла лошадей, которых гости хозяина не потрудились привязать, служанки сновали с кувшинами, дождь, сначала накрапывавший, теперь бил по крышам и веранде острыми звонкими каплями, гости же в глубине двора прятались от него под кронами старых раскидистых клёнов. Под их острыми зелёными листьями было почти сухо.

— Мне жаль, что пришлось побеспокоить вас, мессир Убертини, я понимаю, сколько у вас сейчас забот и волнений, — уронил прокурор Монтинеро Убертини, не дожидаясь его первых слов, — но тут происходит нечто неприятное...

Из лаконичного рассказа мессира Монтинеро выяснилось, что мессир Ланди вышел недавно по нужде во двор, но обнаружил здесь нескольких господ, среди них — мессира Джованни Ручелай и мессира Томазо Миноччи, пришедших сюда с той же целью. Но дверь нужника оказалась запертой изнутри. Слуги же сказали, что внутри двери — щеколда, которая сама закрыться не может, значит, там кто-то есть. Одна из служанок, хоть и не ручается, но вроде бы видела, как туда заходил один господин. Как раз, когда все танцевали. Она приставлена греть воду и, хоть и не выглядывала в окно поминутно, не помнит, чтобы он выходил. Между тем, господа уже начали проявлять нетерпение, они стучали и дёргали за дверь — но всё без толку и, позвали его, Монтинеро. Нельзя ли как-нибудь открыть дверь?

Мессир Убертини растерялся. Все дверные замки, щеколды, крючки и затворы в доме были хитроумными, прочными и крепкими, ибо мессир Томазо всегда считал, что вора создаёт возможность украсть, но запор в уборной был, на его взгляд, совсем пустяковым,

все-го-то щеколда, которую сделал кузнец из старой рухляди на кузне. Помилуйте, а зачем тратиться? В отхожем-то месте что воровать?

Глава семейства поспешно растолковал прокурору, что запор в уборной самый простой, правда, из ковanej стали. Тут во дворе появился подеста, привлечённый обилием народа. Узнав о причине затруднений, Корсиньяно перекинулся с прокурором мрачным взглядом. Монтинеро только пожал плечами и, повинувшись взгляду начальника, налёг тяжёлым плечом на дверь. Щеколда хрустнула, однако дверь не открылась, Монтинеро просто вдавил её внутрь, сломав запор, но дверь открывалась наружу, и мессир Лоренцо осторожно приоткрыл её.

Надо заметить, что ни хозяин, ни возмущавшиеся до того во дворе гости не поторопились воспользоваться свободным проходом, словно предоставляя эту честь слугам закона. Все они, напротив, отпрянули назад. Подеста же, снова переглянувшись с прокурором, подошёл к нему вплотную и, закрыв собой проход, открыл дверь шире. Оба они вначале молча озирали открывшуюся картину, настолько нелепую в своей несуразности, что прокурор даже вспомнил времена, когда он учился праву в Болонье и, как медикус, полагающий, что больному жить остаётся считанные часы, заговорил на латыни:

— Casus adversi^[3].

— Да, — согласился подеста, однако в тоне не было уныния, — но в конце концов, мы предупреждали. Пусть только он дерзнёт открыть рот.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Нужник был добротнo сделан из еловых красноватых досок, был немал, но развернуться в нём мужчине роста и сложения Карло Донати было трудно. Он и не развернулся. Карло лежал на полу, голова его полностью ушла в отверстие выгребной ямы, но могучие плечи оставались на деревянном помосте, и первое впечатление было таково, что подъем стульчака стал для несчастного эшафотом, у которого лежало обезглавленное тело. Смерть застала его внезапно, он не успел даже надеть штаны. Лоренцо Монтинеро наклонился и взял руку лежащего, пытаясь найти пульс, но стараний к тому не приложил, ибо ледяная рука Карло Донати явно была дланью мертвеца.

При этом ни на одной стене уборной не было оконца, Лоренцо Монтинеро уперся рукой в крышу, но доски были плотно пригнаны и намертво прибиты, и только над сломанной ими дверью было отверстие до козырька крыши шириной не больше фута.

— Велите позвать медика, — хмуро обратился Монтинеро к подеста. — Он же мог и просто умереть.

— Угу, это в двадцать-то восемь лет? — иронично спросил Корсиньяно.

— Ну, а почему нет? — рассудительно заметил прокурор. — Если его не убили, то смерть естественна, а если это естественная смерть, нужно просто установить её причину.

— Простите, господа, насколько я понимаю, воспользоваться нужником в ближайшее время у нас не получится? — этот вопрос мессира Томазо Миноччи был задан довольно спокойно, а если в нём и проступало какое-то нетерпение и даже недовольство, вызвано было не порицанием действий властей, а просто естественной нуждой.

Тут опомнился хозяин дома и велел слуге проводить господ в другую уборную, ту, что была во внутренних покоях и использовалась зимой. Господа с достоинством последовали за ним, и только Одантонио Ланди, заглянув за приоткрытую дверь, никуда не пошёл, но в изнеможении опёрся на перекладину коновязи, опустил голову и время от времени потряхивал ею, как ишак, отгоняющий слепней.

Подеста, поспав за медиком Петруччи, который был среди гостей, продолжил беседу с прокурором. Он ещё не осознал до конца происшедшее, не понимал его причин и следствий, но если падение в колодец Пьетро Грифоли могло оказаться как несчастным случаем, так и преступлением, то здесь невозможность осуществления преступного умысла просто бросалась в глаза. Впрочем... Подеста закусил губу, потом прикрыл дверь в отхожее место и осторожно обошёл вокруг нужника и закрытой выгребной ямы. Он внимательно оглядывал и тщательно ощупывал доски стен, надеясь, что одна или две не закреплены. Но щелей в стенах не было, доски были плотно пригнаны одна к другой. Правда, сбоку на одной из них был сучок, образовавший после выпила доски круглое отверстие величиной с дукат, но что с того? Подеста даже в порыве служебного рвения с брезгливой физиономией открыл выгребную яму, но ничего, кроме дерьма, в ней, естественно, не обнаружил. Мессир Лоренцо с нескрываемым любопытством следил за ним, почёсывая мочку уха. Наконец Корсиньяно подошёл к Монтинеро и, отвернувшись к нужнику, чтобы, упаси Бог, никто не прочитал сказанного им по губам, спросил:

— Ты что-нибудь понимаешь?

Прокурор пожал плечами. Лоренцо Монтинеро прекрасно понимал, что мессира Корсиньяно ничуть не удивило бы новое убийство. Напротив, чем меньше вокруг ненавистного Марескотти преданных ему людей, тем лучше. Смерть Донати, тем более что ему, подеста, запретили «охранять его в нужнике», была справедливым упрёком даже Пандольфо Петруччи. Мессир Пасквале, правда, не в чём упрекать главу синьории не собиравшись, но не мог отказать себе в удовольствии служить Пандольфо немым укором.

Но не это волновало подеста. Пасквале Корсиньяно был опытен и умён, но то, что он видел, противоречило его уму и опыту. Считать случайной пятую смерть в кругу мессира Фабио — да, ему хотелось, но считать публично, тонко и насмешливо улыбаясь, про себя же придерживаясь прямо противоположного мнения. Да, сам он был убеждён, что вокруг Фабио Марескотти сплетён дьявольски тонкий, умнейший заговор. Не глупая и прямолинейная вендетта, нет, а изощрённый и извращённый, насмешливый и язвительный ум преступника, глумившийся над жертвой, гримасничающий и хохочущий, — вот что виделось тут Корсиньяно. Ну а так как интересы подеста и убийцы совпадали, мессир Пасквале считал нужным проявлять учтивую обходительность и уважение к такому умному душегубу, делая всё, чтобы сотворённое им считалось случайностью.

Но сейчас Пасквале Корсиньяно подлинно ничего не понимал. Как этот дьявол сделал это, чёрт возьми?

— Нужно послушать врача, — снова обронил прокурор, — мог же он и сам дать дуба.

Подеста опять только хмыкнул.

Подоспевший личный медик Петруччи, мессир Джорджио Стефано, был навеселе, но, увидев тело, протрезвел на глазах. Однако он категорически отказался осматривать покойного в нужнике, мотивируя это неудобством обследования. Подеста скрипнул было зубами, но не мог не признать, что в требовании врача есть известная логика.

Были вызваны люди подестата, и тело не без труда извлекли на свет Божий. К этому времени слух, что в нужнике нашли тело Карло Донати, уже успел облететь зал пирующих, и те, кто ещё могли вязать лыко, приникли к окнам или вывалили на веранду, где до того стоял один Альбино, и наблюдали за переносом тела в баню.

Рядом с Альбино оказался коричневый плащ и седой висок Фабио Марескотти. Альбино вздрогнул всем телом. Это был тот невозможный момент всеобщей растерянности и

замешательства, когда можно было свести счёты с негодяем. Охраны рядом не было, и Альбино нервно сжал рукоять беллунского кинжала, ощутив, как заledenели пальцы. Но он не был готов к убийству, его дух, растерянный и немощный, трепетал в испуге. Было заметно, что и сам Марескотти, озирая погибшего, находится совсем не в том состоянии, что в Ашано. Теперь в нём не было ни злости, ни бешенства, он казался сломленным, в дрожи рук проступал испуг, в пересохших губах, кои он поминутно облизывал, — потрясение. Карло Донати, тяжёлый, как бык, крупный и неповоротливый, был силён, как медведь, но вот он лежит с голой задницей и измазанными в дерьме волосами и не может пошевелиться. Как же это?

Появившиеся на веранде Венафро и Петруччи пошли вниз, и Марескотти, пошатываясь, устремился следом. На балконе возник епископ Квирини. Сейчас, в сиреневатом свете затянутого облаками неба и дождевой пелены его преосвященство вдруг показался монаху иконописно красивым, на тонком лице засияли глаза страдальца и мученика, но длилось это считанные минуты, Гаэтано подошёл к перилам, и вежды его смотрели теперь с безжалостной жестокостью палача и непонятной брезгливостью. Епископ во время застолья никуда не выходил, это Альбино помнил точно, не то невольно подумал бы, что тот своими руками убил Донати.

Потом рядом с Альбино оказался Филиппо Баркальи. Он несколько минут смотрел сверху на погибшего, вслед за тем вдруг покачнулся и, не поддержи его Альбино, упал бы. Монах почувствовал всплеск гнева, но гневался только на самого себя. Господи, какое же он ничтожество! Мало того, что не смог вонзить кинжал в негодяя Марескотти, так вдобавок вынужден возиться с предателем. Раздражение его усугублялось ещё и запахом выгребной ямы, он обернулся к двери опустевшей пиршественной залы, чтобы отвлечься от дурных впечатлений. Там, у стола, стоял Франческо Фантони и целовался с красивой девицей, повисшей у него на шее.

Альбино узнал Лауру Четону.

Глава X. Больные мысли Франческо Фантони

Тем временем во дворе, несмотря на дождь, собирались самые почётные гости праздника. Капитан народа и его советник изволили оглядеть отхожее место и, что делало честь уму обоих, пришли к тому же выводу, что и подеста с прокурором. Петруччи чувствовал себя по-дурачки: ведь именно он приказал снять охрану с Донати, направлявшегося в уборную. Конечно, он и представить не мог, что смерть может настичь того в нужнике, и вот на тебе...

Мессир Корсиньяно подлинно служил Пандольфо немым укором, однако подеста был достаточно умён, чтобы не напомнить ему об этом. Он коротко рассказал кузену о предпринятых действиях и заявил, что всё будет зависеть от заключения врача.

— Не знаю, что и подумать, — честно и самокритично заметил Пасквале, — это просто чёрт знает, что такое. Думать, что некто убил его, запер задвижку изнутри, а сам вылез через щель величиной с грецкий орех сбоку или пролез в щель над дверью на виду у всех, чересчур фантастично. Равно утверждать, что молодой парень, которому и тридцати нет, мог просто так на стульчаке отдать Богу душу, смешно. Послушаем, что скажет Стефано.

Петруччи кивнул.

Паоло Сильвестри и Никколо Линцано, вышедшие во внутренний двор в числе первых, молча переглядывались, и их взгляды легко читались. Ещё неделю назад в Ашано их было четверо, и вот — вдвое меньше. Бог ли, чёрт ли вмешался в дела человеческие, но это были совсем не шутки. И Паоло, и Никколо не отличались большим умом, но даже они поняли, что некая враждебная им сила, точно насмехаясь, уничтожает их одного за другим, и самым пугающим было именно то, что невозможно было понять, кто им мстит и за что, человеческая или божья рука сводит с ними счёты.

— Говорил ли в последние дни Донати, что ему кто-то угрожал? — голос подеста отвлёк их от туманных размышлений.

Паоло и Никколо растерянно покачали головами.

— О чём он вообще говорил с вами накануне? Вы виделись утром? — не отставал подеста.

Линцано покачал головой. Он встретил Донати около палаццо Марескотти, когда они выходили для участия в свадебных торжествах. Донати и Сильвестри жили в доме мессира Фабио, он, Никколо, — дома.

— Мы всё равно узнаем каждый его шаг, — повернулся к Паоло Сильвестри подеста. — С кем он виделся в последние дни, что говорил? Был ли у него враг? Что он говорил, когда вы шли сюда?

Сильвестри в раздумье почесал затылок, потом сообщил, что Донати в полночь уходил и вернулся только на рассвете, проклиная небо и землю. Карло сказал, что набрёл на старуху-сводню в полуподвале, та предложила ему молоденькую красотку за две лиры. Он пошёл в комнату, где было хоть глаз выколи, нашёл там девку. Правда, ему показалось, что у неё дряблые ляжки и зловонное дыхание, когда же он после взял из камина горящую головню и зажжёт висевший наверху светильник, то увидел лохмы волос с проседью. На макушке «молоденькой красотки» сияла лысина, где свободно прогуливались одинокие вши, а в середине узкого и морщинистого лба была выжжена отметина, как будто её заклеямили у рыночного столба. Брови, облепленные гнидами, нависали над глазами, которые слезились и

источали гной, рот был крив, оттуда стекала слизь — из-за отсутствия зубов старуха не могла сдерживать слюну. Его стошнило, и он ушёл, не заплатив. По этому поводу Карло и разорился с самого утра, а больше ничего Паоло припомнить не мог, особенно заметив, как оторопело замер, выслушав его, подеста и как согнулся в хохоте пополам прокурор Лоренцо Монтинеро.

Рядом оказалась и Катарина Корсиньяно. Её рассказ Сильвестри откровенно шокировал. Монтинеро, заметив свою наречённую, велел ей забрать сестёр и ехать домой к отцу.

— Танцев больше не будет, дорогая, — заметил он, — слушать же мерзкие подробности жизни покойного тебе, конечно, неинтересно.

— А где ты провёл прошлую ночь? — вдруг дотошно поинтересовалась девица, уперев руки в бока и глядя на прокурора с тем въедливым подозрением, с которым судья обычно оглядывает закоренелого преступника, предъявившего, однако, суду неопровержимое алиби.

— О, ты уже ревнуешь, мой ангел, — по-кошачьи промурлыкал Лоренцо, — свидетельствую перед Богом, что прошлую ночь я провёл в собственном доме в одинокой постели, но я видел сладкий сон про то, что ты рядом. Я не шпяюсь по весёлым кварталам, дорогая.

— Положение не позволяет? — иронично поинтересовалась Катарина.

— Честь, — надменно проронил прокурор.

Крепко прижав к себе чёрного остроухого кота, с веранды озирает двор мессир Камилло Тонди. На щеках его проступал хмельной румянец, в глазах плыл туман. Альбино заметил, что он не особо расстроен происходящим, но был исполнен любопытства и внимательно слушал все разговоры в толпе, хоть они, в общем-то, ничего нового не содержали.

— Нет, что ни говорите, а странно это. Мёртвый в запертом изнутри нужнике, как это? — удивлялся Джованни Ручелаи, уже успевший вместе с мессиром Миноччи справиться нужду и вернуться во двор.

— Он мог отравиться чем-нибудь, вот и всё, — высказал свежую мысль мессир Миноччи, — он, я сам видел, на грибы налегал, попался один ядовитый и пищи пропало....

— Не было там ничего ядовитого, — зло обронил, резко вступая в разговор, хозяин дома мессир Томазо, увидев в подобных предположениях хулу на дом Убертини, — грибами у нас старая Джулия заведует, она их сорок лет заготавливает и сама уминает чашками. Никогда никто не травился. Вы же не думаете, что он отравлен? — расстроенный Убертини протянул руки к Тонди, стоявшему на веранде с котом.

Архивариус погладил проснувшегося кота, сказал, что насчёт грибов ничего не знает, он ел их и прекрасно себя чувствует, а затем сообщил собравшимся, что сам он слышал о смерти в нужнике только однажды, точнее, прочёл о подобном в книге христианского историка Сократа Схоластика.

— Это было, когда стареющий император Константин вызвал в 336 году от рождества Христова в Константинополь ересиарха Ария и спросил, признает ли тот никейский символ веры? Арий солгал, что признает. Император поверил в обращение еретика и велел константинопольскому епископу Александру принять Ария в церковное общение. — Мессир Тонди на мгновение умолк, опустив на пол кота, который, вытянув вперёд передние лапки, сладко потянулся, согнув дугой спинку и хвост. — Это привело ариан в великую радость, — продолжил мессир Камилло, — а истинных христиан, напротив, повергло в смущение. Выйдя из дворца, ересиарх шествовал посередине улицы как триумфатор, в сопровождении многочисленных сторонников, но вблизи площади внезапно почувствовал расслабление

желудка. Спросив, где здесь поблизости отхожее место, он поспешил туда и, по словам Сократа, «впал в такое изнеможение, что с извержениями тотчас излилось из него большое количество крови и вышли тонкие внутренности, и он тут же умер».

Сие повествование повергло слушателей в трепет, несмотря даже на то, что погибший Карло Донати на еретика, а тем паче на ересиарха, ну никак не тянул, хотя бы по причине полного отсутствия мозгов. Но сказанное заставило многих задуматься, а, главное, к радости мессира Убертини, совсем позабыть предположение о грибном отравлении.

«Кара Божья...» Эти слова, что и говорить, любого ужаснуть способны, и направление мыслей собравшихся изменилось. Покойнику припомнили, что в Господнем храме он был нечастым гостем, постоянно по блудным домам шиялся, в винопитии умерен не был, к тому же гневлив был и старших не уважал, да и пакостей творил, что и говорить, немало.

Тут же, как водится, поползли шепотки и новые предположения — одно хуже другого.

— Скорее всего, просто рукоблудил над выгребной ямой, поскользнулся, да виском и стукнулся.

— Не исключено, что заразу подхватил галльскую, вот и помер.

Альбино увидел, что по ступеням спускается во двор Франческо Фантони, уже один, без девицы. Он вовсе не показался монаху радостным, напротив, имел недовольное выражение лица и мрачно озирал двор и столпившийся народ, но тут из бани появился медик, и все обернулись к нему. Мессир же Стефано, заметив обращённые к нему лица, поморщился. Он понимал, что придётся едва ли не публично расписаться в собственном бессилии, а кому такое понравится? Тем не менее, врач вытер вспотевший лоб и сообщил мессиру Пандольфо, что представленный его вниманию мертвец умер от остановки сердца, точнее, от паралича сердца. Перед смертью у мессира Донати был обморок.

— А ведь с ним это уже было, — неожиданно подал голос Сильвестри, — он и на турнире однажды упал, но не на ристалище, а у шатра, и жаловался потом, что дышать не может и в груди болит.

Это припомнил и Линцано, и всех остальных словно отпустило. Слов нет, смерти мессира Донати настигла нелепая и грустная, но раз остановилось сердце — что тут попишешь? Это и с молодыми бывает.

Дождь к этому времени уже перестал, новобрачных отвели в их покои, и так как капитан народа решил вместе с Венафро вернуться к себе, то и все остальные гости почувствовали, что им пора восвояси. Поднялась обычная суголока, никто не мог найти перчаток, куда-то подевались все шляпы, у мессира Миноччи исчезла сбруя, а лошадь ускакала прочь с конюшни, но её поймали. Постепенно на длинных лестницах стало безлюдно, всюду царил ералаш, и несло винным перегаром. Стулья были раскиданы, скатерти залиты пивом, служанки громко жаловались, что выпивохи изгадили пол, и всюду валяются осколки стекла, а на скатертях видны отпечатки сапог и отметины шпор. Шарь теперь по углам со свечой иль с лучиной коптящей, да всё вымывай...

Все эти жалобы, отнюдь не предназначавшиеся для посторонних ушей, довелось услышать мессиру Марескотти, который со своими людьми ждал, когда привезут телегу для покойника, мессиру Камилло Тонди, который во время сборов домой опять упустил кота и нашёл его под лестницей, да Альбино, который потерял свой плащ, долго искал его, и наконец обнаружил его у коновязи на чьём-то осле во дворе дома.

Новость о смерти мессира Карло Донати быстро разнеслась по городу, контрада Улитки, к которой принадлежал покойный, скликала людей на похороны. Ни мессир Тонди, ни Элиджео Арминелли, ни монна Фантони, никто из знакомых Альбино не выразил сугубой скорби по поводу этой смерти. Скорее наоборот. Случившееся развеселило сиенцев, никогда не отличавшихся сентиментальностью, до упаду. Они нисколько не изображали горя, рассказывая друг другу мерзкие подробности произошедшего, судачили напропалую и даже сочинили паскудную песенку «Отхожее место — конец нечестивых» с омерзительным припевом: «Над ямой выгребною!», повторявшимся после каждого куплета, а какой-то сугубый кощунник создал на эту тему даже хорал на мотив «Veni, Creator!»

Альбино, придя домой уже в сумерках, застал дома Фантони. Тот, непривычно грустный, наигрывал безотрадный напев, тихо подпевая:

Вся горечь бед твоих и радость от побед
 Не стоят ничего, и от веков, что были
 Когда-то столь шумны, какой остался след?
 Для слуха — лёгкий шум,
 для ветра — горстка пыли...

Альбино не понимал, почему Франческо, к которому на шею сегодня вешались красотки, столь невесел? Из-за смерти в палаццо Убертини? Но ведь умерший вовсе не был его другом, напротив, они враждовали.

— Жаль, что всё так вышло, — он осторожно опустился на стул рядом с Фантони, — такая случайная, нелепая, внезапная смерть, — Альбино покачал головой. — Без покаяния, без последнего напутствия.

— После блудной ночи, — в тон ему кивнул Франческо и усмехнулся. — Да, в рай ему не попасть. Но вы ошибаетесь, мессир Альбино, смерть эта, напротив, своевременна, справедлива и, уж конечно, неслучайна. Это, собственно, и не смерть-то вовсе.

Слова эти, произнесённые с недоброй и насмешливой миной, привели Альбино в оторопь. Он понимал, что Фантони знает, что говорит, ибо, в отличие от него, гораздо лучше него понимает происходящее в Сиене, и самого Франческо тут знает каждая собака. Но подобное суждение свидетельствовало о том, что Фантони молчаливо одобряет происходящее, что вовсе не было новостью для Альбино. Удивила именно уверенность тона Франческо.

— Вы уверены в этом?

Фантони рассмеялся.

— Нет. Это только предположение, однако основания у него вполне достаточные, уверяю вас. Впрочем, это подлинно пустяки. — Франческо снова пробежал пальцами по струнам гитары.

Монах смутился. Он и верил, и не верил Фантони. Убить Донати не могли, это было ясно. Но слишком уж серьёзен был тон гаера-весельчака, и слишком ненадёжны глаза. Это не случайная смерть, утверждает он. Но почему? Неужели всё же шутит? Или он имеет в виду, что смерть эта именно провиденциальна — неизбежна, неотвратима и закономерна?

— А я всегда боялся случайной смерти, — пробормотал Альбино, отвечая уже даже не Франческо, а своим мыслям, — это... ведь это зачастую главное событие, итог жизни. Оно не должно быть случайным, пусть в нём будет неотвратимость, смысл жизни — сделать эту неотвратимость желанной, именно эта желанность будет означать, что ты жизнь не просто прожил, провёл, протянул во времени, но исчерпал жизнь, выявил в ней высший смысл, осмыслил и постиг её.

Франческо усмехнулся снова.

— И далеко отсюда до бессмертия?

— Всё шутите?

Сверчок покачал головой.

— Мы должны быть готовы к непредсказуемым событиям, которые могут произойти. Или не могут произойти, или могут не произойти. Или — не могут не произойти...

— Но почему вас так огорчила смерть Донати, Франческо? На вас лица нет...

— Донати? — казалось, Фантони впервые слышал это имя, — ничуть я не огорчён, с чего вы взяли? Собаке — собачья смерть, это говорит закон справедливости. Правда, наш добрый Бог утвердил закон милосердия. Милосердие выше справедливости. Милосердие не пропускает в рай собак, но полагает, что бешеная собака может изменить свою сущность и покаяться. Вы верите в это?

— Да, я видел чёрных людей, во прахе лобызавших ноги Христа, они менялись.

— Знаете, я рад, — продолжал, словно не слыша, Фантони, — что загробная участь темна, как вода в облаках. Эта туманная размытость позволяет предполагать, что милосердие всё-таки справедливо.

— Бунтуете?

Франческо усмехнулся и покачал головой.

— Бунты — дело черни да солдатни городского гарнизона, которой вовремя не заплатили. Если вам сказали, что я солдат, то это ошибка: я бедный музыкант, и мне плохо сегодня. — Он посмотрел в окно пустыми глазами. — Знаете, Альбино, в шестнадцатилетней девочке, почти ребёнке, я нынче увидел блудницу. Молодая кошечка, которой хочется варенья, но не хочется пачкать лапки. Чистенькая, никаких правил, лишь лёгкий поверхностный лоск, но какой поток алчбы и желаний под этим хрупким льдом, что трещит при каждом шаге! Никогда ещё не чудилось мне в дыхании почти ребёнка более мерзкого смрада распутства. Чтобы затащить её на сеновал, нужен был только сеновал, вот в чём ужас. И не я, так другой. А что удивляться? Сколько честных девиц в одну ночь становились публичными девками! Развращённость — это закон природы? Неужели добродетель — лишь праздничный наряд, который надевают в церковь, а в остальные дни недели сидят у окна и поглядывают на молодых блудников, что проходят мимо, мечтая оказаться в их объятьях? Пятно первородного греха... Разве смыли его с человеческого лица те полторы тысячи лет, что мы ветшаем вместе с нашими книгами?

Альбино внимательно посмотрел на Фантони. Он говорит о Лауре Четоне?

— Вы нездоровы, Франческо.

Фантони отрицательно покачал головой.

— Сказать, что думаешь, — разве это болезнь?

— Если сказанное греховно — то да.

— О, — рассмеялся Фантони, — праведные мысли! Я их знаю. И Свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Это хорошо. Плохо то, что свет предполагает бесконечность тьмы. А

самое дурное — тьма внутри этой девочки. Она станет шлюхой. И неважно, выйдет ли она замуж, сбежит ли из дома с любовником или отдастся первому встречному. Это тьма. Тьма не пожрёт свет, но сколько сломают в этой тьме ноги и души... Вечная тьма, в которой мы бредём и падаем, как упали когда-то.

— Первородный грех не только боль, — не согласился Альбино, — если человек пал с высоты, он может на высоту и подняться.

— А... вот в чём моя беда, — вяло пробормотал Франческо, — я боюсь высоты. Не всякой, ибо люблю смотреть на город с колокольни. Я боюсь высоты, с которой люди похожи на муравьёв. Мой братец Джильберто умел смотреть на реки крови и слез и во всем видеть провидение...

— Зачем вы так? — Альбино не мог понять странных слов Фантони, но видел, что тот подлинно выбит из колеи, — всё в мире управляется провидением. Бог карает тех, в ком нет покаяния. Разве вы не видите этого?

— Провидение? — прошептал Фантони и поморщился, — мне или не хватает истинной веры, или монсеньор епископ Гаэтано что-то перепутал в доктрине.

Альбино скривился. Имя Квирини было ему ненавистно.

— А знал ли он её вообще?

— Конечно, — ядовито проронил Фантони, — не зря же его учили в Риме.

Альбино покачал головой.

— Ваши мысли — больные мысли. Вы просто утратили Бога, Франческо, вы утратили Бога-Любовь...

Фантони кивнул.

— Да, не выдержал искушения, — усмехнулся он, — оказался слаб. Но бедный Бог! Злодеи ненавидят Его за то, что Он мешает им творить зло, а добряки — за то, что Он не мешает злодеям творить зло...

— А скажите... Катарина Корсиньяно, — спохватился вдруг Альбино и умолк.

— Катарина? — бездумно пробормотал Франческо. — Она башковитая и не блудливая.

— Я не о том. Мессир Монтинеро принуждает её к замужеству явно против её воли, подеста же просто не замечает этого. Почему?

Фантони опешил.

— Бросьте. Кто её принуждает? Просто любая уважающая себя кошечка должна пошипеть и повыгнать спинку, прежде чем подпустит к себе кота. Лоренцо ей нравится. Я к их свадьбе уже сочинил две величальные и уверяю вас, не зря трудился. А подеста... Ему же надо пятерых девок пристроить. Да и чём Монтинеро-то плох?

— Но он отогнал от неё всех поклонников.

— И правильно сделал, — хмыкнул Франческо.

* * *

...Альбино долго не мог забыть разговора с Фантони, он был растерян, точнее, поколеблен в своей, дававшей ему силы и спасавшей от уныния уверенности, что всё, совершающееся с людьми Марескотти, суть промысел Божий. Франческо насмешливо намекнул, что считает случившееся делом рук человеческих, то есть, новым преступлением, новым злом, и недобрый блеск глаз Фантони и его уверение в достаточных основаниях для

такого суждения расстроили и огорчили Альбино.

Однако назавтра, чем больше он, сидя среди библиотечных полок, думал о гибели Карло Донати, тем меньше верил Фантони. Альбино пытался вспомнить, кто и куда выходил из гостей за свадебным столом, но там царило обычное пьяное веселье, и, хоть он прекрасно помнил все эпизоды застолья и речи с пожеланиями счастья молодым, но ничего, что могло бы иметь отношение к гибели Донати, в его памяти не задержалось.

Да и не в том было дело, кто и куда отлучался из пиршественного зала. Пожалуй, выходили все. Были минуты, когда он не видал за столом мессира Арминелли, высказывал танцевать его сосед, которого ему представили как Рафаэлло Пуччи, только Филиппо Баркальи никуда не уходил, напряжённо сидя на углу стола на краешке стула, и не вставал из-за стола епископ Квирини. Впрочем, Тонди тоже никуда не уходил. Но ведь дверь нужника была заперта изнутри, и никто, кроме Донати, не мог этого сделать! И медик признал причиной его смерти остановку сердца.

О чём же говорил Франческо? Фантони вроде не имел счетов с Марескотти: гаер никогда ничем не злил мессира Фабио, Альбино даже как-то видел, что они довольно мирно о чём-то шептались. Да, это было в Ашано. Что до его ссор с людьми Марескотти, так там имели место, в общем-то, обычные склоки отпрысков знатных фамилий, весенний гон молодых самцов, распри из-за женского внимания и побед на палио, и у красавца Франческо, удачливого наездника и прекрасного певца и танцора, не могло не быть завистников и недоброжелателей.

Альбино мог лишь подумать, что устами Фантони говорило похмелье, хоть и не заметил, чтобы тот напился на свадьбе Убертини. Фантони умел лицемерить, и было весьма трудно понять, когда он серьёзен, а когда шутит или кривляется. Впрочем, ему одному это в вину ставить было нельзя: в окружении Петруччи так или иначе лицемерили и притворялись все, все лгали, говорили не то, что думали, делано восхищались, произносили пустые, напыщенные и льстивые речи, клялись в преданности, но всё это было фальшью.

Да и само окружение капитана народа пугало. Очень умный Антонио да Венафро был холоден и бесчувственен, как недельной давности труп, а если верна поговорка: «Скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты», то кто такой Пандольфо Петруччи, чьими друзьями и приближенными были негодяй Фабио Марескотти, равнодушный к добру и злу Элиджео Арминелли, прокурор Монтинеро с глазами палача, пьющий, ругающийся, как сапожник, ведущий абсолютно светский образ жизни монсеньор епископ Квирини, лицемерные льстецы Палески и Убертини? А Козимо Миньявелли, Одантонио Ланди, Теренцис Турамини и Аничетто Грифоли? Кто они, воспитавшие сыновей, способных всемером надругаться над девушкой? Но не только. Лгал и притворялся и Камилло Тонди, стараясь если не попасть в тон творящемуся в окружении Петруччи, то явно нося маску дурака-Панталоне, и только случайно трагические обстоятельства приоткрыли Альбино его подлинное лицо.

Альбино порой казалось, что и Фантони, изломанный и кривляющийся фигляр, тоже носит маску, что он умней и серьёзней, чем нарочито хотел выглядеть. Но зачем? Что связывает его с этими людьми? Монна Анна уверяла, что он даже сводничает для них. Если это так — то он, конечно, погибшая душа, но ведь в разговорах с ним проступали, Альбино чувствовал это, мощь духа и истинные суждения. Франческо понимал, что вокруг творится беззаконие, однако участвовал в нём. Зачем? Хотел возвыситься до положения советника, вроде Венафро, или стать фаворитом Марескотти?

Глава XI. Смерть у Фонте Бранда

За ту неделю, что минула после смерти Карло Донати, с Филиппо Баркальи, работавшим рядом с Альбино, произошло нечто страшное. Он и до того день ото дня бледнел и худел, теперь же казался просто недужным, шаркал ногами при ходьбе и спотыкался на ровном месте. Филиппо не спрашивал больше Альбино о погибшем, ибо сам был на свадьбе в доме Убертини, он просто сидел и, когда мессир Арминелли не видел его, тупо смотрел в пустоту. Альбино было жаль его, жаль, несмотря на то, что его братья погибли по вине этого человека. Слишком заметен был его дурной страх, слишком бросалась в глаза пустота души несчастного.

Сам Альбино уходил в работу, и некоторые манускрипты собрания Петруччи подлинно заинтересовали его. В одну из тех минут, когда он был поглощён переводом, монах неожиданно услышал знакомый голос и оторвался от рукописи. Под сводом полукруглого арочного входа стояли Филиппо Баркальи и Никколо Линцано.

— ... А что он?

— Ничего. Случайность, говорит, вроде, но... — голос Линцано, к удивлению Альбино, дрожал.

— Что «но»? — прошептал Баркальи.

— Ему эта девка давно приглянулась, он велел этому гаеру Фантони привести её к нему, а тут... невесть почему прислал сказать, что передумал.

— Почему?

— Не знаю.

Голоса собеседников, несмотря на то, что говорили они негромко, далеко разносились под гулкими библиотечными сводами. Альбино понял, что Никколо Линцано испуган — почти так же, как Баркальи. Но не это насторожило его. Ему причинило немалую боль упоминание имени Франческо, причём понятно было, что Линцано действительно считал его сводником. Монах с отвращением подумал, что судьба могла привести его в дом именно того человека, который, может быть, посмотрел для мерзавца и его сестру. Речь, однако, безусловно, шла о Фабио Марескотти. Это он велел не приводить к нему новую девицу. И почему — тоже было понятно. В словах Линцано и Баркальи это понимание не проговаривалось, но проступало, просто оба не хотели говорить об этом вслух.

Марескотти перепугался и не хотел привлекать к себе внимание новыми скандалами.

Тем временем Филиппо и Никколо неторопливо спустились по лестнице к выходу. Альбино собрал рукописи, сложил их, не столько проявляя всегдашнюю аккуратность, сколько стараясь оттянуть время, чтобы не встретить Линцано и Баркальи у дверей палатки. Когда прошло около четверти часа, он вышел в прохладу вечернего сумрака. Солнце уже село, но его лучи ещё пронизывали стрелами розовато-палевого света дымные облака на закате, и Альбино невольно залюбовался, снова с тоской вспомнив монастырь и брата Гауденция.

Он двинулся к дому монны Анны, опять поймав себя на тягостном воспоминании о Франческо. Неужели он всё же подлец, и он ошибся в нём? «Недоверчивость бывает пороком глупца, а доверчивость — слабостью умного. Равный порок — и верить всем, и не доверять никому, только первый благороднее, а второй — безопаснее», сказал Гауденций. Он же доверился Фантони, доверился не умом, но сердцем. Увы, сердце может так же

ошибаться, как и голова.

На душе монаха стало тоскливо и гадко, и Альбино решил прогуляться, чтобы вернуться в дом Фантони как можно позже. Он побрёл по Дуомо и тут впереди на парапете фонтана вдруг увидел чёрного остроухого кота, который, задрав хвост, пытался лапой зачерпнуть с поверхности воды отражение солнечного блика. Монаху показалось, что он узнал кота и тут же понял, что не ошибся, заметив на скамейке мессира Камилло Тонди. Тот сидел, откинувшись, и с благодушной улыбкой давал указания Бочонку. Одинокое прохожие, мелькающие мимо палаццо Пикколомини, не обращали на толстяка и кота никакого внимания, из чего Альбино заключил, что зрелище это для них привычное.

Альбино поприветствовал мессира архивариуса.

— О, мой юный друг! — судя по тону, Тонди подлинно обрадовался ему. — Как хорошо, что мы встретились.

— Как чувствует себя Бариле? — задал Альбино первый пришедший ему в голову вопрос, но, как оказалось, донельзя угодил собеседнику, ибо ничем нельзя было более порадовать одинокого библиофила, чем вниманием к его любимцу.

Альбино узнал, что котик сегодня отменно позавтракал рыбой, которую он, Тонди, выловил вчера в собственном бассейне, куда по ранней весне выпустил мальков, а вот обедать не стал, удрал в библиотечный подвал, поймал там мышь и растерзал её на полу у входа в архив, сожрав всю, кроме хвоста. Настоящий хищник! Бочонок, словно почуяв, что говорят о нём, соскочил с парапета и запрыгнул на колени хозяина, подставив ему остроухую голову для нежного поглаживания и звонко замурлыкав.

Альбино опустил на скамью рядом с толстяком. Его боль и душевная тягота неожиданно прорвались.

— Скажите, мессир Тонди, а Франческо Фантони... Его называют сводней. Неужели это правда?

Мессир Камилло воспринял переход в разговоре спокойно, благожелательно посмотрел на Альбино и ответил:

— Мессир Франческо ещё очень молод, он может делать глупости, но может и покаяться в них.

— Господи, но чего ему не хватает? Кем надо быть и что иметь в душе, чтобы согласиться на такое ремесло? Это же совсем Бога забыть надо!

— Ну, полно, мой юный друг, вы излишне горячитесь. Чем вы заняты у Арминелли? Много ли у Элиджео работы? Вы выглядите усталым...

Оба, не сговариваясь, поднялись и побрели к окраине. Узенькие каменистые улочки петляли, ветвились, уходили в арки, спускались в подворотни домов, нависавших над ними темными черепичными крышами. У собора Сан-Доменико они остановились. Солнце давн исчезло, и в потемневшем небе проступил месяц. Они заговорили о творящемся вокруг, Альбино почти бездумно спросил, в чем причина сиенских беззаконий?

— ... Наше время — время усталой веры, мой юный друг, — заметил Тонди. — Чумные времена убили цвет ума и духа, выжившие или потеряли разум, или утратили Бога. Потом потерявшие разум и утратившие Бога начали искать себе кумира и нашли его в себе же, — Тонди вздохнул и погладил кота. — А ведь человек носит в себе небо и ад, Бога и дьявола. Наша эпоха — эпоха страшной смеси, человек возомнил себя Богом, дерзнул на Небо, и тут же, как любой, дерзнувший на Небо, уподобился дьяволу.

Альбино вздохнул. Ему нравилось брести в сумерках с этим человеком, слышать, как он

говорит ему «мой юный друг», душа его успокоилась от недавнего томления, пришла в себя. Мессир Камилло разумен, подумалось ему, и кроме того, он лучше знает Фантони. Если он не видит в происходящем ничего страшного, то, может быть, так и есть?

Но Альбино понимал, что лжёт себе.

Тонди меж тем прошёл вниз от базилики, туда, где находился старинный и самый полноводный источник Фонте Бранда, снабжающий жителей города водой, вращавший мельницы и дававший работу дубильщикам, красильщикам шерсти и прачкам. Сюда собиралась вода чистых ручьёв с окружавших Сиену холмов. Тонди замер у тяжёлого арочного свода, залюбовавшись игрой лунного света в прозрачной мерцающей изумрудами воде Фонте Бранды, а Альбино, вспомнив слова матери, что тело его несчастной сестры было найдено в одной из галерей источника, помрачнел и в изнеможении прислонился к стене.

— Мне приснился недавно странный сон, — обронил вдруг архивариус. — Я с утра читал книгу пророка Ионы, кутался в плед и думал, почему так холодно? Потом уснул и видел, словно был конец сентября, один из тех дней, когда в холодном воздухе, знаете, впервые проступает запах мяты, талой воды и какой-то бесплотной сырости. Глаза сонно слипаются и мёрзнут пальцы — предощущением будущих холодов. Я ощутил во сне, как мои пальцы дрожат на морозе, но во сне я тоже читал и перелистнул страницу: «...Когда во мне изнемогла душа, я вспомнил о Господе...», прочёл я. И вдруг увидел, как потемнели небеса, а у луны был цвет олова. Сорок дней ещё у Ниневии, услышал я голос. Его голос... Холодно. Господи, как же мне в том сне было холодно. И я забыл, что я в Сиене, точнее, Сиена стала Ниневией, и ей оставалось до гибели только сорок дней! Я взмолился о прощении, но не понимал — Тот, Кто там, за этими всеми звёздами, Кому хором поют ангелы — внемлет ли моему покаянному голосу? Ниневия!.. Город мой!.. Небеса были немые. Только холод. Господи, как же было холодно...

— Бог простил Ниневию.

— Да, но мне во сне было страшно, — кивнул Тонди.

— Наверное, вы просто сердцем понимали, что Сиена — не Ниневия, и она не покается?

— Наверное... Сорок дней...

Они были здесь не одни. Вокруг сновали торопящиеся по домам горожане, и их легко можно было отличить в толпе от влюблённых. Те шли медленно, порой теряясь и словно растворяясь в тенях деревьев, откуда мелодично звенел томный девичий смех. Но один горожанин, явно одинокий, тоже никуда не спешил. Он сидел на мраморном уступе источника, привалившись к стене и глядя в пустоту.

Альбино вдруг ощутил на запястье хват чужой руки, жёсткий и властный. Камилло Тонди, держа под мышкой кота, почти силой стремительно повлёк его к центру города, возвращаясь обратно к Сан-Доменико, и остановился только в сорока шагах от входа в базилику, на пустынном месте, освещённом скудным лунным светом. Монах ничего не понимал, но дал себя увлечь. Они отошли почти на сотню шагов.

— Извините, мессир Кьяндарони, но нас могут неправильно понять, — пояснил мессир Камилло, отпуская его руку и поднимая к себе на грудь кота. — В конце концов, какая разница, кто его обнаружит, но если вспомнят о мессире Грифоли, Бог весть, чем всё кончится. А я, вы уж простите старика, предпочитаю проводить ночи в своей постели, а не в каталажке.

Альбино тупо смотрел на архивариуса. Что он говорит? Толстяк же, поймав его недоумевающий взгляд и убедившись, что рядом никого нет, тихо растолковал:

— Там мессир Линцано. Я знаю некоторых людей, любящих смотреть на игру лунного света на воде, но мессир Никколо к ним не относится. Да и взгляд его... странноват. Похоже, он мёртв.

Альбино окаменел, ощутив свинцовую тяжесть в ногах и лёгкое головокружение.

— Линцано? — прошептал он Бог весть зачем, хотя прекрасно расслышал Тонди.

Тот кивнул.

— Будет немного странно, если вы, я и Бочонок снова найдём покойника, — поглаживая кота, сказал архивариус. — В этом могут увидеть дурную закономерность, а подеста у нас — человек подозрительный, убедить же его, что всё случайно, будет непросто. Утром его неминуемо обнаружат и тогда ста...

Договорить ему не удалось.

От Фонте Бранда донеслись крики, точнее — мужской крик сменился высоким и надрывным женским визгом, спустя минуту раздался топот нескольких ног, сверху они видели мелькание теней у источника, вскоре до них донёлся топот, и внизу замелькал хаотично мелькавший свет нескольких факелов. Подошёл патруль. Пока они наблюдали за происходящим внизу, Альбино успел осмыслить слова мессира Камилло и признать его действия правильными. Было бы подлинно странно, если тело ещё одного охранника Марескотти обнаружили бы снова они. Это действительно могло вызвать подозрения, и монах не мог не отдать должного быстроте соображения архивариуса. Но поняв всё это, он наконец обратился мыслями к сути случившегося. Никколо Линцано мёртв? Альбино видел его на закате, всего пару часов назад — живым и здоровым.

— А вы уверены, что он мёртв?

— Теперь — да, хоть и раньше не сомневался, — кивнул Тонди, — видимо, после нашего ухода его заметили и окликнули, а возможно, что и качнули. Крики больно громки. Впрочем, — безмятежно сказал он, — мы теперь можем подойти и поближе и осторожно затеряться среди зевак. Это в том случае, если вы не уснёте до утра, не узнав, что произошло с мессиром Линцано. Что до меня, — толстяк сладко зевнул и томно поёжился, — я бы пошёл домой. И прохладно становится, и Бочонок уже не прочь поужинать.

Альбино потёр заледеневшей рукой разгорячённый лоб и кивнул.

— Вы правы, мессир Тонди. Вместе мы приметны. Я постараюсь незаметно подойти поближе и узнать, что только возможно.

Архивариус бросил на него ироничный взгляд, пробормотал: «Эх, молодость...» и любезно попрощался. Альбино проводил его взглядом, вздохнул и, стараясь ступать как можно тише, пошёл по спуску к источнику. Он мог бы и не прилагать никаких усилий к тому, чтобы остаться незамеченным: зевак у трупа столпилось изрядное количество, покойный лежал теперь на траве, освещённый ярким светом факела. На его лице застыло выражение страха и злости. Волосы были почему-то мокрыми.

То, что Линцано мёртв, подтвердила и парочка влюблённых, обнаружившая труп вместо них с архивариусом. Девица, заикаясь, твердила, что он упал сам, а молодой человек объяснял патрулю, что его зовут Марко Рисабилли, он из контрады Гуся, его тут каждая собака знает, он гулял с невестой, она тоже из его контрады. Он обратился к покойному, но тот не ответил, и тогда он, Марко, увидел его странный взгляд и словно сведённую судорогой руку. Он коснулся его плеча, спросил, не плохо ли ему, а тот вдруг завалился в

источник, и он, Марко, еле успел его подхватить. Сам же он покойного не знает и никогда раньше не видел.

Тут в узком проулке с юга раздался цокот лошадиных подков, и на свет факелов выехали двое, в которых Альбино сразу узнал Пасквале Корсиньяно и Лоренцо Монтинеро. Оба одновременно соскочили с лошадей и, не слушая начальника патруля, грубо раздвинули толпу и едва не столкнулись головами у лица покойника. Потом оба отпрянули и посмотрели друг на друга. Лица Монтинеро Альбино не видел, на него падала тень капюшона, но лицо подеста отразило такую гамму чувств, что Альбино невольно улыбнулся. Мессир Корсиньяно сверкнул глазами, прорычал что-то неразборчивое и довольно потёр руки. Меж тем Монтинеро наклонился, тщательно осмотрел тело, даже перевернул его, потом распорядился принести носилки и приказал людям из патруля отнести тело в подестат. Теперь он откинул капюшон и взглянул на начальника.

— Я полагаю, вердикт врача будет тем же, что и в случае с Донати. Это остановка сердца. На нём ни капли крови, ни одной царапины.

— Чёрт знает что. Как это может быть? Ты ещё скажи, что он жив...

— Ну, зачем же? — пожал плечами прокурор, — надо, чтобы его осмотрел наш медик. Он окоченел. Донати, кстати, был таким же.

— Шесть человек, один за другим...

Монтинеро покачал головой.

— Первые два трупа были изувечены, третий не найден, у четвёртого перелом шеи. — Он поднялся, заметив, что привезли носилки. — Выводы делать рано. Надо известить мессира Марескотти и родных Линцано.

— Возьми это на себя, — велел подеста, вставив ногу в стремя, — завтра утром я сообщу обо всем капитану народа, заодно буду уже знать, что скажет врач, — он вскочил в седло и исчез в тёмном проулке.

Мессир Монтинеро, какие бы чувства не вызывал он у Альбино, явно был человеком основательным и пунктуальным. Он тщательно допросил нашедших тело, узнал, в какой позе обнаружен погибший и приблизительно установил время смерти. Потом, кликнув одного из подчинённых, сказал, что ему нужно заехать в палаццо Марескотти, узнать, где и когда погибшего видели в последний раз, а своего подначального направил в дом Линцано. Встретиться они договорились в подестате ближе к полуночи.

Альбино мог бы помочь прокурору, он знал, где и с кем покойник провёл свои последние часы, но, вспомнив архивариуса, решил не вмешиваться. Ему, и вправду, не следовало попадаться на глаза представителям правосудия.

После того, как тело увезли, толпа зевак быстро рассосалась, и Альбино побрёл к церкви святого Августина на улицу Сан-Пьетро, по дороге настойчиво размышляя об увиденном. Думать, что кара Божья столь услужлива, что убирает для него одного подлеца за другим — было бы, конечно соблазнительно, но не чересчур ли всё это? Шесть смертей едва ли не за шесть недель? Кара с точностью часового механизма и неумолимой закономерностью маятника обрушивается на головы насильников и убийц, и в этом невозможно разглядеть ни малейшего злого умысла. Возможно ли такое?

Никколо Линцано не хотел умирать. Альбино видел его всего за два часа до смерти. Он был перепуган, насторожен и озабочен. Что он сказал? «Ему эта девка давно приглянулась, он велел этому гаеру Фантони привести её к нему, а тут... прислал сказать, что передумал» Из этих слов было непонятно, кого именно прислал Марескотти к Фантони — самого

Линцано или кого-то другого? Равно непонятно было — о какой девице идёт речь? О Лауре Четоне или о какой-то другой?

Если мессир Фабио послал к Франческо именно Линцано, то как понять: Никколс только собирался к Франческо или они уже виделись? И если покойный искал встречи с Фантони — то об этом знает и Баркальи. Баркальи вообще знает гораздо больше его, ведь Альбино услышал только конец их разговора. А раз так... Фантони мог быть последним, кто видел Линцано и... Что — и? И убить его? Альбино покачал головой. Линцано был на голову выше и крупнее Франческо, случись между ними драка или поножовщина, Фантони мог за счёт своей невероятной ловкости уйти живым, или даже ранить Линцано... но ведь прокурор сказал, что никакой раны на теле покойника нет! Не было и никаких следов удушья. Да и зачем, помилуйте, Фантони убивать Линцано, тем более, если он поставляет девиц Марескотти?

Монах свернул на улицу святой Катарины и остановился. Здесь, в глубине постоянного двора, танцевала небольшая компания в десяток человек, прямо столе громоздился бочонок вина и на вертеле в свете факелов красовались остатки зажаренного бычка, остро пахло кориандром, тимьяном, эстрагоном и чесноком. Потом под восторженные крики повар внёс поднос, пахнуло базиликом и орегано, майораном и маслом канолы.

Альбино не заметил тут пожилых людей, то явно было сообщество молодых бездельников.

Ум не зорек, манит морок —
власть, богатство, слава, честь.
Морок тает, чёрт играет
С нами вечно — бед не счесть:
Именитым, родовитым
именем кичиться грех.
Все мы с вами — христиане,
Кровь Адама в нас во всех.
Видишь — плиты, мхом покрыты.
Речь умерших понять не дано.
Меч всесильный, посох пыльный
в тьме могильной — всё одно...

За столом в центре восседал юнец лет двадцати со счастливо-пьяными глазами, которыми он озирает пиршество. Но тут Альбино остановился. Музыканты смолкли, раздался крик: «Живи и здравствуй, Душка!!» Две девицы, совсем юные, подскочили к юнцу и поцеловали его и он, и без того сияющий, окончательно зарделся. Зазвенел гитарный перебор и в центре двора появился Франческо Фантони, который, выделывая ногами кренделя, весело загорланил:

Кто ценит свежесть нежных роз,
Тот рвёт их на рассвете,
Чтоб в полдень плакать не пришлось,
Что вянут розы эти.

Спешите же замуж поскорей,
Тут нечего стыдиться, —
Ведь роза, став на день старей,
В петлицу не годится.

«В петлицу не годится!» — дружно подхватили веселящиеся и запрыгали в ритме сальтарелло. Как ни странно, Фантони снова был трезв, по крайней мере, настолько, чтобы заметить у ворот Альбино, удивиться и подойти к нему.

— Мессир Кьяндарони, какими судьбами?

— Я... просто случайно свернул... Перепутал квартал. Но вы знаете, что случилось?

— У нас? — Фантони рассмеялся, и Альбино понял, что он всё же немного хмельной, — конечно, знаю: мой дружок Душка отмечает сегодня день ангела, и я выставил ему бочонок вина и бычка. А это, — он показал на лихо отплясывавших девчонку и юношу — Мушка и Чушка, мои товарищи по цеху бродячей музицирующей шпаны, остальные — гости Душки. Присоединяйтесь.

— Вы... Я не о том. Погиб мессир Линцано. Его тело полчаса назад обнаружили у Фонте Бранда.

— У источника? — спокойно удивился Франческо, он, казалось, ничуть не был поражён, однако тут же осведомился, — а вы там что делали?

— Гуляли с мессиром Тонди и Бариле.

— Что у вас, что у мессира Камилло, просто дар обнаруживать трупы, — развёл руками Фантони, — опять Бочонок, что ли, пить захотел?

— Нет, мессир Тонди заметил его и мы... — Альбино растерялся. — То есть он увидел труп и увёл меня. Но тело нашли спустя считанные минуты. Но не мы, он успел отойти и меня оттащил.

Франческо усмехнулся.

— Правильно сделал, а то вам троим присвоили бы в Сиене звание «авантюристов-трупоищателей». Не следует часто попадать в поле зрения мессира Корсиньяно: у него хорошая память.

— Но ещё, — Альбино смутился, однако быстро овладел собой, — я услышал разговор мессира Баркальи и Никколо Линцано на вечерней заре. Они уходили из архива, и мессир Линцано сказал, что мессир Марескотти... хоть и считает произошедшее с его людьми случайностью, он велел вам ту девицу, о которой вы договаривались, не приводить к нему. Никколо сказал, что Марескотти прислал сказать вам, что передумал, — Альбино впился глазами в лицо Франческо.

Фантони смотрел на булыжники, коими была вымощена улица, и молчал.

— Он виделся с вами?

Франческо поднял на него глаза, усмехнулся и покачал головой.

— Ну, где бы он со мной увиделся, если я был тут с окончания вечерней службы? Может, он заходил ко мне домой, того не знаю. А вообще, вам бы, мессир Кьяндарони, — он наклонился к самому уху Альбино, — лучше держаться подальше от этого дела. Если мы, трепеща, взволнованно наблюдаем в этих смертях проявление величавой и всесильной Божьей кары, то глупо, поверьте, болтаться между ног Рока, ибо раздавить может... ненароком. Если же это — дело рук человеческих, — он усмехнулся, — то оснований

вмешиваться ещё меньше. Никогда не следует соваться между теми, кто сводит счёты. Ибо по голове можно получить... невзначай.

— А вы по-прежнему считаете это делом человеческих рук?

— Я по-прежнему считаю происходящее своевременным, справедливым и неслучайным. И будет об этом.

Альбино бросил испытывающий взгляд на Фантони. Он ничего не понимал. Сказанное им о Марескотти не произвело на Сверчка никакого особого впечатления. Смерть Линцано тоже оставила его равнодушным. Альбино понял, что или Фантони подлинно нет дела до гибели присных Марескотти, либо он знает об этих смертях куда больше, нежели говорит.

Глава XII. Копыто дьявола

— Да неужто вы заткнулись, горлопаны чёртовы? — женский голос с верхнего этажа дома напротив опрокинулся на них, точно облив ушатом помоев. — Это ж надо, с шести пополудни и до самой ночи глотки драть! Певуны очумелые, сколько можно-то?!

— Да, голос мой умолк, я больше не спою... — пропел Фантони, к изумлению Альбинс взяв удивительно высокую ноту, отчего, как показалось монаху, в окнах задребезжали стекла, и окно наверху с треском захлопнулось.

Монах посмотрел вверх, но кроме ряда тёмных окон уже ничего не увидел. Однако Франческо и его дружки были оправданы этим неожиданным свидетельством: стало быть, и вправду с конца вечерней они были здесь.

Альбино вернулся на улицу Сан-Пьетро в сопровождении Фантони, распрощавшегося с дружками и подружками сообщением о гибели Никколо Линцано возле Фонтане Бранда. Никто не выразил скорби, кое-кто присвистнул, а юная девица, которую Альбино заметил ещё тогда, когда они втроём распевали под окном Сверчка, блеснула глазами и выразила желание побывать там. Вся подвыпившая компания горячо её поддержала, а танцевавший с ней до того юноша сказал, что сейчас самое время освежиться.

— Мушка, только ради Бога, не пускай Чушку купаться в источнике! — приказал Сверчок, и юнец кивнул.

Компания со смехом поднялась, они забрали инструменты и растворились в тёмном проулке.

— А что... Девушку зовут Чушкой?

— Её зовут Клара Сирлето, и она сестра Мушки, которого зовут Бруно Сирлето, — просветил его Фантони, — а с каких это пор вас интересуют девицы? Мне казалось, что «бедный любитель книг», как вы себя отрекомендовали, до сих пор не очень-то замечал красоток вокруг.

Альбино смутился и промолчал, впрочем, Фантони и не ждал ответа, а тут же заметил ему:

— Завтра начнётся следствие, и если будет такая возможность, обязательно упомяните прокурору или подеста, что вы видели Никколо Линцано около восьми часов — говорящим с мессиром Баркальи.

Монах изумился.

— Я должен сказать им это?

— Не ищите случая, — рассудительно сказал Фантони, — но если он представится — не упускайте его. Последним его живым видел Баркальи... — на лице Фантони мелькнула и погасла гаерская улыбка. — Это может быть важным.

Альбино смерил Франческо недоверчивым взглядом.

— Баркальи? Вы верите, что этот человек мог расправиться с Линцано?

— Мы, кажется, с вами пришли к мнению, что гибель подручных мессира начальника гарнизона — дело рук Провидения. Однако мессир Баркальи может помочь... выследить пути этого Провидения, исследовать пытливым глазом роковые стези... стези Рока, я хотел сказать, — поправился наглещ. — Мессир Линцано уже, как я понимаю, ничем не поможешь, но беседа с мессиром Баркальи создаст у подеста и прокурора уверенность, что они честно сделали всё возможное... — в голосе Франческо проступила нескрываемая

ирония.

Они уже были на улице Святого Петра, где почти во всех окрестных домах горели окна, на фоне которых прорисовывались силуэты кумушек-соседак. На пороге дома Фантони стояла монна Анна. Увидев их вместе, она несколько опешила, но только на мгновение. Оказывается, мессир Флавио Риччи, их сосед, только что принёс им весть о гибели Никколо Линцано, и сейчас это известие подробно обсуждалось всем кварталом Черепашей контрады.

О мёртвых здесь, как понял монах, говорили только правду. Простояв у дома меньше минуты, Альбино и Франческо узнали, что покойный мессир Линцано был редкой свиньёй, который обложил данью торговков на Старом рынке и выгнал оттуда старика Лино, безногого инвалида, который осмелился ему перечить. У честной вдовы Лучии Гонтини он свёл со двора дочь, потом, натешившись, ославил её и сегодня бедняжка просит милостыню у собора, а несчастная мать тогда же умерла от горя. Когда же отец Никколо, мессир Франческо Линцано, стал упрекать сына в содеянном, мерзавец замахнулся на него и ударил, заорав, что не потерпит, чтобы его учили. А что творил он вместе с подручными своего начальника, негодяя Марескотти? Сказать страшно.

Франческо Фантони шепнул матери, что мессир Кьяндарони просидел весь день в книгохранилище и, конечно, голоден, и провёл его в дом. Пока Альбино ужинал, Сверчок несколько раз высовывался в окно, слушая пересуды кумушек, потом, угнездившись на подоконнике с гитарой, тихо пробежал пальцами по струнам и запел старинную серенаду.

Покойной ночи, ангел мой.
Ты спишь давно, и твой покой
лелею серенадою ночной
Покойной ночи, ангел мой.
Покойной ночи, ангел мой.
Я вечный раб покорный твой,
Вздыхаю о тебе одной.
Покойной ночи, ангел мой.
Покойной ночи, ангел мой...

Голос Фантони, нежный и страстный, казалось, усыпил квартал, злоречивые сплетницы умолкли и исчезли в окнах, звезды проступили и приблизились, заглядывая с небес во дворы и улочки, они пульсировали и вспыхивали, точно силясь разглядеть в своём свете певца. Но Франческо, едва допев, захлопнул окно и сказал Альбино, что идёт спать.

* * *

Поднявшись к себе и затворив дверь, Альбино сел на ложе и бездумно уставился в ночное небо, куском чёрного генуэзского бархата проступавшего в окне. Он прочитал вечерние молитвы и умолк. В его голове не было мыслей, точнее, монах не знал, что и думать, а так как сидел он в темноте, веки его постепенно смежились, он опустил голову на подушку, погрузившись в ночь сна — тёмного, без фантомов и сновидений.

...Утром Альбино в обычное время был в книгохранилище и сразу заметил, что о смерти Никколо Линцано уже известно всем. Мессир Арминелли был задумчив, сидел, подперев щеку кулаком и уставившись в пол, писари перешёптывались, а Филиппо Баркальи, со страшно ввалившимися глазами и трясущимися руками, пытался что-то писать на сером пергаменте, но перо не держалось в его пальцах, скользило и то и дело выпадало из рук. Альбино вспомнил слова Фантони о том, что Баркальи последним видел Линцано живым но несколько не поверил, что перед ним — убийца.

Стало известно, что в полдень мессир Петруччи распорядился пригласить подеста и прокурора, мессир же Марескотти был у него с девяти утра. Один из писцов проболтался, что Паоло Сильвестри ночью пытался бежать, собрал вещи, но был остановлен людьми прокурора Монтинеро, как раз собиравшегося допросить его. Сейчас он в подестате — под арестом.

— Вы думаете, это он уколошил дружка? — удивлённо спросил писца Массимо Чези, переводчик с греческого языка.

— А почему нет? Он все время крутился рядом, и кто знает, может, хотел убрать приятелей, чтобы самому стать начальником охраны?

— На место Грифоли метил? Пусть так, но зачем Донати и Линцано убивать? А, главное, как убил-то?

Этого писец не знал, но сохранял вид многозначительный и загадочный, дававший собеседникам понять, что он кое-что рассказал бы, да не может.

Двери распахнулись, и на пороге возникли подеста Пасквале Корсиньяно и прокурор Лоренцо Монтинеро. Альбино не пришлось выполнить просьбу Франческо и рассказывать им о встрече Никколо Линцано и Филиппо Баркальи, ибо слуги закона уже знали о ней. Они сразу направились к столу, за которым работал Филиппо, и потребовали ответа на вопросы, что делал тут Линцано вчера вечером, о чём они говорили и куда потом оба направились?

Баркальи сильно побледнел, губы его затряслись, и он нервно ответил, что Никколо пришёл к нему в книгохранилище незадолго до его ухода. Они с Никколо — родственники, пояснил он, их матери — родные сестры, и Линцано зашёл по дороге от своей родни. Никколо пригласил его на день своего Ангела в субботу, они немного поболтали о том, о сём, и вместе вышли, дойдя до постоянного двора матушки Розалины, что неподалёку от Сан-Доминико. Он, Филиппо, остался там поужинать, а Никколо ушёл к базилике.

Альбино удивило, что Баркальи уклонился от того, чтобы передать стражам закона весь свой разговор с Линцано, не менее изумился он известию об их родстве, а тон, каким говорил Баркальи о встрече, и вовсе поразил его. Филиппо не пытался ничего уточнять, не оправдывался и даже не боялся, что его самого заподозрят в убийстве. Его потерянный взгляд упирался в пустоту и, сидя перед подеста, Баркальи явно не видел его. Прокурор обещал уточнить у Розалины, ужинал ли там Баркальи, тот же, услышав это, только тупо кивнул. Нервное напряжение несчастного, как понял Альбино, сменилось вялым безразличием и равнодушием ко всему, не только к судьбе двоюродного брата, но и, похоже, к своей собственной.

— А что говорил Линцано о гибели Пьетро Грифоли и Карло Донати? — резкий каркающий голос подеста снова разрезал воцарившуюся тишину библиотечного зала.

Баркальи приметно вздрогнул.

— Он... он... — Филиппо, казалось, сглотнул репейник, — он считал, что это... что это дьявол.

— Что? — изумился подеста, переглянувшись с прокурором. — Он, что, рехнулся?

Монтинеро тоже склонил голову набок и глядел на допрашиваемого с явным подозрением, точно спрашивая себя, не с безумцем ли столкнула его судьба? Баркальи же были безразличны его предположения. Он не поднимал глаз от плит пола и твёрдо сказал:

— Он видел его.

Под сводами книгохранилища прозрачной паутиной повисла тишина, в которой проступили почти неразличимые ранее шелест листьев клёна в распахнутом окне и ровное жужжание насекомых на дворе.

— Кого видел? — с непередаваемым выражением на лице уточнил подеста, самым тоном вопроса тоже обнаруживая явное сомнение в здравомыслии допрашиваемого.

Баркальи по-прежнему смотрел в пол и, не поднимая глаз, ответил:

— Беса видел, тот подкрадывался к нему ночью, и говорил, что он — следующий, что его ждёт ад. У дьявола этого, говорил, рога были и хвост. Никколо, правда, иногда считал, что это ему мерещится, но вчера сказал, что это точно дьявол.

Прокурор и подеста переглянулись, но если в глазах мессира Монтинеро было явное подозрение на перепой и пьяные видения погибшего, то мессир Корсиньяно казался теперь задумчивым и настороженным. Он спросил у Монтинеро:

— А то, что сказал Гвидо? Это не может быть... следствием...

Монтинеро на минуту задумался. Вызванный ночью врач подестата, Гвидо Мазаччи, вначале дерзко обругал всех, кто разбудил его среди ночи, потом грубо выругался, когда узнал, зачем его вызвали, дав понять присным Монтинеро, что покойник, если уж умер, мог бы подождать и до утра, а когда погибшего наконец раздели, синьор Гвидо взвизгнул и в безбожных выражениях завопил, что не собирается рисковать жизнью ради мерзавца. Площадная брань касалась тёмных глубоких язв в паху и на теле покойника, в которых синьор Мазаччи сразу распознал галльскую блудную болезнь.

— Следствием болезни? — подхватил прокурор мысль Корсиньяно, — да, многие бредят, но Гвидо не уверен, что он умер от заразы. У покойника зачоченели руки. И рано ещё, Мазаччи сказал, он мог протянуть ещё пару лет.

Подеста пожевал губами и зло прихрюкнул. Потом вздохнул и почесал за ухом:

— А что если подлинно дьявол? Следов-то нет.

— Ну, нет, — решительно поднялся прокурор. — Вздор это всё. Думать, что дьявол, наградив его распутной галльской заразой, от которой все блудники мрут за пять-семь лет, разлагаясь заживо, ещё и снизошёл до того, чтобы лично угробить дурня? Зачем такое беспокойство? Дьявол, вон, спроси у Квирини, вечен. Он вполне мог подождать пару лет, пока Линцано помрёт сам. Неужто в адских котлах пусто? Привиделось ему всё это.

Подеста вздохнул.

— Да, хвостатого не допросишь. А так мысль интересная.

Монтинеро не спорил.

— Да, возможно. Но нам пора к мессиму Петруччи.

— Рано ещё, — покачал головой подеста. — Меня интересует, умер ли он от остановки сердца или нет?

— Гвидо отказался его вскрывать, говорит, это опасно.

— А точно, что это не от галльской заразы? — с надеждой в голосе спросил Корсиньяно. — Если он не вскрывал его, то откуда знает?

Монтинеро расслышал эту надежду.

— Он не уверен, просто предполагает. Может, и от неё, почему нет? Поверхностный осмотр ничего, кроме язв, не выявил.

В арочном проходе появились капитан народа, его советник Антонио да Венафро и епископ Гаэтано Квирини, почему-то облачённый в скромную монашескую рясу, сзади них маячил Фабио Марескотти. Подеста торопливо поднялся, извинившись, что, занятые допросом, они с мессиром Монтинеро пропустили назначенное время. Пандольфо Петруччи махнул рукой и спросил, что удалось узнать о гибели мессира Линцано? Подеста бросил быстрый взгляд на врага: Фабио Марескотти, исхудавший и бледный, стоял, глядя в пол, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Когда он минутами поднимал глаза, его потухший взгляд окидывал собравшихся, но едва ли их видел. Было заметно, что начальнику гарнизона абсолютно всё равно, что скажет сейчас Корсиньяно.

Тот понял это и отчеканил, обращаясь к капитану народа:

— Мы проследили его последний путь. Он вышел из палаццо Марескотти около шести, его видели в трактире папаши Леонардо, он выпил только стакан вина и пошёл сюда, в книгохранилище, где встретился с мессиром Баркальи, своим двоюродным братом. Оба они вышли отсюда около восьми, мессир Баркальи свидетельствует, что остался ужинать у Розалины, а мессир Никколо пошёл дальше от Кампо. Мы ещё не проверили, точно ли они расстались там, но около половины десятого у источника Фонте Бранда было обнаружено тело Линцано. Наш врач уверен, что покойный был болен галльской болезнью, но не может достоверно утверждать, что мессир Линцано умер именно от неё. В то же время он не нашёл на теле погибшего ни раны от кинжала, ни следов удушья или отравления. Мы ещё не установили, где был покойный с четверти девятого до половины десятого — нам не хватило времени, но наши люди сегодня узнают это.

— И ещё одно, ваша милость, — добавил Лоренцо Монтинеро, едва подеста умолк. — Мессир Сильвестри задержан вчера у гарнизонной конюшни. Он собрал вещи и намеревался удрать. Я прибыл туда для допроса и не мог отпустить его, тем более что с ним не было ни приказа, ни разрешения отлучиться. Сейчас он в подестате.

— Вы полагаете, это он убил Линцано? — задумчиво поинтересовался Пандольфо Петруччи.

— Нет, ваша милость, пока нет никаких оснований так думать, тем более что сам мессир Сильвестри заявил, что он просто смертельно перепуган и боится стать следующей жертвой не то неизвестного убийцы, не то... кое-кого пострашнее. Дело в том, — деловито продолжил он, — что в результате сбора улик всплыло следующее обстоятельство: мессир Линцано незадолго до смерти говорил мессиру Баркальи, что видел... — Прокурор сделал эффектную паузу в речи и, поняв, что внимание всех приковано к нему, артистично развёл руками, — видел дьявола, который подкрадывался к нему ночью и говорил, что он, Никколо, — следующий, что его ждёт ад. Натуральный чёрт, говорил, с рогами и хвостом. Мессир Баркальи уверяет, что мессир Линцано иногда считал, что это ему мерещится, но вчера сказал, что это точно дьявол.

Воцарилась тишина. Все молча размышляли над сказанным. Надо заметить, что немногие из присутствовавших в книгохранилище истово верили в Бога. Но дьявол? Тут безбожие не поможет, дьяволу-то плевать, веришь ты в него или нет.

— Ваше преосвященство! — Пандольфо Петруччи окликнул епископа Квирини, и он, очнувшись от каких-то своих неясных и сумрачных мыслей, обратил на капитана народа задумчивый взгляд умных карих глаз. — Это по вашей части. Этому можно верить?

Лицо Квирини исказилось насмешкой.

— Верить чему? — педантично уточнил он. — Надо различать тонкости. Можно ли верить в существование дьявола и в его могущество? Можно ли верить в видения, в которых больному мерещится дьявол? Или мы обсуждаем веру в возможность дьявола убить человека? Дьявол — анти-Христос: он чистая злая воля, нематериальный злой дух. Христос — лик, образ, по которому Бог сотворил человека, но дьявол отверг этот образ, поэтому он — не лицо, а живая личина. Так как он — не лицо, он множествен. Он — один дьявол, и он же — легион злых духов. У него одно желание — порвать с Сущим, быть несущим, то есть он не есть в прямом смысле этого слова. Но нельзя сказать, что «его нет». Он не есть в своём намерении. Но так как он есть своё намерение, то в итоге о нём «много сказать «есть», но мало сказать «нет»». Лживая личина есть в каждом из нас, но дьявол — ноуменальный, по мнению Аквината, носитель лживой личины, кроме которой у него ничего нет.

— О Боже, — со вздохом ворчливо прервал епископа прокурор Монтинеро. — Когда эти умники-богословы начинают говорить, порой просто перестаёшь понимать, о чём идёт речь, — пожаловался он. — Что за абракадабру ты нагородил, Нелло?

Епископ окинул прокурора высокомерно-наглым взглядом.

— Дьявол есть, Лоренцо, — растолковал он Монтинеро, — он может явиться зримо, а может и привидеться больному воображению. Но если дьявол бьёт, он редко делает это своим лошадиным копытом, чаще — своей человеческой ногой, но может лягнуть и... чужой ногой. Понимаешь?

— А, ну вот, это уже яснее, понимаю, да, — обрадовался Монтинеро. — Но как определить, привиделся погибшему дьявол или явился реально?

— И если речь идёт о чужой ноге, — осторожно вклинился в высокоумный богословский спор подеста, — то чья это может быть нога, а?

Монсеньёр епископ снизошёл до ответа, чётко соблюдая субординацию.

— Ну, вообще-то, мессир Корсиньяно, не стоит предлагать дьяволу огниво. У него своего огня достаточно. Он может воспользоваться чем угодно. И трудно сказать, чья нога ему под руку подвернётся. Что до подлинности видений покойного мессира Линцано, Лоренцо, — его преосвященство повернулся к прокурору, — отличить игру воображения от игрищ дьявола *post factum* и *post humum*, увы, уже невозможно. Как инквизитор, я мог бы, допросив его, различить эти сущности, но сейчас... — он с сожалением развёл руками, давая понять, что последний шанс следствия постичь истину в этом деле безвозвратно упущен.

Альбино недоумённо слушал глумящегося над правосудием монсеньора епископа, при этом, осторожно поднимая голову, наблюдал за Фабио Марескотти. Сегодня его ничто не возмущало и не бесило, он никому не возражал, что до кривляний Квирини, то мессир Фабио, казалось, их вовсе и не слушал. Альбино понимал, что творится в душе этого человека. Марескотти не мог и не хотел показать свой испуг, что уже которую неделю сковывал его внутренности, но страх этот проступал в появившейся робкой осторожности движений, загнанности взгляда и порой читавшемся в нём потаённом ужасе. Он озирался, как обложенный охотниками затравленный волк, боязнь которого была тем сильнее, что он не видел и не чувствовал подкрадывавшейся к нему беды, не ощущал угрозы, меж тем как та, подобно арбалетной стреле, била прицельно и ни разу ещё не дала промаха.

Дни мессира Марескотти стали кошмаром, ночи — жутью.

Пандольфо Петруччи, выслушав изгаляющегося епископа, вздохнул и приказал подеста продолжить расследование, сам же направился, как понял Альбино, в обеденную залу, и

вскоре в библиотеке не осталось никого, кроме писцов и переводчиков.

Монах уединился за своим столом и задумался над услышанным. То, что Баркальи не упомянул в разговоре с подеста о поручении, которое было дано Линцано Марескотти, могло объясняться как забывчивостью, так и тем, что Баркальи не придавал этому разговору с братом особого значения. Намеренно ли он скрыл это? Альбино подумал, что нет. В памяти Филиппо этот эпизод мог запечатлеться только как свидетельство страха мессира Фабио, и афишировать его он бы не стал, — хотя бы потому, что был и сам испуган не меньше. К тому же это могло скомпрометировать лишний раз и мессира Марескотти, выдав имевшиеся у него намерения, а мессир Баркальи не стремился заводить лишних врагов. Но приходил ли перед смертью Линцано в дом Фантони? Это можно было бы узнать у Лауры Моско или у монны Анны, но зачем? Допустим, приходил, не застал Фантони и решил пока сходить к источнику. Почему нет? Но всё это ничего не объясняло.

Однако если до сих пор Альбино по большей части был уверен в том, что кару негодяев вершит меч Господа, сегодняшние странные слова Баркальи изменили это мнение. Монах подумал, что Филиппо подлинно поразили признания Линцано о явлении ему дьявола. Но насколько можно было верить этому признанию Линцано? Был ли дьявол-то? Слова же монсеньора епископа Гаэтано о дьяволе, при всей неприязни к нему Альбино, были верны и каноничны. И его преосвященство очень чётко сформулировал все возможные варианты: «если дьявол бьёт, он редко делает это своим лошадиным копытом, чаще — своей человеческой ногой, но может лягнуть и... чужой ногой». Но странным было именно то, что человеческих следов рядом с погибшими не было. Не было и следов копыт. По сути ничего не было.

Но епископ прав в том, что дьявол «не есть», а раз так, само отсутствие следов говорило именно о присутствии нечистого.

Альбино, после того, как был отпущен мессиром Арминелли, направился к палаццо Пикколомини и застал мессира Тонди покидавшим библиотеку вместе с неизменным Бариле. Он сообщил архивариусу последние новости, и тот в ответ безмятежно кивнул.

— Хорошо, что мы успели убраться оттуда, — спокойно сказал мессир Камилло, — я сегодня нигде не гулял, похоже, куда ни выйди — напорешься на труп. Это не радует: нам с Бочонком обязательно нужно прогуливаться перед сном.

— А вы верите рассказу мессира Баркальи о дьяволе?

На высоком челе мессира Тонди, усугублённом к тому же лысиной, не отразилось ровным счётом ничего.

— Епископ прав, — идилически отозвался он, — либо это был дьявол, либо — бред больного воображения несчастного мессира Линцано. Мессир Никколо не был человеком праведным, смерти его друзей наверняка поразили его нездоровое воображение, возможно, он ощутил некое раскаяние и укоры совести, а, возможно, просто был до смерти перепуган. Дьявол часто мерещится грешным людям, насмехаясь, укоряя их в грехах и угрожая адом. Но, если вдуматься, сегодня это уже не имеет никакого значения, его преосвященство-то прав.

Кот Бариле звонко мяукнул на руках архивариуса, точно подтверждая эту мысль.

Альбино вздохнул и направился домой.

— ...Свеча моя, твой пламень быстротечный —
Подспорье мне, дабы мой ум постиг
Те знания, что из груди мудрых книг
Дано извлечь пытливости извечной.
Фитиль чадающий — образ жизни брэнной, —
Во тьме потух, но мне, сквозь смертный мрак,
Звезда Господня, вечной жизни знак,
Сияет в небесах красой нетленной....

Франческо Фантони, положив ноги на стол и глядя на пламя почти истаявшей свечи, напевал по возвращении Альбино эту незамысловатую песенку. Он ни о чём не спросил монаха, однако благожелательно выслушал его рассказ о расследовании гибели мессира Линцано и с особым интересом отнёсся к известию о следах дьявола в этом деле, полученных от Филиппо Баркальи.

— Стало быть, ничего не нашли и не найдут, — подытожил он рассказ Альбино. — Где появляется враг рода человеческого, иных мерзавцев искать глупо. Мне жаль, мессир Кьяндарони, что наши с вами догадки о стезях божественной кары оказались ложными и речь всего-навсего о шутках нечистого. Это снижает пафос возмездия.

Альбино с укором глянул на пересмешника.

— Всё шутите?

Фантони изумлённо вытаращил глаза.

— И не думал даже, — он почесал за ухом, зевнул и спросил, — так вам показалось, что мессир Марескотти перепуган?

— Да, — твёрдо ответил Альбино, ибо был уверен в этом. — Он перепуган до смерти.

— Кто бы мог подумать? — изумился Фантони и снова взял гитару, несколько минут перебирал струны, потом, после недолгого раздумья, заявил, — нет, я, пока не увижу хвост дьявола, буду считать это Божьи промыслом, это величественнее, — и затанул:

— Настанут времена: во храме
услышишь кубков звон, и не поймёшь
ты — в кабаке или притоне пьяном,
и блуд узришь распутных рож,
и брата брат предаст из-за дуката,
и будет покрывать убийцу власть,
святых одежд коснётся грязь разврата,
и скверны нам дадут упиться всласть.
Но жив Господь, и Он непоругаем:
постигнет хлад и голод моровой
мерзавцев этих злобных волчью стаю, —
ты их в смятении увидишь пред собой...

Гаер распевал гневные инвективы с какой-то игривой, кошачьей улыбкой, — на мотив ночной серенады.

Альбино молча выслушал, вздохнул и пошёл спать. Однако, отчитав вечерние молитвы, он снова погрузился в размышления. Он понял, что стал жертвой собственной ошибки. Тонди и Фантони не были равнодушны к добру и злу, но им подлинно не было дела до гибели этих людей, они смотрели на них глазами сторонних наблюдателей и если и злорадствовали, то не больше досужих городских кумушек. Для них просто не имело значения, отчего и как погибают эти люди, для него же это было самым важным.

Но его озабоченность никому из сиенцев не указ.

* * *

На следующий день в книгохранилище появились довольно оживлённые Пандольфо Петруччи и Антонио да Венафро, затребовавшие у мессира Элиджео летопись о битве при Монтаперти. Они говорили, не понижая голоса, и Альбино услышал, как оба обсуждали предстоящие через три месяца большие торжества, посвящённые двести сорок пятой годовщине этой знаменитой битвы, в которой флорентинские гвельфы потерпели сокрушительное поражение от гибеллинов Сиены. Глава города любил помпезные торжества и никогда не упускал случая появиться на публике при открытии нового памятника или церкви.

Альбино заметил, что вид Петруччи изменился: он точно стал выше ростом, глаза его блестели, двигался он легко и улыбался. Антонио да Венафро тоже был оживлён куда более обычного. И знал — отчего. Арминелли ещё утром шёпотом проронил, что из Рима пришли прекрасные новости. Неужели это правда, Господи? Папа приказал арестовать Чезаре Борджа. Известие было достоверным, за точность его ручались люди весьма значительные, и

именно оно породило нескрываемую радость Петруччи и оживление да Венафро.

Сейчас они спорили, спор же вызвал монумент, который они планировали открыть к этой дате. Должны ли смотреть с пьедестала на горожан полководцы Провенцано Сальвани, Джордано д'Альяно и Фарината дельи Уберти, выигравшие битву, или синдик Буонагвида, который перед битвой, когда народ собрался на площади Толомеи, громким голосом сказал: «Мы доверились раньше королю Манфреду, теперь же мы должны отдать и себя самих, и все, что имеем, Деве Марии. Вы все с чистой совестью и верой последуйте за мной». После того, как повествовала летопись, названный Буонагвида обнажил голову и снял обувь, скинул с себя все, кроме рубашки, и велел принести ключи от ворот Сиены, и, взяв их, со слезами и молитвами все они прошли до самого собора. Епископ со священниками вышел им навстречу, и народ встал на колени. Епископ взял за руку Буонагвиду, поднял его, обнял и поцеловал, и так же сделали между собой все граждане, с таким великодушием и любовью простив друг другу все обиды. И Буонагвида обратил к образу Девы Марии такие слова: «О Мать милосердная, о помощь и надежда угнетённых, спаси нас! Я приношу и предаю Тебе город Сиену со всеми жителями, землями и имуществами. Я вручаю Тебе ключи, храни же город Твой от всяких бед и больше всего — от флорентийских притеснений. И ты, нотариус, засвидетельствуй это дарение, чтобы оно было на веки веков». И так сделано было, и так подписано.

С волнением зачитав этот эпизод из летописи, Пандольфо взглянул на Антонио да Венафро. Петруччи, надо сказать, был привязан к традициям прошлого, склонен чтить святых, принявших мученическую смерть за веру, и память героев, павших смертью храбрых, главным образом потому, что мечтал когда-то сопричислиться к ним. Сейчас он ратовал за памятник Буонагвиде, которому хотел придать собственные черты.

Антонио да Венафро, однако, был абсолютно равнодушен к громкой славе, предпочитая ей закулисное, но реальное влияние, и потому считал, что монумент Провенцано Сальвани обойдётся намного дешевле. Тем более что в запасниках местного музея уже есть прекрасный торс мраморного Ахилла, с которого, если скульптор попадётся не совсем уж пропойца, что, впрочем, случалось нередко, можно сделать прекрасного Провенцано, если только убрать с головы статуи нелепый шлем с каким-то серпом наверху.

Петруччи возражал. Он не хотел экономить. С конских яблок, сколько не старайся, мёда не соскребёшь. Он видел себя Буонагвидой и не хотел отказываться от своего намерения. Мессир Венафро почёл за благо согласиться с капитаном народа и уступить. Не спорить же, в самом-то деле, из-за таких пустяков. Но потом возникла новая идея. Мессиру Петруччи пришла в голову мысль установить статую Сальвани возле городских ворот, а сцену с Буонагвидой изобразить в притворе храма Санта-Мария дель Ассунта.

Мессир Антонио снова не возражал. Никто из них не сказал ни слова о гибели Линцано, она, словно по молчаливому соглашению, была предана забвению, причём не только власть предержащими, но и всеми сотрудниками капитана народа. Правда, городской прокурор, мессир Монтинеро, ещё раз появился в палаццо Петруччи и доложил, что им удалось проследить путь покойного по минутам, но он ни с кем не встречался, просто гулял по городу, и никто из горожан, к сожалению, не заметил, как Линцано пришёл к источнику, что, впрочем, легко было объяснить уже сгустившимися к тому часу сумерками.

Петруччи выслушал его молча, предложил присесть, потом, находясь в превосходном настроении, поинтересовался, интимно склонившись к прокурору:

— Лоренцо... Ну, вы же не дурак. — Он умолк.

— Благодарю вас, ваша милость, — ответил Монтинеро, не спуская с главы Сиены внимательного взгляда.

— Как, по-вашему, кому наш дружок Фабио перешёл дорогу? Вы же не думаете, в самом деле, что дьяволу больше нечем заняться, как только сводить счёты с нашим дорогим Марескотти и его людишками?

Тонкая улыбка мессира Монтинеро подтвердила догадку капитана народа.

— Я, конечно, так не думаю, мессир Пандольфо. Просто мессир Марескотти... — прокурор сделал вид, что замялся и не находит слов, но потом вроде бы нашёлся, — возомнил себя Юпитером и вершителем судеб, в то время как он всего-то начальник гарнизона. Он возгордился, а гордость, как известно, предшествует падению. Мне трудно сказать, кого он разозлил, могу только предположить, что у разозлившегося мозгов намного больше, нежели у мессира Фабио и его людей.

— А подестат, стало быть, расписывается в собственном бессилии? — с тонкой улыбкой вмешался в разговор Антонио да Венафро.

— Это ещё почему? — брови мессира Лоренцо взлетели на середину лба.

— Вы не можете установить причину этих преступлений и поймать злоумышленника.

— Надеюсь, что буду правильно понят, — нежно промурлыкал прокурор, лучезарно улыбнувшись. — Не считая случаев необъяснимой гибели людей самого мессира Марескотти, в городе за последние полгода было девять крупных преступлений и двенадцать мелких случаев супружеских разборок, пьяных драк да банальной поножовщины. Из девяти же вышеназванных крупных преступлений... — прокурор медоточиво улыбнулся, — люди мессира Марескотти были задействованы в семи. И это нами было установлено, однако делам не был дан ход. Ну, а раз тем делам всё равно не даётся хода, с чего бы моему уважаемому начальнику, мессиру Корсиньяно, да и мне тоже, рыть землю в этих делах? — мессир Лоренцо прекрасно понимал, что ответа не получит, и с улыбкой развёл руками.

Это была дерзость, но терпимая, а Петруччи, хоть и был тираном, любил изображать из себя человека, доступного критике и возражениям. Сейчас же он был в отменном настроении и только шутливо погрозил Монтинеро пальцем. Что до Венафро, то он, профессор университета, вообще был склонен к отвлечённому академизму. И потому Антонио изумился:

— Как зачем? Чтобы узнать истину, — Венафро послал Монтинеро загадочный взгляд. — Разве это не важно?

— Вы, может быть, хотели сказать «удовлетворить своё любопытство», мессир Антонио? — любезно спросил, одновременно поправив его, Лоренцо Монтинеро. — Тут я, признаться, вас понимаю. — Прокурор кивнул головой. — Мне тоже любопытно, что происходит.

— А где этот... — капитан народа пощёлкал пальцами, — что хотел бежать?

— Мессир Сильвестри? Он отпущен.

— А вы не боитесь, что его тоже прикончат? — напрямик спросил Петруччи Монтинеро.

— А чего мне бояться? — пожал плечами прокурор. — Разумный человек проявляет опасение, если подозревает, что прикончить могут его самого. Тут, конечно, глуп будет то, кто не предпримет необходимых предосторожностей, и знай я, что убить хотят меня, я усилил бы свою охрану и не высовывал бы нос на улицу без лишней надобности, избегал бы толп и сборищ, и не снимал бы пальцев с рукояти даги. Мессир Сильвестри знает, что все

его товарищи... плохо кончили. — Прокурор лучезарно улыбнулся. — На его месте я, в дополнение к уже перечисленному, не шлялся бы по болотам, избегал бы лошадей и крутых лестниц, не подходил бы к колодцам и источникам, да и в нужник ходил бы с опаской.

Венафро прыснул со смеху.

— Бедняге не позавидуешь. И всё же... вы бы приставили к нему охрану, Монтинеро. Не ровен час...

— Подестат не имеет лишних людей, — отчеканил, а, точнее, огрызнулся мессир Лоренцо. — К тому же приставлять охрану к охранникам — это, воля ваша, мессир Антонио, немного чересчур.

Мессир Венафро тонко улыбнулся.

— Я имел в виду, что таким образом вы могли бы все-таки выследить злоумышленника.

— Используя мессира Сильвестри как приманку? — с понимающей улыбкой кивнул прокурор. — Да, я думал над этим, но дело в том, что мессир Сильвестри живёт в палаццо Марескотти, и мессир Фабио может обвинить нас в том, что мы лезем в его дом и суём нос в его дела, а нам меньше всего нужны подобные упрёки.

— Так значит — пропадай он, бедолага?

— Я же сказал, — напомнил Монтинеро. — Во-первых, он хорошо обученный солдат, во-вторых, он знает об угрожающей ему опасности и если не сумеет оберечь самого себя, — мессир Лоренцо развёл руками, — так грош цена такой охране.

— Вы циник, Монтинеро, — покачал головой Петруччи.

Мессир Лоренцо поклонился с такой улыбкой, точно услышал высочайшую похвалу.

— Присмотрите за ним всё-таки, — в этих словах мессира Петруччи слышалась даже просьба, и Монтинеро кивнул.

Следующие несколько дней прошли спокойно, их мирное течение нарушали только препирательства мессира Петруччи с приглашённым художником, Паоло из Лукки, у которого была какая-то длинная фамилия, но мессир Пандольфо никогда не давал себе труда запоминать фамилии маляров и никогда не церемонился ни с живописцами, ни со шпукатурами, ни с прочими обойщиками.

У этого богомаза оказалось своё мнение по поводу картины: он утверждал, что Буонагвида был, судя по летописным записям, худым и высоким и возвышался над толпой. Ну, не дурак ли? Мессир Венафро успокоил раздражение своего патрона, отведя художника в сторону и прошипев идиоту, что картина должна занимать пространство десять футов на двенадцать, на ней должна быть изображена сиенская толпа со знамёнами всех контрад, а впереди с хоругвью, ведущим народ в храм должен быть изображён человек, похожий на капитана народа — мессира Пандольфо Петруччи. Идеального сходства от него не требуется, но у каждого смотрящего на роспись должна возникать мысль о том, что дух Буонагвиды ныне почиет на капитане народа. Если он, Паоло, сделает всё, как надо, то получит тринадцать дукатов золотом, а если начнёт выдуриваться, — будет без гроша вышвырнут за городские ворота, ибо маляров сегодня сколько угодно, найти ему замену не составит труда.

По счастью, Паоло Лукканский оказался понятливым и быстро взял в толк, что нужно. В первом же наброске на стене проступил капитан народа, правда, с более густыми и тёмными волосами и почти без морщин. Более того, за головой Пандольфо-Буонагвиды, шествующего с орифламмой, словно нимб святости, нежно розовел закат. Эта находка, по мнению советника Антонио да Венафро, тянула ещё на пару золотых флоринов. Живописца

похвалили.

Тем временем весть об аресте Чезаре Борджа снова была подтверждена — теперь по дипломатическим каналам папской курии. Петруччи потирал руки и ликовал. Естественно, что городские власти, занятые столь важными делами, не имели времени ни на что другое.

* * *

Альбино в эти летние дни часто бродил по городу, навещал мессира Тонди.

— Как я посмотрю, в палаццо Петруччи очень большая охрана, — осторожно заметил Альбино во время одной из таких прогулок, — мессир Пандольфо, как я слышал, сталкивался с множеством заговоров?

— Для правителя нет худшей беды, чем заговор, ведь он чреват смертью или бесчестьем. Если заговор будет удачен, правитель гибнет, а если крамолу удаётся вовремя открыть и заговорщиков казнят, тут же разносится слух, что это сделано по навету самого правителя, который посягает на жизнь и имущество казнённых. Петруччи не повезло — заговорщики против него выходили из его же рода и его семьи. То тесть, то зятьёк, то шурин... А ведь даже если заговор раскрыт, в живых нельзя оставлять мстителя за убитого. А если эти возможные мстители — твоя родня? Ему не позавидуешь.

— А мессир Марескотти? Как я понял со слов подеста в Ашано, есть многие, желающие свести с ним счёты?

Тонди поморщился.

— Да. Петруччи шёл к власти и порой топтал людей, то топтал соперников-мужчин и даже пытался бороться с теми, кто сильнее, вроде Чезаре Борджа. Марескотти же просто утверждался в своих похотях — и всегда за счёт незащищённых женщин или слабейших мужчин. Я не Бог, и не мне взвешивать их деяния, но у Пандольфо есть какой-то кодекс чести и он не обидит вдову и сироту. Просто по высокомерию, положим, но гордыня часто становится добродетелью, причём, единственной, людей власти: она мешает им превратиться в свиней и вынуждает вести себя по-людски. Хотя бы внешне.

— Но кто же тогда, по-вашему, мстит людям Марескотти?

Мессир Тонди усмехнулся.

— Как судачит толпа — дьявол, если же это человек — он стоит дьявола. Нам-то что до того?

Они расстались в сумерках у жилища Тонди и распрощались.

* * *

Альбино побрёл к дому Анны Фантони, но неожиданно в проулке заметил тень и, к своему изумлению, в лунном свете узнал Паоло Сильвестри. Тот крался вдоль стены, сжимая рукоять кинжала, потом свернул к северу от Кампо и исчез за углом. Альбино последовал за ним, повернул за угол и тут — ощутил удар по затылку. В глазах потемнело, его накрыла ночь.

...Очнулся Альбино, когда над ним склонились двое, и у одного из них на шляпе Альбино заметил чёрно-белый герб города. Второй откинул капюшон и спросил:

— Вы не ранены?

Альбино узнал Лоренцо Монтинеро, попытался подняться, и это ему удалось. Голова немного кружилась, но ничего не болело. На месте были кинжал и кошелёк. Его не ограбили, только оглушили.

— Нет, меня ударили по затылку, и я больше ничего не помню, — ответил он. Альбино не сказал стражам закона о Сильвестри, подумав, что мог и ошибиться, а на вопрос, где он живёт, назвал адрес монны Анны.

Прокурор посмотрел на него и бросил своему напарнику.

— Пошли, Бернардо, проводим его, а оттуда доберёмся в обход до подестата. Того типа я всё равно упустил.

— Странно, — пробормотал в ответ неизвестный Альбино Бернардо, — там же тупик... Куда он мог деться?

— Его могла ждать открытая дверь или уж он проворен, как кошка, и влез по стене на крышу. Там можно запрыгнуть на балкон над входом, а потом по винограду — дотянуться до крыши.

— Быть того не может, — недоверчиво хмыкнул Бернардо. — Это обезьяной быть надо, а он тяжёл и неповоротлив.

— Да, такое не каждому по силам. А главное — зачем? Хотел запутать след?

— Вы... вы говорите о человеке, который ударил меня? — спросил Альбино.

— Кто вас ударил — нам неизвестно, просто Бернардо споткнулся о вас, — ответил Монтинеро, — я наблюдал по поручению мессира Петруччи за мессиром Сильвестри да упустил его.

— Он сбежал?

— Исчез в тупике в квартале Волчьей контрады. Я видел, как он туда вошёл, пошёл за ним следом — но в тупике уже никого не было. Там только одна дверь ведёт в жилище. Это дом Леонардо Корради, но сам он уехал в паломничество с семьёй в аббатство святого Гальгано в Кьюздино. Дверь на замке. Куда же, спрашивается, делся мессир Сильвестри?

— Он мог просто дать дёру, — пробурчал Бернардо.

— Ему не выйти ни через одну заставу, я распорядился.

Они быстро дошли до дома монны Анны.

— А вы не думаете, что тот, кто напал на меня, мог напасть и на мессира Сильвестри? Он мог и просто спутать меня с ним, — осторожно спросил Альбино, — а поняв, что ошибся, бросить меня и погнаться за мессиром Паоло.

— Вы чрезмерно льстите себе, юноша, — мягко и иронично проговорил прокурор, — полагая, что вас могли спутать с мессиром Сильвестри. Он на добрых девять дюймов выше вас и фунтов на тридцать тяжелее. Эй, Франческо! — он окликнул Фантони, возившегося в конюшенном дворе, — мы привели твоего постояльца.

Сверчок высунул нос за ворота, разглядел в темноте Монтинеро и Альбино, кивнул Бернардо, которого явно хорошо знал, и открыл двери.

— Где это вас носило? — осведомился он у Альбино, — матушка уже извелась, говорит, вы никогда не задерживались, а тут пропали.

— Слушай, кончай болтать, — не дав ответить Альбино, обратился к Фантони Монтинеро. — У тебя есть верёвка?

Вопрос был дурацкий, и Фантони с упрёком во взгляде развёл руками. Конечно, верёвка у него была, у какого всадника её нет?

— Возьми факел и верёвку, — не обращая внимания на его пантомиму, неожиданно сказал Монтинеро. — Я как-то про тебя не подумал, а ведь в тебе, небось, и ста фунтов нет. Пойдём в тупик ещё раз. Надо хорошенько всё проверить. Попробуешь влезть на крышу, — бросил он к Фантони, — ты лёгкий. Меня никакая верёвка не выдержит. Бернардо, — окликнул он служащего, — иди в подестат сам и приведи в Волчий тупик патруль, а мы пока общём его вторично. Не сквозь землю же он провалился.

— О ком речь-то? Какой тупик? — поинтересовался Фантони и, услышав, что в тупике Волчьей контрады пропал Сильвестри, кивнул. — Давайте выведу Чалого, — предложил он, — Миравильозо вас не подпустит, а Чалый спокойный. Верхом быстрее доберёмся.

Прокурор думал меньше мгновения.

— Давай, ноги не казённые, — кивнул он. — Я думал, признаться, его без лошади проще будет выследить, да ошибся.

Фантони вывел лошадей, и Альбино с Бернардо только и увидели, что пыль из-под копыт. У Бернардо хватило вежливости пожелать ему доброго здоровья, после чего и он пропал в темноте.

Глава XIV. Интриги и заговоры

Альбино обрадовал своим появлением монну Анну, но ни словом не обмолвился ей о том, что с ним приключилось. Да и что было сказать? Разве сам он понял, что произошло? Кто мог ударить его? Зачем? И если напавший видел, что он в обмороке, почему не ограбил его? Альбино ничего не понимал. Впрочем, не понял он и объяснений мессира Монтинеро. По его словам, тот шёл за Сильвестри. Конечно, он мог пройти другой улицей и вначале не заметить его, а потом, возвращаясь, наткнуться на него, но всё же...

Как ни странно, у него ничего не болело, просто клонило в сон, но монах во что бы то ни стало хотел дождаться возвращения Франческо Фантони. Однако тот не появлялся, кругом стояла убаюкивающая ночная тишина, и Альбино решил просто полежать, отдохнуть от треволнений этого странного дня, и сам не заметил, как уснул.

Проснулся он утром, с трудом разлепил опухшие веки и тут же сомкнул их, ибо солнце уже заливало ярким светом спальню, а на перилах балкона, соревнуясь с окрестными горлопанами, красовался петух Фантони по прозвищу Фельче, Папоротник, и драл плотку почище своего хозяина. Петух был невероятным красавцем с красно-жёлто-лилово-зелёным хвостом, гордым алым гребнем и наглым задиристым нравом, и если бы не краса, как говаривала монна Анна, быть бы ему в супе ещё на прошлогоднее Рождество. Хвост крикуна напоминал дивный цветок, и Альбино понял, почему Франческо назвал петуха Папоротником. Видимо, он верил, что папоротники цветут.

Как оказалось, Альбино проспал все: возвращение Фантони под утро, его ругань по поводу потерянной подковы и печальные новости о смерти мессира Паоло Сильвестри. Он был найден именно в том самом тупике, недалеко от храма Святого Вирджилио, рядом с университетом. Монтинеро нашёл погибшего на входе — в нише, заросшей плющом. Пока не вышла луна — он просто не заметил её. Но гораздо сложнее оказалось ответить на вопрос: что делал погибший в упомянутом тупике? Чего искал там? Зачем вообще вышел из палаццо Марескотти в ночное время, хоть прекрасно знал об опасности, ему угрожающей? Куда он направлялся?

Когда подошёл приведённый Бернардо ночной патруль, тело несчастного уже остыло. Врач подестата, Гвидо Мазаччи, на этот раз не обнаруживший смертельного недуга, тем не менее не нашёл на теле покойного ни кинжальной раны, ни следов удушья. Он не был и отравлен: на губах мессира Паоло не было пены, только немного крови, возможно, от падения, лицо сохраняло обычные очертания, разве что в глазах усопшего застыл ужас.

В контрадах Сиены не было иного развлечения, чем с жаром обсуждать произошедшее, хотя именно мессире Сильвестри внимания почти не уделялось. Горожане заметили удивительную закономерность: всего за семь недель семеро людей Марескотти, славившиеся дерзостью и нахальством, чинившие обиды сиенцам и ни с кем не считавшиеся, оказались на том свете. Кара ли это Божья или шутки дьявола, — это даже не обсуждалось. Молва нарисовала образ отважного мстителя, человека-призрака, ловкого, как кошка, и неумолимого, как рок.

Подеста разводил руками, но не улыбался. На лице мессира Корсиньяно застыло затаённое недоумение. Три последние смерти людей Марескотти — беспощадные своей неотвратимости — оставили у него только один вопрос: «Как он это делает?», ибо мессир Пасквале и мысли не допускал, что трое молодых боронов могли вот так запросто отдать

Богу... ну, или чёрту — душу. Более того, он, учитывая все обстоятельства, выстроил в ряд цепочку всех смертей людей Марескотти и рассмотрел каждую из них, исходя из предположения, что ни одна из оных кончин не была случайной.

Наблюдениями и выводами он поделился вечеров в подестате с Лоренцо Монтинеро.

— Антонио Турамини. Зброшенное поле возле Поджибонси, весь изувечен, череп расколот пополам, лицо разбито о камни. Джулио Миньявелли найден с поломанной шеей у парадного входа своей виллы. Упал же с верхней ступени мраморной лестницы, лицо разбито вдрызг. Микеле Ланди просто пропал на болотах, зацепиться тут не за что. Пьетро Грифоли вытаснен из колодца с поломанной шеей. Карло Донати гибнет над выгребной ямой от остановки сердца, Никколо Линцано сидит мёртвым у Фонте Бранда, Паоло Сильвестри лежит в тупике возле Сан-Вирджилио, и он тоже мертвее кованой подковы.

Прокурор, который только что вернулся из мертвецкой, сидел у окна в подестате, закусывал кусками грибной лазаньи и кивал на каждое слово начальника. Наконец, дожевав последний кусок и запив его кувшинчиком молока, Монтинеро заметил: «Всё верно» — Сходство прослеживается в трёх последних случаях, — продолжил Корсиньяно, — но не исключено, что и первые четыре являют ту же картину смерти, просто мы не имели возможности заметить это из-за явных ранений жертв, тем более что эти смерти были сочтены случайными.

Прокурор снова кивнул.

— И это верно.

— Если предположить, что они тоже погибли от остановки сердца, что из этого следует?

— Что существует убийца и он ловок, как чёрт, ваша милость, — ответил Монтинеро, — ибо полагать, что мессир Фабио специально отобрал себе в охрану людей с плохим здоровьем, склонных умирать от сердечных приступов, — это чересчур фантастично.

— Правильно. Следовательно, убийца существует.

Лоренцо Монтинеро залез пальцами в густые космы чёрных, с утра нечёсанных волос, ибо ночевал в подестате, откинул волосы назад и кивнул.

— Мы это и предполагали, просто не склонны были рыть землю для Марескотти.

— Ну, а любопытства ради, кого бы ты заподозрил?

— Вы прямо как мессир Венафро, — усмехнулся прокурор, но тут же вернулся к сути вопроса. — Это либо слуга, которого никто не замечает, либо тот, на кого и помыслить невозможно, вроде того же Венафро или Арминелли, — зевнул прокурор. — В любом случае, нужно... — он потянулся, разминая затёкшую шею.

— Нужно? — вопросительно повторил подеста.

— Нужно сидеть тихо и не мешать ему избавить нас от Марескотти, — спокойно обронил Монтинеро, встретившись взглядом с подеста. — Это наш город, и мы должны быть в нём хозяевами. А когда наглая тварь вообразила себя царём и Богом и считает себя неподсудной, — за это по рукам давать надо. Нам с гарнизонными, пока он жив, не поладить.

— Это всё понятно... — подеста почесал кончик носа и прищурился, — но такого ловкача, как этот...

Монтинеро поднял глаза на Корсиньяно. Тот пожевал губами и проронил:

— Такого нам... и на службе иметь не помешало бы.

— Да, он ловкач.

— Я не прочь был бы с ним познакомиться.

— Я тоже, — согласился прокурор, — и это вполне возможно. Убить шавок Марескотти — полдела. Он, естественно, должен уничтожить и Фабио — иначе и затеваться не стоило бы.

— Думаешь, установить наблюдение за палаццо Марескотти?

— Не думаю, с чего бы это мне так думать? — хладнокровно ответил Монтинеро. — Познакомиться с убийцей, конечно, интересно, но куда интереснее и важнее похоронить нашего дорогого Фабио. Наблюдение же может либо спугнуть убийцу, либо, что и того хуже, помешать ему. Убийство Фабио Марескотти будет громким делом, следов и улик будет немало — по ним и вычислим проныру. Сейчас же нужно помочь ему, а не мешать. Жар удобнее всего загребать чужими руками. Обстановочка-то меняется, вы заметили?

— В смысле? — не понял подеста.

— Чезаре арестован, он уже не опасен Петруччи. Гарнизон городу скоро может стать обузой, — многозначительно проговорил Лоренцо Монтинеро. — Мы дождались. Наш дорогой Фабио застрянет между Сциллой и Харибдой: либо он падёт жертвой ловкача-убийцы, либо... от него избавится хозяин города. Наша задача — устроить так, чтобы мессир Марескотти мог бы выбирать только одну из этих двух возможностей.

— Ты полагаешь, с Борджа покончено?

Монтинеро пожал плечами.

— Дни его сочтены, папашу ему всё равно не воскресить. Папа Юлий мне кажется человеком, привыкшим добиваться своего, а он хочет уничтожить Чезаре. Арест Борджа меня впечатляет. — Прокурор помолчал и твёрдо произнёс, — я поговорю с моим дружкой Квирини. Надо завести часы. Пусть тикают.

Подеста кивнул.

— Это разумно. Но скажи Гаэтано, чтобы он не слишком усердствовал. Опасно перегибать палку.

— Говорить такое его преосвященству излишне, он вполне разумен и умеет лить яд в чужие уши.

— А ты не мог бы всё же поразмыслить на досуге об этом ловкаче?

— На досуге — мог бы, — кивнул Монтинеро, — и поразмыслю. Только сомневаюсь, что до смерти мессира Фабио у меня будет досуг.

Подеста смерил его взглядом, но ничего не сказал. Зато Монтинеро неожиданно спросил:

— Вы как-то обронули, что хотели бы пристроить дочерей. Сколько дадите за Катариной? Мне говорили — шестьсот дукатов?

Корсиньяно смерил его долгим взглядом.

— В зятя набиваешься? Так я, сам знаешь, из казны не ворую. Больше шестисот не наскребу. Но я видел, как ты вокруг моей девки вертишься и спросил о тебе. Говорит, не по душе ты ей, хоть и в толк не возьму, почему.

Прокурор пренебрежительно отмахнулся.

— Девичьи слова — мыльные пузыри.

Подеста развёл руками.

— Принуждать девку насильно я не стану. Уломаешь — бери.

— Угу, — кивнул Монтинеро и сообщил, что должен отлучиться по делу.

Расставшись с подеста, прокурор направился в город, остановился у колокольни,

любезно поприветствовал звонаря церкви Сан-Доминико, синьора Бруно Кьянчано, поболтал с ним о погоде, после чего поспешил свернуть на улочку Сан-Джованни, в городскую баню, откуда вышел расфранчённым и благоухающим кипрским мылом. Около шести вечера он завернул к дому начальника, откуда вскоре вышла девица, в которой любой узнал бы дочку подеста Катарину Корсиньяно. Они медленно побрели по узким улочкам, теперь похожие на обычных влюблённых: девица была кокетливо разряжена и легко опиралась на руку поклонника, мессир Лоренцо норовил то и дело приобнять красотку.

— А ты после венчания свозишь меня на побережье?

— Конечно.

— А в Рим?

— И в Рим тоже.

* * *

...Песок всё сыпался и сыпался из верхней колбы в нижнюю, снова истекал временем, отсчитывая бытийные часы, вызывая смутную тоску по тем обетованным временам, когда времени больше не будет. Неделю спустя после смерти Паоло Сильвестри мессир Фабио Марескотти неожиданно попал у мессира Петруччи в опалу, и причиной тому были весьма странные обстоятельства.

Дело в том, что после смерти папы Пия III святой престол занял Джулиано делле Ровере, Юлий II. Он, публично обещавший оставить Борджа на посту гонфалоньера моментально отрёкся от своих слов, когда понял, что ни Франция, ни Испания не будут оказывать Чезаре былой поддержки. Тогда папа распорядился арестовать Чезаре и отправить в Остию, чтобы герцог сдал людям нового папы принадлежащие ему замки. Впрочем, Чезаре удалось вырваться и добраться до Неаполя, находившегося под испанским протекторатом, и даже — связаться со своим старым дружкой Гонсалво де Кордобой. Ха! Не тут-то было! Прощи золотые денёчки! Кордоба, желая сохранить хорошие отношения с новым папой, заключил Чезаре под стражу и отправил в Вильянуэва-дель-Грао в Испании, где герцога заключили в замок Ла-Мота. Сам Юлий проклял политику Александра VI, и заявил, что не будет даже жить в тех комнатах, где Родриго Борджа, узурпировавший папскую власть при помощи дьявола, осквернил Святую Церковь. Он под страхом отлучения от церкви запретил говорить или думать о Борджа. Его имя и память должны быть вычеркнуты из каждого документа. Все портреты Борджа приказано было покрыть чёрным крепом, все гробницы Борджа — вскрыть, а тела отправить туда, откуда они пришли — в Испанию.

Эти приказы вызывали у Пандольфо Петруччи, главным врагом которого был сын Родриго Борджа Чезаре, улыбку ликования. Венафро и Петруччи следили за деяниями нового папы, как за перстом Божьим. Жизнь в Сиене сугубо оживилась, праздник следовал за праздником, капитан народа мелькал то на открытии новой школы для бедных, то на закладке нового госпиталя и странноприимного дома, то на освящении росписей нового храма, создавая себе репутацию ценителя искусств, покровителя художников, истинного Отца города.

Ну, а Марескотти? С исчезновением непосредственной опасности городу от Чезаре, нападения которого Петруччи всегда опасался, потребность в содержании гарнизона, финансируемого Марескотти, тоже исчезла. А, стало быть, нужда во всеильном фаворите

тоже незаметно отпала.

Епископ Гаэтано Квирини, который до того всегда приветливо улыбался мессире Марескотти, теперь осторожно пошёл в атаку. Он задумчиво сообщил мессире Антонио да Венафро, что его беспокоит та дурная репутация их друга Фабио, которую он заслужил своей разнузданностью. «Человек слаб, плоть немощна, Церковь всегда готова отпустить грехи кающемуся, но зачем смущать соблазном мир и выносить наружу грязное бельё? Этот идиот не умеет грешить тихо, а ведь его реноме не может не бросать тень на всю власть. Это компрометирует и мессира Пандольфо...» Кроме того, его, Гаэтано, настораживает и то финансовое могущество, которым обладает мессир Марескотти. «Святой Церкви, понимаешь, фрески в храмах Божьих обновить не на что, а некоторые жуируют...»

Венафро вскользь сообщил мессире Пандольфо об обеспокоенности монсеньора епископа деяниями мессира Фабио Марескотти. Он действительно много себе позволяет, это верно.

Но первая атака не удалась. Петруччи жёстко ответил, что замок Ла-Мота — всего лишь тюрьма, а мерзавец Борджа умеет выходить из тюрем. Папа — не юный мальчик, сегодня жив, завтра нет, опасность исчезнет только со смертью самого Чезаре. Антонио да Венафро кивнул. Господин капитан народа прав и дальновиден, мудрость и осторожность его выше всяких похвал.

Однако тут от доверенного человека папы Венафро узнал новое и вполне достоверное известие о том, что Чезаре болен галльской болезнью, и даже, сумеет ли он выбраться из тюрьмы, дни его всё равно сочтены. Пандольфо, выслушав это известие, несколько минут тяжело дышал, не смея поверить такой милости Небес. Но в отношении гарнизона остался твёрд: пусть пока будет. Что до Фабио... Да, он много себе позволяет.

Вообще-то, нельзя было сказать, что сам мессир Пандольфо позволял себе меньше. Отнюдь нет, только девицы в его интересах большого места не занимали: и возраст не тот, и охота не та. Пара молодых постоянных подружек вполне удовлетворяли его аппетит. Мессира Петруччи куда больше интересовали деньги и прерогативы власти.

И тут епископ Квирини за ужином у главы синьории приватно выразил ему своё истинное мнение. «Что дозволено Юпитеру, то недозволено быку, и даже если быки Юпитера втихомолку могут позволять себе то же, что и Зевс, никто не позволил им афишировать свои возможности. Это уже... ни много, ни мало... претензия на трон самого Юпитера. Особенно когда в этих бычьих руках городской гарнизон» Он, Квирини, не вправе выдавать тайну исповеди и на устах его печать молчания, но кое-кто из его исповедников в гарнизоне проговаривался о том, что мессир Марескотти мнит себя уже первым в Сиене. «И даже, говорят, кое-что для этого делает...»

Пандольфо Петруччи выпрямился и не сказал ни слова в ответ. Монсеньор епископ, впрочем, ответа и не ждал.

В жизни Пандольфо было много потаённого хаоса, самообмана, внушаемости, болезненной впечатлительности. Он имел врагов и всегда — рядом с собой, часто гневался на ближних, обижая их подозрительностью, в ответ получал недоброжелательность и злость, что ещё более утверждало его в мысли, что он окружён врагами. Он доверял только Антонио да Венафро, ибо тот имел странную для него черту: никогда не лез в первые ряды и был не сильно жаден, довольствуясь изобилием без роскоши и предпочитая интеллектуальные занятия блуду. Не подозревал он в дурных замыслах и Квирини: его стези были не политическими. Относительно доверял Пандольфо и Элиджео Арминелли, зная

ограниченность его притязаний, верил и Пасквале Корсиньяно, ибо все благополучие кузена держалось на нём, к тому же подеста неоднократно показывал ему примеры личной преданности. Но все остальные? Именно поэтому намёк Квирини был воспринят Пандольфо весьма болезненно. Марескотти брал на себя солидную часть городских расходов, это ставило его в привилегированное положение, ему многое позволялось, но не возомнил ли он, что может всё?

Подозрительность Пандольфо породила в его голове ряд жёстких, но отнюдь не глупых мыслей. Даже если численность гарнизона не сокращать — его вполне можно оплачивать деньгами Марескотти, убрав самого Марескотти и конфисковав его имущество. А для этого всего-то и надо, что раскрыть заговор Марескотти. Пандольфо, мрачный и насупленный, ходил по залу, погруженный в размышления. Мысли его текли чётко и быстро. Конфискованные средства заговорщика отправляются в казну, дом можно выставить на продажу. Чёрт возьми, тут можно здорово погреть руки. Необходимо также убрать сына Марескотти и его приближенных... ах, да, их уже убрали. Как кстати-то, а? Супруга может устроить сцену из-за кузена, но с какой стати её слушать-то? Всю родню надо выслать, не оставив ни одного мужчины-мстителя. Сколько, интересно, на этом можно заработать? Пандольфо почесал кончик толстого носа и велел вызвать к нему Антонио да Венафро и Пасквале Корсиньяно.

Живший в палаццо советник появился на пороге через несколько минут.

— Я тут поразмыслил, Антонио, — задумчиво обронил Петруччи. — Квирини кое в чём прав. Но гарнизон убирать нельзя. Это просто неразумно, пока этот испанский ублюдок жив. Можно несколько сократить численность людей, и дальше, по мере исчезновения опасности, — Пандольфо имел в виду смерть ненавистного Цезаре, — оставить минимум людей, но пока необходимо финансировать гарнизон из бюджета города.

Антонио да Венафро недаром назывался одним из самых умных людей своего времени. На его лице не проступило ни удивления, ни особого интереса, он только тихо проронил:

— Чтобы финансировать гарнизон из казны, нужно пополнить казну. За счёт чего? Контрады, если повесить финансирование на них, едва ли будут довольны.

— Деньги найдутся, — веско сказал Петруччи, — точнее, они должны найтись.

Мессир Венафро кивнул.

— Конечно. А, что, мессир Фабио... больше не будет возглавлять гарнизон?

Петруччи пожал плечами.

— Я всё думал о том, что сказал тогда Пасквале, помнишь, в Ашано? Он подлинно позорит власть. Бесславит и бесчестит её достоинство. Мы держим Марескотти ради денег, что он даёт на содержание гвардии. Но эти же деньги можно иметь и без Марескотти. Я получил сведения, что наш друг Фабио... несколько зарвался. В руках зарвавшегося человека нельзя оставлять военную силу. Он может ею... злоупотребить.

— И есть доказательства этого?

Пандольфо удивился.

— Будут. Корсиньяно найдёт их.

На лице Венафро заиграла тонкая усмешка. Он понимал, что уж кто-кто, а подеста не будет спать ночей, но действительно найдёт эти доказательства. Даже если их и не будет вовсе.

Но вообще-то сам мессир Антонио не видел никакого смысла перечить Пандольфо Петруччи. Фабио Марескотти не был его другом, он всегда казался ему вульгарным и

пошлым типом. С ним не о чем было поговорить, кроме того, Венафро брезговал даже сидеть с ним за одним столом, зная неразборчивость его связей и опасаясь блудной заразы. Без него будет легче дышать. И потому Антонио согласился с Петруччи, что меры безопасности следует принять безотлагательно, а когда вошёл подеста, с интересом выслушал указание капитана народа, данное Корсиньяно. «Фабио Марескотти, говорят, плетёт нити заговора. Необходимо разузнать всё в точности».

Подеста, поняв, что заведённые Монтиnero через Квирини часы сделали свой первый круг и пробили, поклонился.

— Все будет сделано и немедленно, Пандольфо, — твёрдо отчеканил он.

Глава XV. Улики, сватовство, мятеж и висельник

Лоренцо Монтинеро, погружённый в толстый том доносов своих людей, громоздящихся между обложками-таволеттами подобием толстого фолианта, мирно закусывал у окна пирожками с капустой и яйцами, когда во двор подестата на белой лошади влетел его глава, Пасквале Корсиньяно. Прокурор сразу понял, что произошло нечто необычное: глаза начальника метали искры, плечи расправились, он подлинно напоминал льва.

— Нам необходимо, — бросил он Лоренцо, едва отпустив повод и соскочив с лошади, — найти доказательства заговора Фабио Марескотти против городских властей. И быстро.

Он подошёл вплотную к окну и тише добавил:

— Это наш шанс, Энцо, нельзя его упустить.

Прокурор вздохнул, дожевывая пирожок и лениво ответил разгорячённому подеста:

— Они давно найдены, лежат на моём столе.

Пасквале Корсиньяно на миг оторопело замер, потом бросил быстрый взгляд на прокурора.

— Найдены?

— Разумеется, я же говорил, что в ближайшие дни у меня не будет досуга. Все наши люди искали эти доказательства уже неделю по моему негласному распоряжению и, конечно, нашли многое. — Монтинеро наклонился из окна к главе подестата. — Вы бы не стояли на сквозняке, мессир Пасквале, продует. Поднимайтесь, тут есть, что обсудить.

Толстый фолиант, который листал прокурор, как раз и содержал донесения людей Монтинеро, сплетни и пересуды городских кумушек, собранные платными осведомителями, а так же сугубо ценное свидетельство шпиона Монтинеро, которого ему уже год как удалось пристроить в дом Марескотти лакеем.

— Задача не в том, чтобы найти улики, — сообщил прокурор подеста, когда тот наконец вошёл в студиоло прокурора, — а в том, чтобы отобрать нужное, отбросив лишнее. Важно состряпать достоверную версию, разящую наповал убийственными уликами.

— А что у нас есть? — подеста сел у стола и уставился на собранные бумаги.

— Хватит на три приговора, — заверил прокурор, — но с учётом, что убедить надо не судебных, а Пандольфо, предлагаю вот что: Рануччио Вески, мой человек в доме Марескотти, доложил, что месяц назад в палаццо с чёрного хода приходил некий Джакомо Танкреди, он раньше принадлежал к клике Никколо Боргезе, да после заговора против Пандольфо успел смотаться. Одно имя дорогого тестя для Пандольфо — как красная тряпка для быка. Разговор шёл о том, — прокурор поднял глаза на подеста, — чтобы пристроить в гарнизон Гвидольчио Корради и Леонардо Учелли, дружков мессира Танкреди, за что последний обещал Марескотти облегчить доступ к некой девице Марии Челлини.

Между тем, мои люди выяснили, что Гвидольчио Корради, — Монтинеро плотоядно улыбнулся, — ни много, ни мало...закадычный дружок Люцио Беланти, бывшего зятя Пандольфо, заговорщика, ныне пребывающего в бессрочном изгнании.

Подеста потряс головой, точно боялся, что его обманывает слух.

— Подожди, Лоренцо... — он нервно потёр лоб, — это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Что тут истина, а что твои домыслы?

Монтинеро встал.

— Всё это чистейшая, хрустальнейшая правда. Но этого мало. Вышеупомянутый Леонардо Учелли, как мне стало точно известно от моего тайного осведомителя, не поленившегося съездить аж в Пьянцу и там нашедшего церковные записи, родился в 1480 году от рождества Христова и имел крестным... Маттео Понтичелли, двоюродного брата самого Никколо Боргезе! Того самого Понтичелли, что участвовал в заговоре Боргезе и был казнён на городской площади три с лишним года тому назад.

— Не может быть, — вытаращил глаза Пасквале Корсиньяно.

— Может, — спокойно пояснил прокурор, — городишко у нас небольшой, все друг с другом через кого-то связаны. Важно выявить эти связи и правильно их истолковать. Я полагаю, распутник Марескотти мог действительно, принимая в гарнизон этих двоих, не иметь никакой иной цели, кроме как пожить свеженькой девочкой. Он мог даже и не знать о том, кто они...

Корсиньяно поморщился. Он вспомнил.

— Энцо...ты дьявол. Джакомо Танкредди вовсе не был человеком Боргезе. Это же твой человек, ты сам внедрил его в заговор и он же сдал тебе участников Komplota.

— Ну и что? — хладнокровно спросил Монтинеро, — не у всех же такая хорошая память. Кроме тебя и меня об этом никто не знает. Да, Танкредди — мой человек, и по моему поручению он побывал в доме Марескотти. А сейчас он в Генуе. Ищи его, свищи его. К тому же Танкредди — вовсе не подлинное его имя. Но Рануччио Вески видел в доме некоего человека и слышал его разговор с Марескотти. И свидетелем будет превосходным. К тому же — налицо родичи заговорщиков в гарнизоне.

— А их ты где разыскал?

— Никого я не разыскивал, делать, что ли, нечего? Пообещал Джакомо десять дукатов, если он найдёт любых родственников Боргезе и Беланти. Он их и откопал, все, что сделал я сам, это велел знакомому паппоне найти шлюху — посмазливей да помоложе. Тот приволок такую красотку, что я и сам был бы не прочь воспользоваться, если бы заразы не боялся. Мы подсунули её Марескотти: два раза она в скромном наряде мелькнула перед ним в церкви. Этого было достаточно, чтобы старый блудник клюнул. Тем временем Джакомо сошёлся с упомянутыми выше Гвидольчио и Леонардо, и пообещал устроить их на службу в городской гарнизон, он же пообещал Марескотти, что девицу сам приведёт к нему на Страстной. И привёл, почему нет? В итоге сегодня в гарнизоне — осиное гнездо нового заговора по захвату власти в городе.

Подеста пожевал губами.

— Поработал ты отлично, что и говорить, но...

— Что «но»? — осведомился Монтинеро.

— Пандольфо сказал: «Фабио Марескотти, говорят, плетёт нити заговора. Необходимо разузнать всё в точности» Это значит, что до него могли дойти некоторые иные сведения. Если бы узнать, какие...

— А чего тут узнавать? Я же просил нашего дорогого епископа подсобить мне. Квирини и наговорил Петруччи, что опасается заговора в гарнизоне и попытки Марескотти захватить власть. Именно эти сведения до него и дошли.

— Так это он с твоих слов говорил, что ли?

— Монсеньёр? Нет, зачем, это он сам сочинил и налил в уши Петруччи, хоть мы и говорили как-то о чём-то в этом роде, не помню, в кабачке дело было, за ужином. Он, сами знаете, с Марескотти когда-то чего-то не поделил, вот и сводит счёты. Теперь нам остаётся

сущий пустяк.

— Донести Пандольфо?

Монтинеро покачал головой.

— Рано. Надо устроить в гарнизоне небольшой бунт. Там моих людей немного, всего четверо. Один подпоит гарнизонных, выведет их на площадь и смотается. Наши силы будут наготове, мы сомнём их. После этого виновниками потасовки окажутся Гвидольчио Корради и Леонардо Учелли, и нити заговора начнут разматываться. Трое моих людей присягнут, что эти люди предлагали им примкнуть к заговору, всплывёт Вески, и сказанное им убедит кого угодно, а уж тем более вашего дорогого кузена Пандольфо, с его-то подозрительностью и готовностью видеть заговорщика даже в торговце зеленью.

— Умно, — кивнул подеста.

— Грацие, — поблагодарил Монтинеро. — Но есть ещё один вопрос. Фабио Марескотти. Оставлять ли его на суд Петруччи или прикончить во время потасовки? Первое — разумнее, второе — надёжнее.

Подеста задумался, но, как оказалось, вовсе не над судьбой Фабио Марескотти.

— Какое счастье, что ты всё же слуга закона, Лоренцо, — вздохнул он наконец. — Я иногда боюсь тебя. У тебя дьявольские мозги.

Монтинеро не удивился, просто пожал плечами.

— Мир делится на пастырей, овец, волков и сторожевых псов. Я — сторожевой пёс, а это предполагает знание волчьих повадок и умение быть более хитрым, чем они. Чтобы раскрыть заговор — нужно самому иметь дар интриги, и я не слишком щепетилен, полагая, что в войне с волками хороши любые методы. Я умею ставить капканы.

— Слушай, между нами, Энцо, — подеста наклонился к прокурору, — этот невидимка-ловчила, убравший семерых людей Марескотти — не твой ли человек, а?

— Нет, — резко покачал головой прокурор, при этом его губы тут же растянулись в улыбку. — Но... я не исключаю такой возможности в будущем. Он может стать одним из лучших моих шпионов.

— Стало быть, ты знаешь, кто он?

— Я знаю, что он вездесущ, безжалостен, бьёт без промаха и не допустил пока ни одной ошибки. Его имя? За этим дело не станет, — успокоил прокурор подеста. — Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Но не будем отвлекаться. Наши люди должны быть готовы к любым неожиданностям и быть наготове. Мой человек в гарнизоне уже получил от меня два бочонка малаги...

— А не покажется ли Пандольфо странным, что заваруха возникнет именно в такой... хм, подходящий момент?

— Не скажу, что он мнителен, заговоры против него в прошлом были настоящими, но если я правильно понял, в самом указании мессира капитана народа содержится указание... «Фабио Марескотти, говорят, плетёт нити заговора. Необходимо разузнать всё в точности». Это значит, что нужно найти заговор и разоблачить виновного. И то, что вы сделали это незамедлительно — только поднимет вас в глазах мессира Пандольфо. Раньше нам запрещалась трогать этого волка, теперь его нам отдали. Обложим и начнём травлю. Петруччи нужна конфискация имущества нашего дорогого Фабио, а ваше дело — найти для неё повод. Вы и нашли.

То, что мессир Монтинеро всю проделанную им работу приписал трудам подеста, было лестно и умно. Однако подеста думал о другом.

— А ты, что, заранее предвидел, что рано или поздно нам его отдадут?

— Я не сивилла и не умею пророчить, — усмехнулся Монтинеро. — Но я на это... надеялся, и во имя этой надежды немного подсуетился. Если бы он по-прежнему оставался в любимцах Петруччи, — ну, что ж, это значило бы, что я зря суетился. Только и всего.

— У тебя и на меня заготовлено нечто похожее, а? — подмигнул подеста. — Я — кузен Пандольфо, но у тебя может быть надежда, что он не всегда будет здравствовать и управлять городом.

Монтинеро остался невозмутим.

— Между вами и мессиром Марескотти есть разница. Вы мне нравитесь, он — нет. Да и к тому же... у вас есть возможность сделать меня верным вам до гроба.

— Это каким же образом?

— Отдать за меня дочку.

Пасквале Корсиньяно закусил губу и долго исподлобья оглядывал прокурора.

— Сватаешься? Но Катарина сказала, что не хочет за тебя.

— Женские капризы. Теперь хочет.

— Постой, обрюхатил, что ли?

Монтинеро надменно сморщил нос.

— Зачем? Просто заставил передумать. Мужчина, меняющий мнение три раза на дню, дурак, но женщина, делающая то же самое — истинная женщина. Невеста уже осмотрела мой новый дом, — сообщил он будущему тестю, — по её приказу переменили не понравившиеся ей ковры и перенесли беседку в тень клёнов. Венчание в Санта-Мария дель Ассунта на Петра и Павла. Венчает епископ Квирини. С вас — шестьсот флоринов. Да... — прокурор почесал за ухом, — Катарина настаивает на поездке в Рим и на побережье после свадьбы, так что вам придётся месячишко без меня обойтись.

Подеста подтянул отвисшую было челюсть, но промолчал.

* * *

Между тем в городе подлинно назревали события, усугублённые к тому же небесными капризами. К закату потемнело, с юга принесло тяжёлые свинцовые тучи, обещавшие грозу, поднялся ветер, и горожане поспешили укрыться от приближающейся непогоды по домам. Монтинеро внимательно озирал с колокольни городские кварталы, с улыбкой замечая на городской заставе снующих людей и разведённые костры. Два бочонка испанской малаги были, в общем-то, дурной расточительностью с его стороны, но расчёт строился на то, что от предложения попробовать редкий напиток никто не откажется, и соблазн будет слишком велик. И судя по мелькавшим на заставе фигурам, коих заметно пошатывало, трезвых там не осталось.

Все остальное последовало почти по замыслу Лоренцо, но в события вмешалось одно непредвиденное обстоятельство. Когда солдаты гарнизона слышали от человека Монтинеро, что гарнизон намерены убрать из города, а мессира Марескотти арестовать, они выкатились на площадь с пьяными воплями, размахивая рапирами, копьями и горящими факелами. Толпа получилась, на взгляд прокурора, вполне внушительная, четверть часа они орали под окнами палаццо Петруччи, потом появились люди подеста, легко оттеснили пьяных бузотёров, арестовали зачинщиков — Гвидольчио Корради и Леонардо Учелли, и

навели полный порядок на пьяце.

Почти тут же сверкнула молния, громыхнул гром, придавая представлению оттенок высокой трагедии. Хлынул дождь. Подеста и прокурор явились в палатцу Петруччи в плащах, с которых стекали капли воды, намереваясь доложить о подавлении мятежа Марескотти. Петруччи и Венафро, которые, окружённые вооружённой до зубов охраной, наблюдали за мятежом из окна, повернулись к ним, тут же пожаловал и монсеньор епископ Квирини, привлечённый шумом на площади, а из арочного пролёта, ведущего в книгохранилище, вдруг раздался крик, точнее, визг.

Лоренцо Монтинеро поморщился. Он не любил, когда в тщательно разработанное действие вторгались случайные обстоятельства, но из арки выскочил Элиджео Арминелли и трясущимися руками указал на библиотеку. На лице его был написан такой ужас, словно в книгохранилище, по меньшей мере, забрался дьявол. С рогами и хвостом.

Подеста переглянулся с прокурором, и оба ринулись к проходу, едва не столкнувшись плечами.

В библиотеке было тихо, никакого дьявола тут не было и в помине, но все писцы и переводчики сгрудились в кучу у двери, ведущей в студиоло, и с опаской косились на неё. Прокурор отодвинул их и распахнул дверь, потом вынужден был, теснимый подеста, протиснуться внутрь. Оба замерли. В студиоло громоздились книжные полки, около них стояли лестницы. Одна из них была поднята и водружена поперёк полок, как верхняя дверная планка. К ней крепилась верёвка, в петле которой неподвижно висел человек.

Подеста обернулся к писцам и поинтересовался, знают ли они этого человека. Все молча смотрели на него, и только один юноша с лазоревыми ангельскими глазами, в коем подеста узнал того, кто вместе с Камилло Тонди обнаружил труп Пьетро Грифоли в Ашано, тихо ответил, что это мессир Филиппо Баркальи, секретарь мессира Арминелли.

Увы, допросить мессира Элиджео не было никакой возможности: он лежал в обмороке в зале приёмов. Монтинеро с тоской переглянулся с будущим тестем: висельник совсем не вязался с триумфальным докладом, подготовленным ими, и портил аудиенцию у Петруччи. Не ко времени он был, совсем не ко времени. По счастью, капитан народа, заглянув в библиотеку и узнав, в чем дело, счёл точно также. Висельник может подождать, сначала надо узнать, что случилось на площади.

Рассказ подеста был исполнен драматизма, но отличался точностью деталей и решительностью обвинений.

— Нами было установлено, что некий человек, раньше принадлежавший к клике Никколо Боргезе, пристроил в гарнизон мессира Марескотти с его ведома неких Гвидольчио Корради и Леонардо Учелли. Мы считаем своим долгом знать, кто охраняет город, и выяснили, что Гвидольчио Корради — близкий друг Люцио Беланти, заговорщика, ныне пребывающего в бессрочном изгнании. Леонардо же Учелли, как нам стало известно от тайного осведомителя, нашедшего в Пьянце церковные записи, имел крестным двоюродного брата мессира Никколо Боргезе, заговорщика Маттео Понтичелли, казнённого на городской площади. Сегодня оба они подняли мятеж в городе, требуя передачи власти мессиму Марескотти. Но оба схвачены и сидят сейчас под арестом.

Монсеньор епископ Квирини кивнул с таким видом, точно никогда и не сомневался в неизбежности заговора.

— Говорил же я, нельзя доверять этому быку гарнизон, — с самодовольным видом проронил он и тут же нескромно восхитился своей прозорливостью. — Как в воду глядел.

Мессир Венаффо внимательно разглядывал подеста и прокурора, про себя дивясь, как быстро они всё обстряпали, Пандольфо же Петруччи был мрачнее тучи: он не любил заговоров и бунтов, и сейчас бесновался. Сведённые на переносице брови и сжатые кулаки выдавали весьма тяжёлые мысли.

— Марескотти арестован?

— Нет, мы ждали ваших распоряжений. Но дом окружён.

— Взять его.

Подеста кивнул и поклонился. Оба они с прокурором двинулись было к выходу, но прокурора догнал окрик Петруччи:

— Эй, Монтинеро! Пойдите. Разберитесь с этим... — мессир Пандольфо махнул рукой на вход в студиоло. — Выясните, что там случилось, и пусть труп унесут.

Прокурор бросил взгляд на подеста, который говорил, что с Марескотти придётся возиться ему одному, и направился в книгохранилище. Поверхностный осмотр места гибели мессира Баркальи говорил о том, что повесить секретаря в студиоло убийца не мог: кругом были люди, в тишине библиотеки любой шум слышен за милю. Напрашивался вывод, что это самоубийство, хотя бы потому, что завидев убийцу, мессир Баркальи закричал бы, между тем все писцы и переводчики сказали, что никаких звуков из студиоло не доносилось. Прокурор осмотрел окна в студиоло, но на них были прочные запоры, к тому же располагалась библиотека на втором этаже, и по отвесной стене сюда было не забраться. Осмотрев тело, вынуженное из петли, Монтинеро, однако, не нашёл ни прощального письма, ни записки. Не было ничего и в бумагах покойного на столе.

Пришедший в себя, хоть и жаловавшийся на головокружение мессир Арминелли заверил его, что он тут совершенно ни при чём. Утром Филиппо был жив и здоров, хоть и чем-то подавлен. Мессир Элиджео надиктовал ему два письма, потом пришёл архивариус Пикколомини, мессир Тонди, и они вдвоём пошли перекусить. Потом он вернулся с обеда и, не заходя в студиоло, пошёл к Массимо Чези, посмотреть, как движется работа по переводу Диодора и Страбона. Им понадобились труды Гекатея Абдерского и Агатархида, он пошёл за ними в студиоло, а там... а там...

Мессир Альбино Кьяндарони, переводчик с арамейского языка, сообщил, что мессир Баркальи прошёл в студиоло сразу после обеда и больше не выходил оттуда, пока не было обнаружено его тело. Да, он в последние дни был мрачен и подавлен, особенно после смерти мессира Линцано, его кузена. Сам мессир Монтинеро знал и мнение людской молвы, давно уронившей по адресу покойника злые слова *infame, delatore, sicofante* — доносчик, шпион и предатель.

Картина вырисовывалась ясная, хоть и не до конца. Но так как у мессира Монтинеро были дела поважнее, чем возиться с самоубийцами, он приказал своим людям доставить тело в подестат и вызвать врача. Что до него самого, то он разрывался между двумя желаниями: быть при допросе арестованного Фабио Марескотти и присутствовать при примерке его невестой свадебного платья. Ну, а так как раздвоиться он не мог, одно из желаний обречено было остаться неисполненным.

Глава XVI. Опала мессира Марескотти

Сколько верёвочке ни виться, а конец будет. Эти банальнейшие, навязшие в зубах тривиальности, тем не менее, всегда новы. Любой властитель всегда окружает себя преданными фаворитами, для которых лояльность — залог выживания. Но не только. Всегда нужна ещё и скромность, ибо гордость предшествует гибели, а падению — высокомерие. Мессир Фабио устраивал Пандольфо Петруччи, пока в тяжёлые времена содержал городской гарнизон. Тогда можно и нужно было закрывать глаза на его выходки и дурные причуды. Но слово «временщик» происходит от слова «время», а времена меняются, как свидетельствуют мудрые. И времена менялись, песок просыпался из верхней колбы в нижнюю, отсчитывая его, — неосязаемое, незаметное и незримое время, постепенно меня обстоятельства. С ослаблением Чезаре Борджа Пандольфо Петруччи входил в полную силу. Тяжёлые времена кончались. Власть усиливалась и не желала терпеть того, на что раньше закрывала глаза.

Фабио Марескотти перестал быть нужным.

Пандольфо Петруччи потратил на решение судьбы Марескотти не больше времени, чем необходимо, чтобы выпить бокал вина. Устроить показательный процесс или приказать казнить мерзавца в каземате? — вот и всё, к чему сводились его размышления. Первое требовало времени и напряжения, но создавало реноме власти, повышало её престиж. Только сильная власть проявляет себя публичными казнями. Это зрелищно, красиво, величественно. И толпе это понравится, сиенцы ненавидят Марескотти. Каземат же... нет, каземат не подойдёт.

Глупо отказываться от таких возможностей.

Петруччи откинулся на роскошном ложе. Его воображение разыгралось, он представил большой городской праздник в трёх действиях, подобный великолепному спектаклю. Действие первое. Он на торжественной храмовой службе, исполненный скромного достоинства, но величественный в своём смирении, молится о благе города. При выходе из ворот собора горожане приветствуют его криками, не забыть проплатить клаку, отметил он про себя.

Действие второе. Очищение города от скверны. Победа добра над злом. Публичная казнь мерзавца Марескотти. Зачитывается приговор, перечисляются все преступления негодяя, выносится решение о конфискации имущества, движимого и недвижимого. Зрелищная казнь. Восторженные вопли горожан. Он, Пандольфо, скромный и простой, как богоподобный император Октавиан Август, возвышается над толпой. Арминелли говорил, что он и похож на него. Ох, уж эти льстецы... Но звучит прекрасно. Надо, чтобы это мнение разошлось в толпе. Хорошо бы после опубликовать оду какого-нибудь поэтишки, вроде Сильвио Леони, воспевающую его справедливость и нелицеприятный суд.

И, наконец, действие третье. Процессия со знамёнами всех контрад, палио, народные гулянья на площади, приглашённые артисты пусть поют и пляшут за счёт городской казны. Потом — бесплатное угощение для горожан, и в заключение — фейерверк.

Подобного рода фантазии свойственны человеку, но если этот человек относится к власти предрержащим, он склонен осуществлять свои грёзы. Тем более что ничего нереального в мечтах мессира Пандольфо не было. Он вообще-то был прагматиком. Всё это, да, разумеется, требовало умелой работы, тщательной подготовки и некоторых затрат. Но не более того. Приказ действовать подеста Пасквале Корсиньяно получил от него четверть часа

спустя.

Далее мессире Пандольфо потребовался совет человека непредубеждённого и разумного. Он вызвал Антонио да Венаффо и посвятил его в свои планы.

Вопросов к Венаффо у Петруччи было два. Первый. Судить ли предателя по статье «Наказание измены», параграф СХХIV или «Наказание тех, кто учинит народный бунт», параграф СХХVII? Антонио да Венаффо поискал в своей памяти. Параграф СХХIV гласил «Тот, кто злоумышленно учинит измену, должен быть, согласно обычаю, подвергнут смертной казни путём четвертования. В том случае, когда измена могла причинить великий ущерб и соблазн, например, если измена касается города, то возможно усугубить наказание путём волочения к месту казни или терзания клещами перед смертной казнью, а некоторых же случаях измены можно сперва обезглавить, а затем четвертовать преступника». Параграф СХХVII был милосерднее. «Если кто-либо в городе или владении умышленно учинит опасный бунт простого народа против власти и это будет обнаружено, он будет подлежать казни путём отсечения головы или сечению розгами и изгнанию из страны, где он возбудил бунт».

— В смысле четвертовать или обезглавить? — спросил Венаффо, ни минуты не сомневаясь, что об изгнании речь не идёт.

— Да.

— Обезглавить — проще, четвертовать — зрелищней.

Пандольфо кивнул. Да, он и сам так думал. Стало быть, параграф СХХIV.

— И второе. Лучше надеть на торжества зелёный плащ с золотым позументом или скромный чёрный, отделанный по воротнику серебром? — Пандольфо вообще-то оговорился, сказав «торжества», но поскольку иная ошибка бывает красноречивей любой правды, Венаффо сделал вид, что этого не заметил, понимая, что втайне Пандольфо и вправду видит в падении Марескотти празднество.

Советник напряжённо потёр рукой лоб. Вопрос Петруччи был непростым.

— Вас уже видели и в том и в другом, — после долгого раздумья проронил он, — нужно заказать к этому дню новый, алый плащ, украшенный золотой цепью с геральдическими знаками льва и креста, как символами высшей власти в Сиене.

Глаза Пандольфо блеснули. Он увидел это своим мысленным взором и кивнул.

— Да, ты прав. Так и поступим.

* * *

Пандольфо не прогадал. Престиж и авторитет власти неожиданно для Петруччи взлетели на невиданную высоту, едва в городе распространились слухи об аресте Фабио Марескотти. Надо сказать, что бунт гарнизона не наделал в Сиене много шума, его называли «мятежом испанской малаги», и то, что именно он послужил причиной опалы и ареста Фабио Марескотти, многих даже удивило. Суд прошёл быстро, Пандольфо Петруччи в таких случаях не допускал волокиты. Приговор же не просто порадовал горожан, а привёл их в такое ликование, что в день казни капитану народа не пришлось нанимать клаку: горожане славили его криками даром и даже бросали ему под ноги цветы — тоже даром.

Удивительно прекрасное было зрелище. Прошедший в городе праздник намного превзошёл мечты Пандольфо и породил нём некоторые новые мысли: «Не стоит ли

ежегодно вылавливать пару высокопоставленных супостатов и публично казнить их, если уж это так поднимает престиж власти?»

Для этого дня соорудили не только эшафот, но и обитое плюшем возвышение с козырьком от дождя и солнца, с которого Глава синьории был виден издали. Пандольфо Петруччи в алом плаще, окружённый пышной свитой, с удовольствием взирал на казнь и восторги толпы. Приближенные же капитана народа толпились за его спиной и боязливо наблюдали за работой палача. Все они были тихи и сумрачны, а мессир Арминелли к тому же вял и бледен. Он всё ещё боялся заходить в студиоло.

Только трое не жались за спиной Петруччи. Мессир Камилло Тонди с неизменным Бариле стоял у края помоста и не сводил глаз с казни, словно пытаясь запечатлеть в памяти каждый миг казни, записав его после в городские анналы. Невдалеке от них у края эшафота расположились многоуважаемый и достопочтенный монсеньор титулярный епископ Гаэтано Квирини и прокурор Лоренцо Монтинеро. Эти двое были заняты спокойной и размеренной беседой.

— Помнишь ли, друг мой, как нам с тобой довелось услышать недавно пророчество?

Монтинеро удивлённо поднял брови и ответил его преосвященству, что отродясь никаких пророчеств не слышал, но в Библии, в Книге пророка Даниила, читал о них.

— У тебя короткая память, Лоренцо. Мы оба сподобились услышать пророчество о конце из уст одухотворённого Бахусом юродивого пиита, кой, уподобившись одержимой менаде, изрёк нам прорицание: «Злость, нечестье горделиво кончатся своим концом!» Я говорил тебе, что сразу угадал в этой на первый взгляд глупейшей фразе смысл мистический и сакральный и задался целью постичь его.

— И преуспел?

— Почему нет? Слушай и внимай моему толкованию. Мы — жалкий образ Всевышнего, но в нас тлеет искра Его разума. Я долго размышлял, Лоренцо, над смыслом слова «конец». *Finis coronat opus* — это венчающий дело конец и, одновременно, это предел, граница, рубеж, край... *Finis* — есть заключение и окончание, это цель, назначение и намерение. Это и вершина, высшая степень, это и *finis bonorum*, высшее благо, и последнее — *finis supremus*, исход и кончина. Понимаешь?

— Пока весьма смутно, — извинился прокурор. — Я как-то, знаешь, больше по юридической части.

— Я тоже не сразу понял. Суть — в диалектике Зенона Элейского, научившего нас анализу противоречий и синтезу единств. Наша жизнь — преодоление пределов, постижение целей, достижение высших степеней, покорение вершин и... *finis supremus*, исход. Я долго ломал голову. Почему в финале, в итоге, в конце — смерть? Нет, должна быть «*Sine ulla fine* — бесконечность...» Но что есть *supremus*? Это — высочайший, крайний, последний, смертный, погребальный, чрезвычайный и жесточайший. И тут меня осенило! Проступило откровение. Значит, ты можешь выбирать — не конец, а его суть, его *supremus*. Между высочайшим и жесточайшим есть градации, и одновременно в этом выборе — пропуск в бесконечность, которая недостижима без исхода и кончины, и вместе с тем это выбор качества твоей личной бесконечности — дурной или благой. Нужно кончиться, чтобы стать бесконечным.

Прокурор вздохнул, явно не оценив сказанного.

— Надоела мне твоя заумь, Гаэтанелло. Ты не забыл, что я завтра женюсь, философ?

— Помню.

На казнь временщика сошёлся весь город, каждый сиенец считал своим долгом полюбоваться на то, как проходит земная слава, как жалок и ничтожен ныне тот, кто ещё вчера почитал себя вправе творить, что вздумается, чьи люди чинили разбой, и на кого не было управы.

Что же, они были правы, слава земная быстропроходяща, и останки людей, наделавших при жизни немало шума, лежат среди могил погоста так же тихо, как и все остальные.

Альбино тоже был на площади, он стоял, не отрывая глаз от эшафота. Руки его то и дело судорожно сжимались, в глазах темнело. Сама казнь, одна из самых страшных из придуманных людьми, истомила его едва ли не больше казнимого. Негодяй, о чьей смерти Альбино не мог думать без содрогания, был столь жалок, что смягчалось любое сердце. Альбино замораживало на июньском солнце, и стоявший рядом с ним Франческо Фантони, заметив это, накинул ему на плечи лёгкий плащ. Однако сам Фантони смотрел на последние минуты земного бытия мессира Марескотти пристально и сумрачно, со странной, змеящейся на губах улыбкой, и ни мгновение не отвёл глаз от плахи и палача.

Сразу после казни, не желая оставаться на празднество, Альбино нарочно затерялся в толпе и долго сидел на скамье в маленькой церкви, куда забрёл, стараясь укрыться от городского шума. Со времени его приезда в город прошло полтора месяца, и вот — случилось то, на что он не мог даже надеяться. Возмездие, жестокое и страшное, постигло всех его недругов, а он — он даже ни разу не вынул кинжала из ножен.

«Господь — отмщение и воздаяние...», то и дело повторял он.

Ему больше нечего было делать в Сиене, и Альбино задумался о возвращении в монастырь. При одной мысли об этом — улыбнулся. Снова увидеть Гауденция, братьев, часами сидеть в скриптории за книгами, вечерами — молиться и смотреть на полную луну. У братьев сейчас в разгаре сенокос, подумал он, и ему показалось, что в воздухе подлинно повеяло запахом свежескошенной травы, сладковатым-приторным и душно-пряным.

* * *

Вечером того же дня он попрощался и получил расчёт у мессира Арминелли, выразившего искреннее сожаление по поводу его решения уехать из города. Он распростился и с Камилло Тонди, душевно поблагодарив его за оказанное ему архивариусом сердечное внимание во время его пребывания в Сиене. Всё, что ему оставалось, — собрать вещи и проститься с монной Анной и Франческо Фантони. Вещей у него было совсем немного, он собирал их в котомку, слушая, как на балконе перебирает струны Сверчок.

Боже, сдержи твой гнев.
Милость яви, Творец,
Жертвой своей одолев
чёрствость людских сердец.
Ты — моих дум оплот,
и к одному Тебе
Сердце моё прильнёт
в горькой своей мольбе...

Монах решил выехать утром, до рассвета, и уже днём следующего дня добраться до монастыря. Он представил себе, как удивится его рассказу Гауденций, и сам снова задумался над путями Промысла Божьего.

Тут он, однако, вспомнил о плаще, что одолжил ему Франческо Фантони. Альбино прошёл через балкон и окликнул Сверчка. Но никто не отозвался. Комната Франческо была пуста, её освещал только тусклый огарок свечи в шандале, стены и углы спальни тонули в сумраке, а на столе в дорогом чехле миланской кожи лежала гитара Франческо. Свеча потрескивала, и воск крохотными каплями разлетался по сторонам. Монах торопливо снял со стола гитару, боясь, что воск повредит коже, и опустил её на стул. Неожиданно напрягся.

Что-то произошло. Точнее, что-то в нём напряглось в непонимании, но тут же и отпустило, оставив, однако, в душе странную тягость. Что? Альбино несколько минут молча озирает комнату, свечу, гитару. Перед глазами смутно мелькнули деревянные подмости сцены в Ашано, куча соломы, пьяный Франческо. Он, Альбино, тогда тоже поднял эту гитару, помогая перетащить пьяного Фантони в павильон торговца пастилой. Но... Альбинс взял инструмент за гриф и взвесил его на руке. Гитара не весила и двух фунтов, была почти невесома. Монах сел у стола и уставился на инструмент. Он помнил, что в Ашано гитара Фантони показалась ему очень тяжёлой, она весила фунтов десять. Он ещё удивился, как она тяжела.

Альбино раскрыл застёжки чехла, вынул гитару, снова взвесил на руке, оглядел колки, гриф, корпус, струны. Это был дорогой, на совесть сделанный инструмент, но откуда в нём мог взяться такой вес? Альбино в недоумении взял чехол. Кожа, нежная, бархатистая, приятно ласкала ладонь. А это что? Чехол, к изумлению монаха, не гнулся, а там, где он расширялся в корпус, кожа удваивалась, становилась грубее. Поднеся чехол к свету, Альбино вздохнул. Удвоенное место в чехле было мехом для вина, изнутри были нашиты несколько странных складок, в одной из них он с удивлением нашёл... луковицу, а не гнулся чехол просто потому, что от основания до грифа был ножнами, и, отодвинув незаметный клапан, монах извлёк из него стальной клинок рапиры.

Мысли в нём остановились, только пальцы осторожно касались холодного металла.

— Оставьте её, Аньелло. Порежетесь.

Глава XVII. Исповедь палача

На пороге комнаты стоял Франческо Фантони. Он забрал из рук монаха клинок и вернул его на место. Свеча, догорев, последний раз полыхнула и погасла. В чернеющей за окном ночи проступила круглая, как золотой венецианский цехин, луна. Альбино закрыл лицо руками, словно пытаясь отстранить от себя жуткую догадку, закрыться от неё, остаться в сладком, пусть и лживом неведении. Потом поднял глаза на Франческо, казавшегося в лунном свете почти призраком.

— Я правильно понял? — в голосе Альбино была та тоска, что терзает обычно сердце приговорённого к смерти.

Из тона Фантони исчезли гаерские нотки, голос зазвучал ниже и глуше.

— Смотря, что вы поняли.

— Вы — убийца? Гибель Турамини, Миньявелли, Ланди, Грифоли, Донати, Линцано, Сильвестри — это ваших рук дело? Баркальи — на вашей совести?

К его изумлению, голос Фантони искрился весельем.

— А если допустить, что да? Донесёте? — Он вынул новую свечу и чиркнул клинком кинжала по огниву. Сгустившаяся по углам тьма отодвинулась, отступила в углы.

— Франческо, — в голосе Альбино проступили слезы, — как можно? Что вы сделали со своей душой?

— То же самое, что вы со своей, Аньелло, — Фантони снова гаерствовал и фанфаронил, — деяние наша вера приравнивает к помыслу, и если допустить, что вы хотели убить этих людей, а я это сделал, то мы будем в аду вариться в одном котле, мессир Буонаромеи.

Альбино на минуту смутился.

— Вы... знаете меня?

Фантони издевательски усмехнулся.

— Я заподозрил это в ту минуту, когда впервые увидел вас в гостях у моей дорогой матушки, ну, а когда узнал, что вы привезли письмо от моего братца Гауденция, тут и сомнения все отпали.

Альбино лихорадочно размышлял, но ничего не понял.

— Но как? Почему?

— Потому что у вас красивые глаза, мессир Буонаромеи, — глумливо проговорил Франческо, — и они пребольно резанули мне душу. У вас глаза моей наречённой Джиневры Буонаромеи, а она говорила, что у неё, кроме Магтео и Томазо, есть ещё один братец — Аньелло, который спасается в монастыре Сант`Антимо, где, как вам известно, пребывает и мой дорогой единокровный и единокровный братец Джильберто. Как же тут не догадаться — то бы, помилуйте? — снова бросил он с издёвкой. — Но, честно говоря, я несколько дней, глядя на вас, просто понять не мог: неужто этот ягнёночек явился сюда вершить вендетту? — Фантони едва не хохотал. — Вы сами-то вправду, что ли, верили, что способны убить?

Альбино молча, закусив губу, смотрел на Фантони. Ему и в голову не приходило, что его давно раскусили, он совсем не предполагал этого и даже не знал, что у Джиневры был жених. Да, его глаза походили на глаза сестры, но всё же...

Франческо же язвительно продолжал:

— Однако раз уж вы замыслили месть, то в чём упрекаете меня? Неужели вы и вправду предполагали, что Господь, исключительно для вашего удовольствия и для того, чтобы вам не обагрить рук кровью, чудом расправится с семьёй подлецами?

По щекам Альбино заструились слезы, обжигающие глаза, двоящие и размывающие фигуру Фантони. Мысль о том, что этот, столь нравящийся ему человек взвалил на свои плечи такую страшную, невыносимую для души тяготу, убивала его. Он только и смог, что спросить, точнее, жалобно пробормотать.

— Господи Иисусе, как же это?

Франческо Фантони несколько мгновений смотрел на него странными искрящимися глазами, потом усмехнулся и, словно восприняв его горестную риторiku за истинное непонимание, любезно ответил:

— Как? Что же, охотно расскажу, — он плюхнулся на кровать, откинувшись к столбу полога. — Я увидел вашу сестру полтора года назад в рождественский сочельник. — Лицо его перекосила усмешка. — Зачем смущать монаха лишними соблазнами? Но иногда бывает так, поверьте, что ты видишь женщину и понимаешь, что пришла весна... даже если на дворе январская стужа. Я полюбил и сделал всё, чтобы меня полюбили в ответ. — Глаза Фантони потемнели, — мне оставался год учёбы, и я был бы магистром медицины. Я заключил с ней тайную помолвку и уехал в Рим. — Он помрачнел. — Я не ожидал ничего дурного и не боялся измены, я любил её и верил ей. Была лишь одна глупость с моей стороны: ничего не сказать о помолвке матери, в итоге... мать писала мне о творящихся в городе беззакониях, но вскользь и скупно, и ни слова не говорила о жертвах Марескотти. И потому, когда я по возвращении узнал, что её нет в живых, что братья казнены, а монна Буонаромеи исчезла из города, продав дом... — Фантони потемнел лицом, потом потряс головой, точно прогоняя какую-то навязчивую мысль. — Я вообще-то милосерден и не очень злопамятен, я могу простить врагу оскорбление и снести обиду. Но как простить сотворённое не тебе, но любимой тобой? И не плевков в душу, а преступление? Раствление, убийство? — Альбинс молчал. Франческо потёр лицо бледными пальцами, точно стирая наваждение. Потом со вздохом продолжил. — Мой первый помысел был самым чёрным. Я не хотел жить, не хотел жить, не хотел жить. Всё потеряло смысл, но... Я преодолел дурное желание убить себя сам, причём — другим греховным помыслом.

Фантони поднялся.

— Я верю в Господа. Я говорил себе, что мерзавцы будут наказаны Богом, возмездие настигнет их, но она... Джиневра снилась мне каждую ночь. Я хотел видеть её в том вишнёвом платье с белыми кружевами, что было на ней, когда я уезжал в Рим, но она всякий раз приходила в лохмотьях, избитая, осквернённая, со стекающими с волос ручьями воды. Я просыпался в поту, с глухо колотящимся сердцем. — Он ненадолго умолк. — О, я не мстителен... Я вопиял бы к закону. Но закон глумился надо мной... — Фантони говорил, словно пьяный, со слезящимися мутными глазами, и Альбино почувствовал, как по спине его прошёл озноб, ведь Франческо повторял его мысли. — Я ловил себя не на бунте против Бога, Аньелло. Мне, правда, жаль, что я не вмещаю величие Его готовности простить и возлюбить разбойника на кресте. Но потом я подумал, что на кресте и я его бы простил. И на плахе бы простил. Эта мысль вдруг облегчила мне сердце. Да, на плахе, умирающему, я прощу ему всё и очищу свою душу от мстительных помыслов. Значит, надо довести его до плахи, только и всего. Я выжил только помыслом мести.

— Преступление влечёт за собой кару — горячо возразил Альбино, — но те, кто

пытаются сами покарать преступление, становятся преступниками сами. Таков фатум падшего мира. Я понял это. Жестокость порождает жестокость, страдание множит страдание. Высшее добро — это сострадающие, освобождающие от казней, совершающие чудеса...

— Человек, который не выносит жестокости и страданий, вовсе не свят, Аньелло. Милосердие — добродетель сильных духом, — криво усмехнулся Франческо, снова развалившись на кровати. — А в слабых оно проступает изнеженностью да золотушностью.

Альбино несколько минут молчал, потом тихо согласился:

— Да, я не имею права судить тебя, ибо поддался тем же мстительным помыслам, и разница именно в том, что я не осуществил их. Да, не по силе, а по слабости. Но как жить с такой тяжестью, что ты взвалил на себя? И... как ты это сделал? Господи, — он вскочил, опомнившись, — ведь это же невозможно было сделать!?

Фантони снова рассмеялся, хоть и невесело.

— Богу содействующа, дорогой Аньелло, Богу содействующа. Но на самом деле, ты неправ в главном. Душа моя не обременена грехом убийства, ибо имели место не убийства. Я же говорил тебе об этом, — теперь встал и Фантони. — Это были не убийства. Это были казни, причём, наизаконнейшие. Что до их совершения, то ты прав, конечно: никто не мог сделать такое в одиночку. Я был не один.

Альбино побледнел и снова опустился на стул.

— Начав замышлять возмездие, — монотонно продолжал Фантони, — я понял, что бессилён. Идти по пути заговора не имело смысла, убить мне одному — его с охраной в семь бугаев было невозможно, а иного пути я не видел. Но я говорил тебе, я не бунтовщик, — Фантони поправил фитиль свеч, сняв с неё нагар. — Я пошёл к Богу, а так как мы имеем дело с Господом через его посредников, я оказался в исповедальне у своего крестного отца, монсеньора епископа Гаэтано Квирини.

— Что? — Альбино снова вскочил, — этот кощунник, распутник и лизоблюд Петруччи?

— Вздор, — осадил его Фантони, — человек большого ума и сильной воли, мужественный и честный. Он бесился от происходящих в городе мерзостей, но не хуже меня понимал своё бессилие. Обличи он негодяев — сам стал бы для них персоной нон грата, но Марескотти с места не сдвинул бы. «Вершина власти, — всегда говорил Квирини, — это дно беззакония. Во власть не приходят, в неё всплывают из бездны те, кто не тонет. И только от того, сочтут ли они тебя своим, зависит, как близко подпустят...» А ему надо было, чтобы подпустили. Подлец, окажись он среди людей чести, вынужден был бы говорить слова чести и прикидываться добродетельным, стало быть, оказавшись среди подлецов, подражай им, говорил он, только и всего.

Альбино начал понимать.

— Господи, так он... стал юродствовать?

— Он получил епископскую хиротонию от Джованни Пикколомини. До того внимательно приглядывался к кучке власть имущих, ибо не только дьявол сеет плевелы в доброй пшенице, но всегда, стоит только поискать, найдёшь пшеницу и среди плевел. Он нашёл Лоренцо Монтинеро. Из дюжины обвинённых им преступников судья оправдывал дюжину, ибо, как ни суров закон, сотня дукатов неизменно заставляла его смягчиться. А ведь апостол верно заметил: «Где нет закона, нет и преступления». Монтинеро же — человек закона, истинный жрец Фемиды. Они с Квирини быстро спелись, стали друзьями не разлей вода. Тогда же Гаэтано начал прикидываться распутником, игроком и пьянчугой, и

добился цели: мерзавцы из клики Петруччи приняли за своего человека. Он же научил этому и меня: «Играй шута и гаера, и никто не воспримет тебя всерьёз...»

— И вы...

— Я завёл дружбу с блудными девками и начал шляться по притонам, нарочито попадался пьяный ночному патрулю. Матушка, с её жалобами на мои пьянки и блудные похождения, тоже немало мне поспособствовала. Потом, обрядив двух потаскушек в скромные платья, я начал сводить их с охраной Марескотти, девицам — клиентура, мне — слава сводника. Я же часто выражался шлюхой и в красном платье мелькал у епископского дома, чтобы реноме епископа не вызывало сомнения в кругах Петруччи. Божья Коровка разносил сплетни по городу и передавал мне поручения Монтинеро. В итоге мы добились своего: я и Квирини стали пользоваться доверием в их кругу.

— Но вас не любили, тот же Донати...

Фантони пренебрежительно махнул рукой.

— Марескотти не велел им трогать меня. Максимум, что они могли, — паскудно подшутить. Но всё это было после, — Франческо прошёлся по комнате. — Вначале же я сказал Квирини и Монтинеро, что убью Марескотти и его людей. Гаэтано ответил, что Бог сам воздаст злодею и растолковал мне, что если я отомщу за себя, Бог уже не будет наказывать обидчика. Я взорвался. Обидчика? Разве меня обидели? Из меня вынули душу и отняли любовь. Но свою боль я мессире Марескотти прощаю. По-христиански. Но её боль я прощать не уполномочен. У меня нет права это прощать. Такое право есть у Христа, а я — простой смертный. Я перестану быть человеком, если прощу такое. И ждать кары Господней я тоже не мог. Каждый день, когда он жил и здравствовал, уводил меня в смерть.

Монтинеро и Квирини заспорили. «Есть божественная карающая справедливость, считал Квирини, независимая от стремлений людей». «Идея возмездия относится к китам, держащим мир, возражал Монтинеро, и она потеряет смысл только в том случае, если человек разучится различать добро и зло, погрязнет в скептицизме и безразличии. С падением идеи возмездия наступит неизбежный паралич жизни...» Они препирались полчаса, богослов с юристом, переливая из пустого в порожнее. В итоге Монтинеро, законник из законников, сказал Квирини, что Бог судит мир, но доверяет и людскому суду. Он готов выступить обвинителем, заявил Лоренцо, ну, а любой епископ, как прописано в законе, — судья и инквизитор по должности. Что до адвокатуры — у него есть дружок, Камилло Тонди, он архивариус, но по профессии — адвокат, казначей гильдии юристов.

— Господи, и... мессир Тонди... согласился?

— Выступить адвокатом Марескотти? С учётом, что тот осквернил его племянницу Лучию Челлези и наставил рога его другу мессире Мартини? — прыснул Франческо. — Да, он согласился, но выступил из рук вон плохо.

Мы все собрались в подвале храма Санта-Мария дель Ассунта. Когда прокурор огласил обвинительный акт, у Камилло было весьма мало аргументов в защиту, он проблеял, что надо учесть то обстоятельство, что плоть немощна, а власть развращает. Судья, наш многоуважаемый и почтенный монсеньор титулярный епископ Гаэтано Квирини, выслушал обвинение и учёл аргументы защиты, но, подумав, вынес смертный приговор и Марескотти, и его людям. Однако, как всем известно, *ecclesia abhorret a sanguine*, церковь ненавидит кровопролитие. Поэтому своей апостольской властью его преосвященство назначил палачом светского человека. Меня. — Фантони шутовски поклонился.

Внимательно слушавший его рассказ Альбино удивился. Ремесло палача было

страшным в его глазах.

— И вы согласились?

Франческо вскинул тёмные брови.

— Я поблагодарил Высокий Суд за честь, — спокойно ответил он, — но обратил внимание собравшихся на сложность задачи. Казнь восьмерых приговорённых к смерти преступников требовала тех сил, коими я, ничтожный, не обладал, и я смиренно признал это. Я, к сожалению, не Геракл. Но его преосвященство не счёл этот аргумент весомым, велел мне поискать в анналах палачей и в арсенале казней вспомогательное средство, а мессир Монтинеро снизошёл даже до того, что согласился выступить моим подручным. Мессир же Тонди вызвался помогать нам и обеспечивать в случае надобности алиби для лживого человеческого суда. Оставалось привести приговор Божьего суда в исполнение.

Альбино оттаял и чуть улыбнулся.

Подобного рода законность выглядела странно, но он подлинно не видел ей аналога в эти незаконные времена. Он понял, что судили Марескотти по «Кодексу Юстиниана» и провели обычный инквизиционный процесс с дознанием и расследованием. Обвинение предъявлялось прокурором от лица государства «по долгу службы», следствие велось по инициативе суда, и не было ограничено сроками. Дознание устанавливало факт совершения преступления и подозреваемого, для чего судья занимался сбором тайной информации о преступлении и преступнике. Для каждого преступления собирались «полные и доброкачественные доказательства, улики и подозрения». Вместе с тем они не могли повлечь за собой окончательного осуждения, которое выносилось только на основании признания обвиняемого, и если оно не могло быть получено добровольно, допрашивали под пыткой.

— Но ведь обвиняемый не признал свою вину, — проронил Альбино.

Фантони усмехнулся.

— Признал. Правда, не на судебном заседании, а на ужине у мессира Турамини, но иногда можно и пренебречь некоторыми пустыми формальностями. Марескотти в подпитии сказал и, заметь, без пытки и принуждения, что именно по его приказанию украли и Джиневру Буонаромей, и Цезарини, и Лучию Челлези и всех остальных, он добавил, что в этом городе будет иметь любую, какую захочет. Присутствовали и сам епископ, ваш покорный слуга, и Монтинеро, и Тонди. Чего же вам ещё, помилуйте? — развёл руками паяц. — Это ли не свидетели?

Альбино задумался. Достаточными доказательствами на процессе являлись показания двух «добрых» свидетелей. Поскольку суд сам производил расследование, собирал и обвинительные, и оправдательные доказательства, окончательный приговор определялся уже в ходе следствия. Судья и судебные заседатели перед специально назначенным «судным днём» рассматривали протоколы следствия и составляли приговор, а «судный день» сводился к оглашению приговора и приведению его в исполнение.

Альбино отчасти понял, почему совесть Франческо мало обременена содеянным, однако многого по-прежнему не понимал.

— Но как вы смогли прикончить их? Ведь подлинно это было невозможно.

— Трудно, — поправил Фантони, — я убил на это целую неделю. Я изучал медицину, но в ядах был слабват. Помог книгочей Тонди, вычитавший из старых рукописей о казнях древних и о смерти Сократа, после чего мы с Камилло и Бочонком прогулялись на пустошь. Ну, я не стал подражать древним, с чего бы? Цикуту им подавай! — он шутовски наморщил

нос. — Я был не привередлив. Аконит и красавка, безвременник и болиголов, повилика и волчегодник, дурман и наперстянка, мордовник и бересклет, белена и багульник, чёрный паслён и белокопытник, ягодный тис и чемерица — в корзину летело всё, что подворачивалось мне под руку. Потом мы с Монтинеро направились в Сан-Джиминьяно и там, основательно измазавшись, поймали гадюку. Ещё три дня я корпел над составом чёртового зелья, и, видит Бог, древние не заморачивались так с Сократом, как я с Марескотти. Наконец моя отравка была готова. Монтинеро предложил испытать её на ком-либо, но мне было жаль божьих тварей. Я сердоболен и удовольствовался тем, что возле моего зелья на лету дохли мухи.

Альбино заворожённо слушал, подняв на Фантони остановившиеся глаза.

— Но, — продолжил Франческо, — я сглупил. Человеку свойственно ошибаться, причём, главным образом, по беспечности и самонадеянности. Что и выплыло почти сразу. — Он вздохнул. — На казни Тонио Турамини, мерзавца из мерзавцев. Мы учились вместе, и я не боялся, что он не подпустит меня близко, но Монтинеро сказал, что подстрахует меня. Я казнил впервые и мог разволноваться, считал он. Лоренцо — умный человек.

— И вы сильно разволновались? — Альбино не заметил, как разволновался сам. Сейчас он болел душой за Франческо и внимал его рассказу как настоящий соучастник преступления.

— Волновался? — удивился Франческо. — Нет, меня трясло от нетерпения и злости, но, говорю же, я пал жертвой собственной глупой самонадеянности. Надо было опробовать яд. Мы подъехали к нему на горном склоне. Монтинеро столкнул его с лошади, а я зачитал ему приговор. Мой кинжал с ядом рассёк ему затылок, и он стал в судорогах кататься по земле, хрипя и извиваясь. Умер он через считанные мгновения. Но... увы.

— Увы? — повторил за ним Альбино.

— Да, увы, чёрт побери! По всей его морде пошли алые пятна, через несколько минут они местами посинели. На губах выступила пена.

— И как же вы... Что же вы сделали? — сердце Альбино колотилось так, словно труп Турамини лежал сейчас у его ног.

Фантони не затруднился.

— Пришлось привязать его ногу к стремя Миравильозо да прокатиться по горным кручам. Лицо его было теперь основательно разбито, череп тоже. Кровь успела свернуться, пришлось Монтинеро разрезать себе руку, лицо покойника залили кровью, и казнённый казался теперь просто изувеченным лошадю. Мы всунули его ногу в стремя его кобылы и уехали.

Альбино слушал, затаив дыхание.

— О, этот обратный путь, — вздохнул Франческо. — Я долго не забуду той головомойки, что учинил мне Монтинеро. Всю обратную дорогу Лоренцо костерил меня на чём свет стоит, ругал последними словами, глумился и изгалялся, говорил, что из меня такой же медик, как из него — поэт, и предрекал, что моё место — на храмовой паперти, где я и умру от голода среди нищих, просящих подаяние.

— Он обидел вас?

— Что обижаться на слова истины? — со вздохом изрёк Франческо. — Он был прав. Вернувшись домой, я пересмотрел состав зелья, тщательно всё взвесил и оставил в нём только змеиный яд, болотный вех и сок чёрного паслёна. Без них змеиный яд слишком

быстро загустевал. Я пообещал Джулио Миньявелли привести на его виллу одну приглянувшуюся ему девицу, он был там вовремя, отпустил слугу, и мы с Монтинеро встретились с мерзавцем в его покоях. Лоренцо сторожил дверь, а я зачитал Джулио приговор. И что вы думаете? Миньявелли заверещал, оттолкнул меня, проскочил мимо Монтинеро и выскочил на лестницу. Не успеет Лоренцо подставить подлецу ножку — удрал бы сукин сын и испортил бы всё дело, — виновато развёл руками Фантони, призывая Альбино в свидетели его новой неудачи.

— Монтинеро снова ругал вас?

— Не то слово. Наглый судебный крючок расписал за ужином с Квирини и Тонди всё произошедшее, издевался надо мной, потешался как Арлекин над Пьеро. Я вспыхнул, наговорил дерзостей, заявив, что нечего превращать отстрел бешеных собак в судебное заседание, надо бить из-за угла и в спину, а не расшаркиваться перед всякой нечистью. Но Монтинеро, чёртов крючокотвор, настаивал на своём и говорил, что если у кого-то руки из задницы растут, это не повод хаять правосудие. По счастью, монсеньор епископ Гаэтано — человек снисходительный и душевный, он вступился за меня. Решено было в следующий раз казнить Микеле Ланди вчетвером, тем более что туда, в Сан-Джиминьяно, были приглашены мы все.

Альбино слушал Фантони, почти не дыша. Тот хладнокровно продолжал:

— Вот тут всё прошло прекрасно. Такой казнью можно было только гордиться. Сутолока, шум, гам, все пьяны и веселы, никто ничего не замечает! Пока все глазели на жонглёров, я завёл Микеле за конюшню, где ждали Монтинеро, Тонди и епископ Квирини. Ему прочли приговор, и я впервые опробовал свой новый яд, воткнув ему в голову кончик даги с моим новым зельем. Он побелел и упал, как подкошенный. Ни пятен, ни следов, и кто бы заметил в его волосах каплю крови?

— Но... как же болото?

— Мы решили, что надёжнее сразу предать его тело... топи. В сумерках по намеченной тропе мы с Тонди, Монтинеро и Квирини доволокли его до первого топкого места и там упокоили. Епископ, добрейшей души человек, даже отслужил над ним короткую панихиду. Потом Тонди проскочил, якобы ища кота, сидевшего у меня в комнате, в его покои. Наш Камилло мастерски открывает любые замки, вы знаете это? Он унёс оттуда арбалет Ланди, который утром, пока его не хватились, мы с Монтинеро отнесли к Виперовой топи, где заодно пополнили запасы яда, поймав ещё одну гадюку. — Франческо откинулся на стуле и подытожил, — Сан-Джиминьяно было абсолютной удачей, и нами было решено проводить казни именно в дни всеобщих торжеств и соборищ и тут...

— И тут? — зачарованно подхватил Альбино.

— Тут нелёгкая принесла монаха, — иронично просветил его Франческо. — Вас.

Глава XVIII. Божий суд

Альбино невольно улыбнулся.

— Я узнал вас сразу, первое время приглядывался, доложив Квирини, Монтинеро и Тонди, что в город явился брат Томазо и Маттео Буонаромей, и мы даже обсуждали, не стоит ли привлечь вас к делу. Но Тонди сказал, что вы чистый и неглупый человек, однако не способны к заплечных дел работе. Монтинеро, присмотревшись, назвал вас белоручкой и чистоплюем, а монсеньор епископ, не раз замечавший, какими глазами вы смотрите на него, безошибочно опознал в вас монаха и тоже вынес вердикт, что вы не годитесь для чёрной работы. Однако вас, сами понимаете, не очень опасались.

— Понимаю, — кивнул Альбино, — я не предал бы вас, но помощником, и впрямь, был бы никудышным.

— Ещё бы! Как вспомню Ашано! — расхохотался Франческо.

— О!...- спохватился Альбино, — я помешал вам, когда перетащил вас из шатра? Если бы я знал...

Фантони великодушно махнул рукой.

— Не очень и помешали, четырём палачам трудно стать поперёк дороги. Куда больше помешал проклятый Сильвио Блевони. От его стихов я едва не умер...подлинно налижаться захотелось.

Альбино развёл руками.

— Так вы притворились пьяным? Но я помню праздник в Ашано и ума не приложу, как вы всё это сделали. Ведь подеста сказал, что никто не успел бы... У вас же было так мало времени.

Фантони рассмеялся.

— Времени было сколько угодно, — пояснил он, — просто Монтинеро пошутил с воротом. Я после бенефиса дорогого Блевони чувствовал себя ужасно, — поморщился Франческо. — Я — не Лоренцо, сами понимаете, это тому всё, как с гуся вода, а у меня душа поэтичная, тонкая, говорю же, от виршей Сильвио мне наклюкаться захотелось. Но нельзя. Я слил бутылку вина в мех на гитарном чехле, сам глотнул едва ли пинту, чтоб шёл запах, после прикинулся пьяным и свалился рядом с шатром актёров, в ста шагах от колодца.

Альбино закусил губу.

— Да, я, выходит, помешал. Но почему — колодец?

— Квирини по очереди с Камилло и Монтинеро следили за Пьетро Грифоли, в итоге, услышали, что они договорились встретиться там после восьми. А так как вы положили меня в месте достаточно безопасном, но весьма отдалённом, мне пришлось отдать флакон с ядом Лоренцо...

— Но когда он сделал это? Ведь подеста прав? В те промежутки времени, что оставались, как можно было убить его?

— Говорю же — Лоренцо пошутил. Он и Квирини заманили его к конюшням, огласили приговор и казнили. Тело же оставили у поленницы, закрыв плащом. Монтинеро приглядывал за тремя дураками, прождавшими четверть часа у колодца, и, едва они ушли, прокрался к колодцу и тут вдруг услышал, что управляющий из дома посылает горничную за водой. Он и сообразил, что это ему вельми на руку. Силища в нём немереная, он левую ручку ворота перекосил играючи и загнул за опору столба. Девица пришла, подёргала ворот, а он

ни в зад, ни вперёд, она перепугалась, ведь примета такая есть: коли ворот колодезный не крутится, значит, его чёрт держит. Она и удрала в испуге. Ну а после времени было хоть отбавляй: шёл спектакль, все у венецианцев собрались, Квирини с Монтинеро ворот выпрямили, Грифоли в колодец сунули, после чего епископ ушмыгнул к Петруччи, а прокурор команду дал Камилло Тонди кота ему отдать, потом — искать да свидетеля к колодцу привести. Едва Монтинеро услышал, что вы подходите, ему оставалось только Бариле на крышку колодца посадить да к шатру ускользнуть — за девицей своей ухлёстывать.

Альбино вспомнил, как после обнаружения трупа заметил у ворота Монтинеро и Квирини, беседовавших о русалках, и мысленно ахнул: у этих людей не было нервов.

— Господи, они стояли там час спустя и говорили так спокойно и равнодушно! Но зачем они вышли туда?

— Монтинеро беспокоился, не перекосили ли они ворот, выпрямляя его. Они убедились, что нет.

— И прокурор после кокетничал с девицей!

— Да поймите же, он делал своё обычное дело, — пояснил Фантони, — дело законника: избавлял мир от убийц и насильников. Монтинеро считает, что действовал по закону на основании решения суда, а пока он так считает, его невозможно ни лишить аппетита, ни смутить пустяками, ни тем более выбить из колеи.

— А Квирини?

— А его преосвященство даст сто очков вперёд Монтинеро, оба они люди чистой души, но подлинно дьявольского ума.

Альбино кивнул, соглашаясь.

— Да, они сильны, но это всё равно люди распада. Такой дьявольский ум — может ли не отравить душу?

— Люди устали ждать Бога, — вздохнул Франческо, — и мир начал распадаться. В нём ещё есть агнцы, подобные тебе, Альбино, но их всё меньше. Остальные делятся на волков и сторожевых псов Пастыря. Монтинеро и Квирини — псы Господни. Овцами их не сделаешь, — усмехнулся Фантони. — Зубы не те, чтоб травой питаться. А волками... Монтинеро удержит честь, Квирини — Бог.

Альбино долго молчал, Франческо тоже.

— Сейчас, когда я вспоминаю Квирини... — задумчиво уронил наконец Альбино. — Если бы у меня не было бы личных счетов к людям Марескотти и к нему самому, я мог бы заметить, что епископ подлинно юродствовал, но почему этого не замечали те же Петруччи и Венафро?

— Не надо валить всех в одну кучу, — покачал головой Франческо, — Петруччи — потому что власть ослепляет, а Венафро... Антонио всё прекрасно понимает, но он не может, да и не хочет обнаруживать это понимание. Он и сам во многом юродивый. Неужели ты полагаешь, что он действительно восхищается стихами Блевони? Просто положение второго лица в Сиене требует жертв — и он их приносит. Венафро, как и Квирини, прекрасно понимает истину, однако соглашается служить лжи. Разница в том, что он лжёт ради лжи, а Квирини — ради Истины. Мне иногда кажется, что Венафро... хотел бы быть Квирини, да накладно.

Альбино несколько минут смотрел на колеблющееся пламя свечи, думал, вспоминал.

— Но постой, — всколыхнулся он, — а Карло Донати? Как вы это сделали? Квирини же

не выходил из-за стола, Тонди — тоже, неужели... Лоренцо?

— Это сделал я, — с мрачным спокойствием ответил Франческо. — Ведь именно Донати нагядел Джиневру в церкви для Марескотти. Этого бугая я хотел заклать собственноручно.

— Но как ты это сделал? Ты же танцевал, пел, мелькал везде во дворе и в зале!

— Вот именно. Просто я счёл, что процедура оглашения приговора преступникам стала обременительной. Я окунул кончик рапиры в новый яд, ибо тот, что я сделал раньше, за неделю засох в склянке, и вывел танцующих во двор, ожидая, что и они к нам присоединятся. Как назло, пошёл дождь, пришлось снова вернуться в зал, чёртова Лаура не давала мне проходу, вешаясь на шею и мешая. И тут он поднялся... — Франческо нервно вздохнул. — Сердце моё взволновалось, я снова повёл девицу во двор, крича, что дождь освежит нас, мы кружились по двору, и он прошёл мимо... У самой уборной я, хохоча, вынул рапиру и ткнул его в плечо её концом, напоминая, что он собирался вызвать меня на дуэль, и, если что, я готов сразиться с ним прямо сейчас! Решимость моя и злость на сей раз стоили силы Монтинеро. Донати обжёл меня злым взглядом, но танцы на свадьбах — неподходящее место для дуэлей, к тому же, нужда его была острой. На моё счастье, он раскрыл дверь нужника и успел закрыть щеколду. Сколько он прожил — не знаю: на сей раз я добавил в змеиный яд морозник и наперстянку, — то, что было под рукой.

Больше мне не о чем было волноваться, кроме одного: чтобы дурочка Лаура не вспомнила и не рассказала никому о нашей с ним минутной перебранке у отхожего места. Впрочем, я зря беспокоился: девица она на редкость пустоголовая, и всё, что её волновало — это заполнить меня в любовники. Она ничего не запомнила. Из тех же, кто танцевал с нами, никто не обратил внимание на мою выходку, — настолько все привыкли к нашим перебранкам и моему гаерству.

Я рассказал Монтинеро о сделанном и, на моё счастье, поглощённый своими матримониальными планами, судейский крючок на сей раз махнул рукой на нарушенную процедуру, Квирини же поддержал меня, сказав, что хватит церемониться с нечистью. Медик не приметил на волосатом плече Донати крохотную царапину, и пятая казнь была окончена. — Франческо облизнул губы и продолжил, — теперь пришёл черед Никколо Линцано.

— Вы отлучились с постоянного двора и настигли его у Фонте-Бранда?

— Нет, — покачал головой Фантони, — на сей раз роль палача опять взял на себя Монтинеро. Я как-то говорил вам, что мне было бы скучно посвятить свою жизнь мести. Это правда. Уже на четвертой казни мне стало скучно, прошли азарт и интерес. Лоренцо тоже скучал. Это, кстати, и придавало нашим деяниям размеренность и хладнокровие. Монтинеро явился к Марескотти. Тот не любил его, человека подеста, но был перепуган, выбит из колеи и потому — принял Лоренцо, который в тот день сообщил ему, что они имеют подозрения на то, что заговор против него все-таки есть. Монтинеро просил Марескотти отменить все встречи и договорённости, потому что, дескать, есть некоторые данные о том, что преступник может даже нарядиться женщиной, чтобы пробраться в дом. В другое время Фабио мог бы и посмеяться над этими фантазиями, но сейчас... — Франческо зло усмехнулся. — Он послал ко мне Никколо Линцано, ибо незадолго до того я обещал привести мессире Фабио одну юную красотку, роль которой должна была сыграть потаскушка Чильеджина. Он велел Никколо отменить встречу.

Альбино мысленно сопоставлял события.

— А где он встретил вас?

— Нигде. Он не застал меня, ибо я, посвящённый в детали плана Лоренцо, пригласил друзей отметить день ангела моего приятеля в небольшую таверну, затерянную среди домов в предместье. Монтинеро же следил за Никколо, заметил, как они вышли с Баркальи на улицу и двинулись к Фонте-Бранда, где, наконец, разошлись. Лоренцо окликнул Никколо, тот сказал, что не нашёл ещё меня и не смог предупредить. Дальше они шли галереей источника и забрели в отсек, где никого не было, Монтинеро сказал, что Никколо приговорён к смерти и казнил его. Всё, что ему оставалось, это притвориться пьяным, выйти, таща на себе Линцано и распевая песни, потом усадить его у входа в источник и осторожно ретироваться. Клянусь, то, что там вскоре оказались вы с Тонди — вовсе не планировалось, тут Монтинеро просто зависел от того места, где расстанутся Линцано и Баркальи. Камилло это понял и дал с Бариле дёру. Вот и вся история.

— А Марескотти ничего не заподозрил?

— Нет, ведь гибель Линцано только подтверждала слова Монтинеро. Я был готов к расследованию, имея безупречное алиби, засвидетельствованное дюжиной моих дружков: с шести вечера я с постоянного двора не отлучался, драл глотку так, что меня слышал целый квартал Гусиной контрады. Ну а расследование, разумеется, с помощью Монтинеро, зашло в тупик.

— Оставался Сильвестри?

— Да, и мерзавец, почувствовав, что пахнет жареным, решил смотаться. По счастью, Лоренцо не дремал и приставил к нему наблюдателя. Его задержали при попытке удрать из города, и прокурор признался мне, что испытывал дьявольское искушение покончить с негодяем в подвале подестата. Но — закон есть закон. Пришлось выпустить Паоло, но не спускать с него глаз. Тот, поняв, что удрать не получится, засел в палаццо Марескотти и не высовывал носа наружу. Я ругал Лоренцо за его нелепое законничество. Но, в конце концов, нам удалось выманить его из дома — вызвав в подестат к семи вечера. Путь его пролегал мимо тупика Могильщиков. Там ждал Камилло Тонди. На сей раз без чёртового Бариле. Монтинеро шёл за Сильвестри следом и тут...

— Боже мой, — поморщился Альбино, — опять я? Я помешал?

Фантони едва не расхохотался.

— Святое незлобие, — его трясло от смеха. — Признаюсь, да. Монтинеро заметил вас, болтавшегося в ногах у Правосудия, и вынужден был сделать все, что вы не помешали ему. После Лоренцо нагнал Сильвестри у тупика Могильщиков, где уже был Тонди, они впихнули его в необитаемый тупик, прокурор огласил его вину и приговор. И тут... Фортуна — капризная девка... — Фантони покачал головой. — Везение — непрочно, нельзя уповать на вечную удачу. Яд не действовал на Паоло, точнее, у него начались судороги, горлом хлынула кровь, перепачкав рукав рубашки Монтинеро, Сильвестри бился, словно в падучей, потом повалился на плиты у подвального окна и там затих. Тонди пришлось открыть замок чужого дома, где они привели себя в порядок, Камилло отдал Лоренцо свою рубаху, они вымыли следы крови на плитах у ниши — в них могли отпечататься следы, засыпали их песком, перетащили покойника к соседнему дому и сунули в другую нишу. В общем, пришлось повозиться. Камилло, он мистик, сказал, что Небо перестало нам помогать. — Франческо вздохнул. — Как бы то ни было, Лоренцо двинулся в подестат, взял Бернардо, сказав, что видел Сильвестри у тупика Могильщиков, а потом тот исчез. Он нарочито провёл подручного храмовой дорогой, чтобы наткнуться на вас. Потом от матушкиного дома мы с

Лоренцо за несколько минут добрались до места, проверили, высохли ли следы крови у ниши подвала, а тут подоспел патруль, и мы отвезли тело в подестат. Мне, признаюсь, стало тошно. — Франческо поморщился. — Плохой из меня палач, — вяло обронил он.

— Но как вы расправились с Баркальи, я же сам видел — в студиоло никто не заходил. Франческо вытаращил глаза и кивнул.

— Воистину так. Никто его и не трогал. Я как-то думал поймать его и избить вожжами, да побрезговал. Ещё руки об такое дерьмо марать. Я, правда, попросил Монтинеро во время допроса о Линцано незаметно сунуть ему в стол мою записку со словами о том, что следующей жертвой дьявола будет он, но это я так, просто попугать мерзавца хотел. Кто же знал, что он всерьёз испугается? — Франческо изумлённо развёл руками, явно давая понять, что это вина отнюдь не легла тяжким бременем на его совесть.

Альбино несколько минут молча сидел, уставившись на гитару в расстёгнутом чехле. Он думал о рассказанном, которое так резко изменило его понимание, потом в его глазах проступила комната, Фантони, гитара. Он потянулся к чехлу и вынул луковицу.

— Господи, а это зачем? — но, едва выговорив это, понял сам. — А, ну конечно... зал приёмов! Вы рыдали там!

— Я хороший актёр, — усмехнулся Франческо, — но зарыдать, особенно, оплакивая Микеле Ланди, не мог. Пришлось проливать слёзы над луком.

— А смерть Марескотти, тут ведь нет вашей вины...

— Нет, вины нет, — согласился Фантони, — это, как говорит наш многоуважаемый и достопочтенный монсеньор епископ, целиком и полностью наша заслуга.

Трапезная Сант`Антимо освещалась большими факелами. На кафедре у столов стоял брат Гауденций, читающий за ужином. Брат Адриано по древнему завету Святого Пахомия ждал братьев у рукомоиника с белой холстиной. Монахи, встав вдоль столов неподвижно, с опущенными на лицо куколями и сложив руки под нарамниками, слушали, как аббат Аллоизий прочитал *Benedicite*.

Альбино сел меж братьев на повечерии, слушал Гауденция.

— *Edent pauperes, et saturabuntur, et laudabunt Dominum qui requirunt eum: vivent corda eorum in sФculum sФculi...* Да едят бедные и насыщаются; да восхвалят Господа ищущие Его; да живут сердца ваши во веки!

Он вернулся в монастырь ещё накануне, был встречен братьями с тихой радостью. Келарь же завёл его к себе в келью и усадил у стола, ожидая его рассказа. Альбино ещё в дороге размышлял, рассказывать ли Гауденцию о случившемся, тем более, что Франческо Фантони, попросив передать брату письмо от матери и привет от него, ни словом не обмолвился о том, что от Гауденция нужно скрывать произошедшее.

Рассказ его затянулся за полночь, Гауденций слушал молча, иногда поднимая на Альбино тёмные глаза — глаза Франческо Фантони — и, пока не выслушал весь рассказ, не произнёс ни слова. Иногда он бледнел, порой — сжимал руки в кулаки, по временам — улыбался. Когда Альбино рассказал о своём последнем разговоре с его братом, Гауденций встал и заломил руки. Было непонятно, смущён он, испуган или отягощён страхом.

— Господи, Франчо, Камилло, Лоренцо, Гаэтано! Назначить себя судьями?

— Я был един с ними помыслами, и если они — согрешили, то это и мой грех, — уверенно сказал Альбино.

Гауденций ещё несколько минут сидел молча, было заметно, однако, что его лицо постепенно светлело и наконец просияло улыбкой.

— Что же, не мне взвешивать чужие грехи. Но если мой братец воздал негодяю за твою семью, ты должен расплатиться с ним, молясь за него.

Альбино с улыбкой кивнул. Именно это он и намеревался сделать.

После повечерия в своей келье он опустился на колени. Перед глазами его промелькнули склонившийся над ним в тупике Могильщиков Лоренцо Монтинеро, Гаэтано Квирини в лиловых ризах за столом в свадебном палаццо, Камилло Тонди с остроухим Бариле и Франческо Фантони с неизменной гитарой в руках.

— Отче всех человеков! Молю Тебя за Франческо, Камилло, Лоренцо, Гаэтано, моих товарищей. Услышь молитву мою и помилуй нас всех. Господи Боже! Утоли скорби наша, прости нам наши греховные помыслы и деяния, наставь нас на пути правые и благослови нас. Аминь.

Молитву эту он повторял еженощно в течение всей своей жизни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не судитесь, возлюбленные, даже гневу места не давайте.
Ибо написано: Мне наказание, Я воздам, говорит Господь».
К римлянам 12.19.

Господи, наши умы залить... (лат.)

Неблагоприятный случай (лат.)